

3
2007

РОССИЯ XXI

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Оргоружие-2. Диалектика естественного
и искусственного в предстоящем
«доуничтожении» России _____ 4

Геоглобалистика

Виктор Мальков

Холодная война: истоки и уроки.
Опыт интерпретации (окончание) _____ 30

Олег Гриневский

Как начиналось объединение Германии __ 62

Страницы истории

Валентина Марьина

Георги Димитров — советский гражданин.
1934–1945 гг.
(по материалам дневников Г.Димитрова) __ 96

Пути духовных исканий

Андрей Каравашкин

Строгое творчество.
О живописи и графике
Александра Айзенштата _____ 120

Ярлыки и мифы

Дмитрий Антонов

«Безобразные образы»:
к эволюции древнерусских
представлений об ангелах
и демонах в XVII веке _____ 134

Ресурсы нации

*Владимир Бородулин,
Виктор Тополянский*

Лишний человек. Доктор
Г.И.Сокольский в Москве середины
XIX века (окончание) _____ 170

Contents in English look at the page 196

Постепенно исчезает чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы «личного», составлявшее прежде основу социального поведения. Все чаще обращение с человеком как с объектом воспринимается как что-то само собой разумеющееся: начиная от бесчисленных форм статически-административного «охвата» и кончая невыносимым насилием над отдельными людьми, группами, даже целыми народами. Не только в критических ситуациях или пароксизмах войн – это становится нормальной формой управления. Однако рассматривать это явление только как утрату уважения к человеку или как беззастенчивое применение насилия было бы, пожалуй, не совсем справедливо, хотя само по себе это и верно. Подобные нарушения этики не появились бы в столь огромном масштабе и не воспринимались бы большинством их жертв как должное, если бы в основе всего происходящего не лежало структурное изменение в переживании собственного «я» и своего отношения к другому «я».

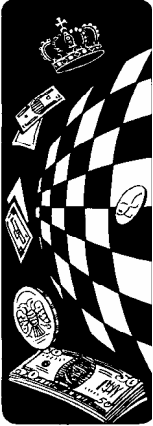
Романо Гвардини

Мы направляем наше внимание на определенное ощущение или осознаем его. Затем мы пугаемся того, что осознали, – не потому, что чувство как впечатление оказалось пугающим, а потому, что идея, в которую мы его преобразуем, оказывается пугающей идеей. Мы не видим путей для ее подчинения и отказываемся от попытки сохранить это чувство. Мы отпускаем его на волю и переключаем внимание на что-то менее пугающее. Я называю это «коррупцией» сознания, так как сознание в таких случаях позволяет себя подкупить, извращает свою функцию, обращаясь от трудной и опасной задачи к чему-то более простому. Описанное здесь не просто надуманная абстрактная возможность, а крайне часто встречающийся факт.

Робин Джордж Коллингвуд

Сергей Кургинян

ОРГОРУЖИЕ-2

ДИАЛЕКТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО В ПРЕДСТОЯЩЕМ «ДОУНИЧТОЖЕНИИ» РОССИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The article deals with the burning issue of organizational weapon and prospects of its employment for purposes of final destruction of Russia. The issue has raised a wide public interest and thus deserves a detailed analysis. Experience of the USSR destruction gives the evidence of the fact that the strategy of pinpoint aimed actions designed to paralyze all mobilization activities of the 'victim' poses the greatest danger. Any enemy will look for peculiar points of system and attack them. Unfortunately, the Russian society is maturing not sufficiently promptly and is still unable to draw comprehensive conclusions from lessons the history delivered. "How to kill an elephant with a needle" collision described by A.Zinoviev is steadily acquiring a new poignancy for us. The organizational weapon starts with words, relies on them. Words allow reconstructing a lot. The pejorative headings the most influential world media use at address of Russia and its leaders prove to be a bodeful warning. These statements commit people who use them to very much. It is unlikely that these statements will remain to be a fake threat. Systemic measures will certainly follow and confirm words. War with employment of informational sabotage acts, intellectual challenges and mega-operations in the sphere of ideal is waged with due consideration of pragmatism and crass materialism intrinsic to the Russian elite and population. Employment of organizational weapon presents a complex and multi-dimensional plan of actions which provides for the absolute denial of the authorities' access to instruments of severe problems solution. The author considers problematic sectors connected with certain types of actions undertaken by the enemy mounting an attack.

**«ЧИ-И-ИЗ!» –
ИЛИ О СУБЪЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

Недавно наш «Экспериментальный творческий центр» выпустил книгу «Оргоружие»¹, посвященную разбору организационно-оружейных действий противников против нашей страны во всех ключевых сферах жизни – идеологической, социокультурной, элитной, образовательной, научной, военной, этнополитической и т.д. Тех действий, которые привели сначала к развалу СССР, а затем к регрессивным трансформациям России.

Реакцией на выход книги стало множество писем, в которых красной нитью прослеживался один и тот же вопрос: «Глупость или измена?» Если шире, то тот же вопрос звучит так: «Сложилась ли сама собой (естественным путем) некоторые обстоятельства или же эти обстоятельства кто-то (искусственным путем) складывал?»

Честно говоря, нас даже поразила степень заинтересованности политизированной части нашего общества таким (для нас, конечно же, немного наивным) вопросом. Но нужно быть глупым снобом для того, чтобы проигнорировать подобную заинтересованность в столь непростой момент. Такой спрос должен породить встречное предложение. Просим считать этот наш коллективный очерк (соавторы статьи – аналитическая группа ЭТЦ) детищем возникшего спроса.

Что же касается непростоты текущего момента, то состоявшаяся встреча G8 много сказала тем, кто умеет расшифровывать гламурные высказывания, картинные мизансцены и ослепительные улыбки. Ведь вряд ли кто-то мог предполагать, что собеседники президента Путина начнут дерзить, грубить, срывать в прямолинейную и однозначную конфронтацию. Тот, кто это предполагал, столь же наивен, как тот, кто хочет выдавать гламурный фасад за реальное содержание происходящего.

В самом деле, разве на международных встречах 1990–1991 годов кто-то перестал вести себя корректно по отношению к президенту СССР? Разве стало меньше в этот момент ослепительных улыбок и щедрых заверений в любви и бесконечном уважении?

Между тем СССР был уже «сдан». И его лидер тоже. Каждый, кто участвовал в тогдашних перипетиях, видел это невооруженным глазом. Каждый, но не тот, от кого еще что-то зависело. Гипноз улыбок и обха-

¹ *Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным. М.: ЭТЦ, 2007.*

живаний – это тоже оргоружие. Самое элементарное из тех, которые мы хотим здесь обсудить.

Это древнейшее оргоружие. Удар должен быть нанесен моментально, беспощадно и в ту минуту, которую уничтожаемый считает своим триумфом. При этом у наносящего удар улыбка не должна сходиться с лица даже в тот момент, когда дело будет сделано: «Чи-и-из!»

В НАЧАЛЕ – СЛОВО

Оргоружие на то и «орг», чтобы парализовывать все формы мобилизации на всех уровнях «общества-жертвы». Именно на всех уровнях – снизу доверху. При этом верхний уровень, конечно, важнее всего. Поразительно, в какой степени наше общество (как вчерашнее, так и нынешнее) игнорирует несомненность подобного «чи-и-из!» во всех его вариантах.

Бывший диссидент Александр Зиновьев, сильно постаравшийся во всем, что касалось разрушения СССР, сделал несколько реверансов по отношению к патриотической части российского общества. И оно «пало к его ногам». Между тем делавший реверансы интеллигент даже не слишком маскировался.

Вот что он говорил параллельно с патриотическими реверансами: *«В 1979 году на одном из моих публичных выступлений, которое так и называлось: "Как иголкой убить слона", – мне был задан вопрос, какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым. Я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно – аппарат КПСС, в нем – ЦК, в нем – Политбюро, в последнем – Генеральный секретарь. Проведите своего человека на этот пост, – сказал я под гомерический хохот аудитории, – и он за несколько месяцев развалит партийный аппарат, и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого начнется распад всего общества...»*

Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам «холодной» войны такую идею. Они сами до этого додумались и без меня. Один из сотрудников "Интеллидженс сервис" говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на "советский престол" своего человека»².

² Зиновьев А. Как иголкой убить слона? // Наш современник. 2005. №10.

Что именно должен думать читатель? Может ли это «думание» (иначе называемое политической рефлексией) управляться теми, кто в данном случае должен стать объектом рефлексии? Тут все зависит от потенциала рефлексии, аппарата, с помощью которого она должна осуществляться. От желания читателя выходить в пространство дискомфорта, связанного с такой рефлексией. Противник хотел, чтобы все это было сведено к нулю. И его хотение сбылось или почти сбылось.

Когда-то в ходе управляемого конфликта на территории советского Закавказья один пожилой и влиятельный аналитик сказал в беседе с экспертами нашего центра: «Это общество ням-ням, которое может зарезать один волк... Один волк!»

Потеряли ли российское общество и российская элита такое сомнительное позднесоветское социальное качество? Если нет, то никакие наши рефлексии по поводу оргоружия ни к чему не приведут.

Что же касается приведенной выше цитаты и форм возможной рефлексии по ее конкретному поводу, то, конечно, хотелось бы знать, где именно (не в каком-то ли центре на юге Германии?) читалась лекция под названием «Как иголкой убить слона»? Если окажется, что лекция читалась в спеццентре, то будет ли преодолено «ням-ням»?

Увы, русское общество взрослеет недостаточно быстро. Подчеркнем еще раз, это касается и всего общества, и его элиты. Последней особо хочется «драмы с хэппи-эндом». По крайней мере, для себя лично. Так хочется, что глаза застит.

Коллизия «иголка и слон» неуклонно приобретает для нас новую актуальность. Потому что Российская Федерация – это уменьшенный слон, фактическая копия предыдущего слона под названием СССР. И этот слон намного более уязвим по отношению к иголочному уколу. А если так, то почему не уколоть-то?

Что же касается показательных откровений, то продолжим цитирование Зиновьева:

«Еще в 1978 году я сказал, что самое уязвимое место в советской структуре – ЦК КПСС. Если на пост генсека придет прозападно настроенный человек, с коммунизмом в СССР может быть покончено в несколько месяцев. К началу 80-х годов и на Западе тоже поняли, что на диссидентское движение рассчитывать нечего, что народные массы в СССР не восстанут, как ты их ни пропагандируй. В то время мне доводилось участвовать в разного рода закрытых совещаниях, где

собирались специалисты, занимавшиеся планированием холодной войны, и эти специалисты говорили: советскую "верхушку" надо купить»³.

Что это за закрытые совещания, на которых собираются специалисты, занимающиеся планированием «холодной войны»? Почему на эти совещания приглашают советского диссидента в условиях, когда для любого западного спеца по «холодной войне» (очень закрытая деятельность!) любой русский, появившийся за границей, это «скорее всего рука КГБ»?

Политическая рефлексия требует уточнений – где все-таки проходили эти закрытые совещания? Они ведь не в пивной проходили! И не в академической аудитории! Потому что на Западе спец по «холодной войне» не станет откровенничать перед академической аудиторией, а эта аудитория постарается отстоять свою респектабельность от десантирования на ее территорию подобных специалистов.

Словно бы откликаясь на наши вопросы, сам Зиновьев кое-что расшифровывает: *«На Западе я был принят именно в качестве антикоммуниста и антисоветчика (хотя не был ни тем, ни другим). Поэтому имел доступ ко всему, что там делалось в бесчисленных советологических центрах, секретных службах и т.д. И тогда я обнаружил, что в правящих кругах западного мира – и в политических, и в идеологических – выработана долговременная программа, в которую входили, во-первых, разрушение советского социалистического строя, ликвидация коммунизма. Но на этом не останавливались. Ставилась задача вообще довести Россию – уже вне зависимости, коммунистическая она или нет, – до такого состояния, чтобы она уже никогда не могла подняться на свой прежний уровень – уровень великой державы»⁴.*

И снова элементарные вопросы в рамках той же политической рефлексии. Что значит «принят на Западе в качестве антикоммуниста и антисоветчика (хотя не был ни тем, ни другим)»? Запад – что, дурак? Но тогда не он бы выиграл оргвойну, а мы, его конкуренты (точнее – жертвы). А если он не дурак, то почему он принял человека, не являющегося антисоветчиком и антикоммунистом, за антисоветчика и антикоммуниста? Человек – что, никакого повода к этому не давал? Так не бывает!

³ Костюков А. *Одиночество мысли (интервью с А.Зиновьевым)* // Независимая газета. 2002. 29 октября. №232.

⁴ Маслов С. *Месть победителей (интервью с А.Зиновьевым)* // Вечерняя Самара. 2004. 17 июля. №27.

Человек притворялся? А зачем он притворялся? Да и притворялся ли он?

Все помнят (а может, уже забыли?) книгу А. Зиновьева «Хомо советикус». Что такое «хомо советикус»? Это лингвистическое оргоружие.

Как оно выковывается? В несколько приемов.

Сначала берется основополагающая лингвема – «хомо сапиенс».

Затем рассматриваются имеющиеся вариации. Ну, например, «хомо фабер» Макса Фриша или «хомо экономикус» теоретиков рынка. О чем говорится во всех этих вариациях? О том, что хомо-то «хомо», но не вполне. Потому что не «сапиенс». «Фабер» (делающий), но не «сапиенс» (разумный). «Экономикус», но опять же не «сапиенс». Ведь не о «хомо луденс» (человек играющий – термин Йохана Хейзинги) идет речь! «Хомо луденс» – он как бы сверхчеловек. А «хомо экономикус» или «хомо фабер» – это недочеловек. Как минимум, человек ущербный. Да и в антропологии есть за что ухватиться. «Хомо эректус»... Человек прямоходящий... Вроде бы уже «хомо», но опять же не «сапиенс». Не вполне зверь, но и не вполне человек (вспомним, например, роман «Почти как люди» Клиффорда Саймака).

Зиновьевым, как специалистом по оргоружию, вводится термин «хомо советикус». Этот термин встраивается в ряд «хомо» с прилагательными, отличающимися от «сапиенс». И получается советский человек как недочеловек (унтерменш, говорили немцы). Разве не в этом была цель романа Зиновьева? Все, кто читал, понимают, что в этом.

А дальше надо взять орглингвему и начать ее модулировать, доводя до окончательной оргоружейной эффективности («семантической полноты»). Потому что «хомо советикус» – это мессидж для «высококолых». А эффективная (полная) оргоружейная лингвема должна быть многоадресной. Поэтому после модуляции лингвистического вируса в виде «хомо советикус» надо применить модуляцию «совок». По сути одно и то же. Но за счет огрубления действует на других адресатов.

А если сочности и тут не хватает, нужно ее добавить. И сказать «совки-шариковы». То есть «додавать» лингвему в том смысле, что речь идет именно о человеке-звере, созданном преступными коммунистами. Но если и этого мало, то нужно еще более сочно рассказать, что именно вытворяли преступные коммунисты – как они с обезьяной человека скрещивали и так далее. А то ведь – вишь ты – опять о какой-то Пятой империи заговорили, о Богданове, о богостроительстве. Ну, так мы вам сейчас покажем ваше богостроительство в сухумском заповед-

нике и африканских спецпитомниках, где якобы русских женщин с обезьянами спаривали!

Вот так мы начали с дел давно минувших (расписываемых Зиновьевым), а кончили телепередачами по РТР 2007 года, где весь ранее сочиненный набор оргпородных спецмифов выдается за истину в последней инстанции.

А в промежутке есть много чего еще.

Ведь Толкиен («Властелин колец») брал образ орков из этих спецпропагандистских мифов, созданных в недрах тогдашних спецструктур! А Рональд Рейган по совету спецструктур, дочерних по отношению к тем, чьи оргпродукты использовал Толкиен, назвал СССР «империей зла». То есть «Мордором» – градом зла, страной чудовищных монстров.

И что? Если есть войско зла (то есть советское общество) и территория зла (СССР), то «почему это сегодняшние русские дергаются»? Ну, избавились они от этого зла. С международной помощью, разумеется. Ну, не лишили их каких-то земель. Ну, дали забавляться с ресурсами и деньжатами. Так пусть сидят тише воды, ниже травы. Им этот «Мордор» из себя еще сто лет надо по капле выдавливать. Они все еще немножечко орки. А можно ли быть орками немножечко? Но даже если они немножечко орки (Н-орки), то что такое быть президентом таких Н-орков и занимать место в G8? Это очень специфическая историософская роль!

Значит, либо-либо. Либо надо сказать, что СССР не был «империей зла». Либо постоянно находиться в политической позе «а-ля господин Козырев». Но российская элита пытается балансировать на грани. Она и с темой «орков» и «Мордора» заигрывает (иначе – откуда соответствующие передачи по государственному телевидению?), и к великодержавной традиции апеллирует. Она и фильм «Груз-200» рекламирует (типичный образец оргпородности), и рассуждает о советском величии.

Кто такой советский солдат? Это герой, освободивший мир от фашизма? Или это орк? Эстонцы вот говорят, что орк! А мы-то что говорим? Не конкретно по поводу недопустимости переноса памятника (даже неловко как-то говорить о своей абсолютной солидарности с теми, кто считает это недопустимым), а по-крупному? А ведь без крупного не будет и мелочи.

Дальше – больше. Запад, он ведь в целом опирается на монотеистические религии. В монотеизме абсолютное зло одно – хозяин ада, «повелитель мух». Либо этим абсолютным злом является Третий рейх, либо тот, кто его победил (Советский Союз). Если абсолютное зло («Мор-

дор») – это Советский Союз, то Третий рейх – это зло относительное. Эстонцы прямо так и говорят. И не они одни.

Вы хотите знать, что нового носится в воздухе G8 и окаймляющих ее журналистских, политологических, академических тусовок? Что нового в той же Германии, демонстрирующей ослепительную улыбку «чи-и-из» на свой тевтонский манер? Новое то, что немцы откровенно заявляют: «Вы, русские, проиграли холодную войну. Мы, немцы, в качестве проигравших Вторую мировую войну, были "крайними" шестьдесят лет. А теперь шестьдесят лет побудьте вы. Хлебните нашего. Причем по полной программе».

Немцы начали говорить это открыто несколько месяцев назад. Имеется в виду откровенность на мало- и среднегабаритных площадках. Однако раньше-то это было абсолютно невозможно ни на каких публичных площадках! А вы говорите – G8...

Но ладно – противник. Он так говорит. А мы?

Русский журналист пишет: «Мой любимый президент – Рейган. Потому что он сказал, что СССР – "империя зла", и империя рухнула».

Империя рухнула или его, этого журналиста, Отечество? Он ведь сам, этот журналист, для тех, кто империю обрушил, орк. А орк считает, что он будет воспринят как революционер, низвергнувший оркианство. Извините, оркианство не низвергают. Оркианство – это навсегда. Это клеймо антропологической неполноценности, из которого вытекает право не-орков делать здесь все что угодно. Именно – все что угодно, включая «огненное лечение». Содом и Гоморру так вылечили, а «империю орков» нельзя? А почему нельзя? Если орки, то можно все!

И вот уже журнал «Форин афферс» (для Запада считайте газета «Правда» 1979 года) говорит о том, что можно и должно нанести первый ядерный удар по русским оркам. И если правильно этот удар нанести, то орки в ответ не «дернуться». И описывается, как правильно ударить, по каким целям, сколько использовать ядерных боеголовок. А поскольку орки могут все-таки «дернуться», то вот, пожалуйста, ПРО.

В начале – слово. Оргоружие начинается со слова, опирается на него. По словам можно реконструировать очень многое. Особенно если это не слова, сказанные с глазу на глаз, а, например, заголовки в ключевых мировых СМИ. Президент Путин провел отнюдь не худшую пресс-конференцию с международными журналистами перед G8. В ответ было извергнуто нечто фактически беспрецедентное.

Это что, просто слова? Нужно совсем не понимать, что такое западная пресса, чтобы давать такую опрометчивую оценку. Сказать, что

западная пресса абсолютно несвободна, значит соврать. Никто не дает каждому журналисту конкретных директив. Свобода западной прессы – это такая же правда, как и то, что у этой свободы есть рамки.

Рамки называются «политическая корректность». И это очень жесткие рамки! Они другие, нежели у советской прессы! Но в чем-то жесткость их стандартов даже превышает советские. И нарушить эти стандарты сам журналист не может.

То есть, он может! Но не станет это делать. Потому что это грозит его репутации и, значит, успеху. Потому что он хочет быть напечатанным и знает, что для этого нужно. Потому что он журналист и «держит нос по ветру». И понимает, чем желанный скандал (хлеб любой журналистики) отличается от скандала, про который скажут: «Фи, глупость!» А если он этого не понимает, то он карьеры не сделает. Никто, за редкими исключениями, не наказывает каждого конкретного человека за каждую конкретную глупость. Просто отбор людей идет по определенным принципам, и движутся они «наверх» по определенным каналам вертикальной мобильности.

Если почти все из таких – отобранных и продвинутых – вдруг взяли и нарушили рамки политкорректности (а по отношению к пресс-конференции Путина произошло именно это), то... То это нечто. И подобное «нечто» посильнее, чем указания глав государств или разведок. Главы государств или разведок таких указаний свободной печати на Западе не дают. Каждый, кто считает иначе, весьма наивен. Подобные указания (разумеется, в косвенном виде) вырабатывает элита, а не истеблишмент. Истеблишмент получает эти указания от элиты. И тоже в основном в косвенном виде. Хотя иногда и в прямом тоже (причем чаще, чем журналисты).

Если элита выработала оценку, толку ли журналистам церемониться с истеблишментом? Тем более с уходящим (Буш и К^о)? Между тем тамошняя элита оценку «путинской России» выработала!

Нельзя по этому поводу выносить окончательные вердикты. Мол, выработали, и все. Оценка можно переламывать и должно переламывать. Но это огромный труд. И что-то не видно, чтобы кто-то у нас засучил рукава, поняв масштаб случившегося. А без этого понимания ничто невозможно. Ибо в конечном итоге все – включая их оценку нас – полностью зависит от нас.

Наши миллиардеры (урок Прохорова в Куршевеле абсолютно недооценен) думали, что они-то никак не орки. Ан орки! Только что с миллиардами. Все они орки – Березовский или Абрамович, Невзлин или

Вексельберг. Один, предположим, лояльный к Западу орк, а другой не вполне, но все равно орк. Пусть лояльный орк посоветует, как расправиться с орками. Ему изнутри понятнее. Он ведь орк!

Последний раз даем слово Зиновьеву.

Корреспондент спрашивает его: *«Ясно, что русофобия – это не сорная трава, которая растет сама по себе. Ее сегодня научились культивировать. Но, когда вы говорите о программе, что вы подразумеваете под этим: может быть, – наша судьба уже просчитана в каком-нибудь гроссбухе?»*

Зиновьев отвечает: *«И гроссбухи имеются. Я сам видел отпечатанные материалы на эту тему. И соответствующие доклады слушал на совещаниях. По моему статусу там, на Западе, такое было возможным»⁵.*

В последний раз спросим: о каком статусе речь? Ясно, что не о статусе эмигранта, находящегося под неусыпным подозрением (и то ведь – орк). Для того, чтобы раскрыли секреты, нужен другой статус. Попросту – надо надеть погоны. Да и то, на орка наденут погоны только в том случае, если орк начнет участвовать в конструировании оружия, которое должно убить орков. Тогда – пожалуйста. Он ведь, этот предатель-орк, оркианство знает как обладатель той же внутренней природы. И тогда его консультация по этому вопросу вполне допустима. Тогда, и только тогда.

ГРОССБУХИ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Возвращаясь к самой больной для обеспокоенной части общества теме, мы должны как-то отнестись к вышеприведенной фразе Зиновьева: «И гроссбухи имеются». Так имеются ли гроссбухи? И в них ли дело? Может быть, дело в нас самих? В конце концов, не боги на Западе обитают. Да и почему мы должны относиться к их работкам, как к «книгам судеб»?

Не ставим ли мы себя за счет этого в положение ущербных недочеловеков? Не создаем ли комплекса неполноценности? Не формируем ли психологической зависимости? И кто они, в конце концов, такие – все эти, виденные-перевиденные (ведь не за железным занавесом живем), мягко говоря, средне-умные люди? Что они такого могли написать в этих гроссбухах? И почему мы должны считать, что написанное ими

⁵ Маслов С. Указ. соч.

было исполнено? Потому что они постфактум по этому поводу хвастаются?

Что ответить?

Либо есть грессбухи (то есть реальные чертежи, по которым делается оргоружие), либо их нет. Если они есть, то об этом надо знать. И надо понимать, как это устроено. Это не продуцирование комплекса неполноценности. Это освобождение! «Свобода – познанная необходимость». Если же грессбухов нет, то не надо заниматься чушью и изобретать какие-то заговоры, перекладывая на кого-то свою вину.

Так рукотворно все (искусственно, «грессбухийно») или естественно?

Для специалиста по оргоружию неприемлемо само это противопоставление. Потому что в основе его работы лежит теория сложных (а теперь уже и сверхсложных – вот что важно понять!) систем. А в основе этой теории – представление о собственных и вынуждающих процессах.

Любая система имеет свой спектр собственных колебаний. Не хочется входить в математические сложности. Для тех, кто владеет математическим языком, скажем, что спектр собственных колебаний определяется полюсами этой самой системы, расположенными на плоскости комплексной частоты. Гуманитарий же пусть просто вспомнит школьные рассказы о том, почему военный отряд не должен идти по мосту в ногу (ать-два, ать-два). Потому что это «ать-два» создает определенное колебание.

Казалось бы – и что? Колебание-то ничтожное по отношению к прочности моста! Ничтожное-то оно ничтожное... Но у моста, как и у любой системы, есть собственные частоты. И если «ать-два» (то есть вынужденное колебание) попадает на частоту, кратную собственной, возникает резонанс. И чудовищно прочный мост может обрушиться.

Такие собственные частоты (и их числовое выражение – полюса на плоскости комплексной частоты) называют особыми точками системы. Иначе – точками уязвимости. Как бы прочна система ни была, у нее есть точки уязвимости. Упомянутая Зиновьевым тема – «как иголкой убить слона» – напрямую связана с указанными особыми точками. Спрашиваете, как иголкой убить слона? Известно, как. Ударить иголкой в его слоновью «нужную» особую точку. Применительно к человеческому телу, как сверхсложной системе, такие точки знают специалисты по акупунктуре.

Да что там акупунктура! Любой сапер знает, что мины надо закладывать в особые точки конструкции. А сколько всего написано про неожиданное обрушение сверхпрочных систем, попавших в резонанс-

ную ситуацию! Не только бронированное стекло, выдерживающее автоматную пулю, но и броню танка можно расколоть сверхточным попаданием в особую точку. Есть и особые точки экологических систем. Если очень хорошо знать свойства экосистем, то сравнительно небольшим воздействием в «правильно» выбранной точке можно вызвать экокатастрофу региональных и даже глобальных масштабов.

Но для нас здесь главное даже не в этом.

Если есть собственные и вынуждающие колебания, если есть особые точки систем (а это легко проверить по любому учебнику), то что из этого следует? А вот что! ГЛУПО И БЕССМЫСЛЕННО В ЭТОМ СЛУЧАЕ ВЕСТИ БЕСКОНЕЧНЫЙ СПОР ПО ПОВОДУ ТОГО, ЕСТЕСТВЕННЫМ ИЛИ ИСКУССТВЕННЫМ ОБРАЗОМ НЕЧТО «СОТКАЛОСЬ», ГЛУПОСТЬ ЭТО ИЛИ ИЗМЕНА. Потому что нет «или-или». Всегда действует «и-и».

Любой противник будет искать особые точки системы, которую он атакует (и будет использовать резонанс с нею – с ее глупостью или чем-то еще). Иначе он не противник, а идиот. А идиоты нонче перевелись! Это вовсе не значит, что все стали гениями. Но тут и не надо, чтобы все стали гениями. Достаточно нескольких гениев и хорошо выстроенных технологических карт. А также исполнительской точности и дисциплины.

Любой противник, создавая в системе вынуждающие колебания, будет выбирать для них частоты, кратные собственным, и воздействовать на особые точки. И, соответственно, будет изучать собственные частоты и особые точки этой системы.

Являясь абсолютно непререкаемым во всем, что касается деструкции материальных систем, этот же принцип действует и за пределами материального. То есть тут он действует даже в еще большей степени. Но это требует отдельного обсуждения. Сейчас же мы поговорим о том, почему так важно понимать, что происходит по ту сторону материального. Ибо этот разговор самый актуальный. И одновременно самый болезненный.

ПО ТУ СТОРОНУ МАТЕРИАЛЬНОГО

Чем сталинский СССР отличался от брежневского? Можно перечислять сотни отличий. Но качественное отличие было только одно. В эпоху Сталина и даже позже наша политическая власть боялась, что (а) враги будут вести реальную войну с СССР и (б) СССР эту реальную войну проиграет.

Почему политическая власть этого боялась – отдельный вопрос. Потому ли, что она так любила СССР, или потому, что знала: в случае победы враг сдерет кожу с каждого отдельного VIP-лица? Но в любом случае сталинская власть считала войну реально возможной. А ее проигрыш – катастрофическим. То ли для народа и идеала, то ли лично для высоких фигур. В конце концов – для обсуждаемого нами вопроса это не так важно.

Два системообразующих принципа – реальность войны и необходимость победы – порождали гигантское количество последствий. А сумма этих последствий создавала тип системы, качественно отличный от той системы, которую мы называем брежневской. Потому что политическая власть эпохи Брежнева – это власть, которая точно знает, что категорический императив «все для фронта, все для победы» не имеет к ней никакого отношения.

Причины этой ее убежденности понятны. Эпоха Брежнева – это эпоха реального ядерного паритета. Советский Союз создал ядерно-космический щит, мощный военно-промышленный комплекс и армию, способную вести войну на равных со всем оставшимся человечеством.

А поскольку речь шла о ядерной войне, то всем было понятно, что человечество не настолько безумно, чтобы вести эту войну. Советский политический класс эпохи Брежнева рассуждал примерно так:

«Американцы – это (даже в варианте оголтелого Рейгана) вполне вменяемые, крайне осторожные и благополучные обыватели, которые не захотят увидеть ядерный апокалипсис на своей территории. На чужой – пожалуйста, но не на своей. Они могут на нас окрыситься, если мы всерьез начнем разжигать пожар мировой революции в Нью-Йорке и Вашингтоне. Но мы-то этого не начнем. А вне такой угрозы они на нас не "наедут". И мы на них не "наедем". Да и вообще – дураков нет "наезжать" в условиях гарантированного взаимного ядерного уничтожения. А значит, реальной войны не будет. Но раз войны не будет, то...»

И вот тут-то и начинается главное. Конечно, нужно держать ядерный паритет, но раз войны не будет, то зачем нужен народ-воин? Ведь такой народ в чем-то опасен! В любом случае, с момента снятия реальной внешней военной угрозы политическому классу нужно только, чтобы не было угрозы со стороны собственного народа.

А как снять такую угрозу? Создать более или менее сонный и мирный народ. Разрушить в этом народе дух реальной мобилизации. Ведь если возможна мобилизация против внешнего врага, есть и опасность мобилизации на борьбу с собственной властью!

Грубо говоря, если ты жокей или воин, тебе нужна лошадь, которая может быстро скакать. И ты готов рисковать тем, что эта шустрая лошадь может тебя сбросить. А если тебе не нужно никуда скакать, и ты плохой наездник, то что тебе нужно? Чтобы лошадь тебя не сбросила. Тогда эта лошадь должна быть клячей. Может быть, и не совсем полудохлой, но мирной, сонной – «без огонька».

Народ-воин, между прочим, не по шучьему велению создается. Его воинственность определяется не только качеством допризывной подготовки. А в гораздо большей степени притягательностью некоей системы идеалов (и не только «социалистическое Отечество в опасности»). Поскольку политический класс знает, что он сам, мягко говоря, сложно соотносится с этими идеалами, то он и действует соответственно. Позитива (военного огонька) этот накал идеального уже не несет (на фиг огонек, если нет угрозы войны?), а негатив очень большой. Надо самому «соответствовать». А ты не соответствуешь, и тебе это могут предъявить. Чтобы не предъявляли, нужно притушить огонек. Логика, согласитесь, понятная.

Но и это еще не все. Если нет угрозы реальной войны и страха проигрыша, то зачем политическому классу маршал Жуков? Маршал Жуков всегда опасен. Крупный человек со страстями, авторитетом, амбициями и возможностями... Талантливый полководец нужен, чтобы выигрывать войну. А если ее не может быть, то талантливый полководец – это просто бессмысленный риск. Освобождаясь от народа-воина, класс дальше освобождается от полководцев.

А ученые? Инженеры? Зачем политическому классу нужно, чтобы в интеллектуальном сословии оказались яркие личности? Если от «Катюши» или Т-34 зависит судьба этого класса, то он будет терпеть яркие личности любого «социального разлива». И даже восторгаться яркостью («талант!»), прощая какие-то прегрешения (при абсолютных гарантиях лояльности, разумеется). Но если войны не будет, а какой-никакой потенциал вооружений имеется, то зачем особо высокое качество этих самых амбициозных ученых и инженеров?

А вдруг они себя еще каким-то постиндустриальным классом вообразят, эти чертовы технократы? И номенклатуру (власть предрержащий класс) начнут скидывать... Нет уж, давайте обойдемся без бесцеремонных талантов! Что, разве нет покладистых и вполне способных людей? Они вполне приличные изделия могут создавать! Да такие, что фиг на нас кто рыпнется! А если не рыпнется, то все остальное неважно.

Мы не хотим сказать, что такие рассуждения политического класса эпохи застоя полностью предопределили качество научных или военных кадров страны. А также качество советского населения. Качество – штука очень инерционная. Его так сразу не девальвируешь. И оставались они – талантливые инженеры, полководцы, изобретатели, гуманитарии, деятели культуры. Но, оставаясь, постепенно наращивали разрыв между собою и этим самым политическим классом.

Политический же класс все более опирался не на них, а на угодливую прислугу. На конформистов. Однако опора на конформистов – это начало гибели любого политического класса. Потому что на конформиста опереться нельзя. Конформист ориентируется на силу. И как только он обнаруживает, что чаши весов, на которых измеряется сила, колеблются, он сам начинает колебаться. Вспомним анекдот: «У вас был левый или правый уклон? – Напишите: колебался вместе с линией партии».

Даже если позднесоветский политический класс и хотел бороться в эпоху агонии СССР, было поздно. Он наплодил столько конформистов, что инструменты борьбы отсутствовали. В партии было уже под 20 миллионов человек, а бороться оказалось некому.

Почему так важно понять это сегодня? Потому что новый политический класс начинает чуть ли не воспевать новый застой. Налицо опасные черты нового брежневизма. И если враг уловит эти черты (а он их обязательно уловит), то он начнет действовать по хорошо известным ему лекалам.

Основной принцип этого действия состоит в том, что новый застойный класс погрязнет в материальном (не только в своих счетах и дворцах, но и в надежде на материальную силу – тот же «термояд» и все прочее). А противник будет воевать на нематериальном поле – читайте «Победу без войны» Бжезинского.

Победа без войны – это что такое? Это победа в «холодной войне». Это победа в условиях, когда ядерное оружие сковывает во всем, что касается использования материальных слагаемых войны. А значит, надо воевать, используя другие слагаемые.

Что такое война с использованием этих других слагаемых? Это информационная война (простейший вариант). Это интеллектуальная война (более сложный вариант). Это игра (мегаоперация в сфере идеального).

Что такое операции в сфере идеального? Как эти операции сопрягаются с другими видами атипичных (то есть нематериальных) военных действий?

Мы все это рассмотрим чуть ниже, но для начала укажем, что предпосылкой успеха такой войны является прагматизм, материалистичность элиты и населения противника – то есть в данном случае, нашей элиты и нашего населения. Элитное презрение ко всему, что выходит за сферу денег, ресурсов, ядерных боеголовок и прочего. Элитное идеологическое, смысловое, духовное разоружение, волокущее за собой общество в новый застой. В новое «ням-ням». Элитные гламур, несерьезность и безответственность во всем, что касается невещественного.

«Миром правит невещественное». Если мы скажем так (а мы убеждены, что это именно так), то многие пожмут плечами. Как так – невещественное? Миром правят деньги, энергоресурсы, на худой конец – военная сила (большие батальоны, как говорил Наполеон). Но если мы скажем, что информация правит миром, то нам вряд ли кто-то возразит. Даже те, кто верит в деньги. Информация правит финансовыми рынками, те – деньгами. Но разве информация – это вещественное? И разве у этой самой информации нет того, что, превышая саму эту информацию, ее предопределяет и производит? Назовите это нечто идеальным, духом, проблемным (семантическим, семиологическим) полем...

Разве не очевиден в мире рост влияния интеллектуального капитала? Нематериальных активов? Разве уже не вводятся в оборот (пока наши гении осваивают сервировку в их ресторанах и вино по 30 тысяч евро за бутылку) такие понятия, как символический капитал?

Спору нет, в самих понятиях есть издержки. И если их правильно отразить, то станет ясно, по каким законам можно в этой сфере бороться. Но дело не в понятиях, а в том духе, который они с собой несут. А несут они с собой дух особой войны. Дух этого самого оргоружия.

И бороться с этим духом, обладая прагмацентрическим идеалофобским сознанием, невозможно. Никакой патриотизм не спасет. Никакие благие пожелания. Нужен только выход за эти флажки. Только переоценка значения нематериального – идеологического в самом высоком смысле этого слова. То есть всего, что находится по ту сторону не только синдрома «бабок», но и синдрома пустопорожней безэнергичной брехни, выдаваемой за гуманитарные технологии.

До тех пор, пока в основе лежит принцип «трех Б» (большие быстрые бабки), а в качестве союзника выступают еще «два Б» (беспомощная брехня), никакое сопротивление оргвойне невозможно. Мы конста-

тируем это не потому, что считаем невозможным сопротивление. А потому, что требуем выхода за эти рамки. За эти «пять Б». Выхода, и немедленного!

Человек может выходить за любые рамки. На то он и человек. За рамки выводят любовь и страх за любимое. Страх страху рознь. Страх может парализовать – и может творить чудеса. Но он творит чудеса только тогда, когда, будучи преодоленным (а как преодолеть без политической рефлексии?), выталкивает субъекта в новое для него пространство, где находятся другие средства борьбы, непривычные для субъекта в его прежней роли, но сегодня необходимые. Если этого не произойдет, то все будет развиваться по очень понятной и очень постыдной схеме.

Перед тем, как перейти к ее описанию, нужно дать рабочую метафору. Для этого полезно использовать анекдоты. Они лучше всего оседают в сознании. Ну, так вот, идет бракоразводный процесс... Судья спрашивает мужа: «Почему вы разводитесь с женой?» Тот говорит: «У меня есть серьезные основания». Судья: «Какие?» Мужчина: «Жена назвала меня дурачком». В зале суда хохот, смеются все. Мужчина: «Вы должны учесть контекстуальные обстоятельства». Судья (вытирая слезы): «Какие еще обстоятельства?» Мужчина: «Я прихожу, жена лежит в постели с совершенно незнакомым человеком. И мне же говорит: "Смотри дурачок, как это делается"».

Если не будет выхода за флажки, если политический класс не станет субъектом политической рефлексии, то все будет происходить по этому анекдоту. «Дурачку» будут показывать, «как это делается». Как «слона» «убивают иголкой».

Описать, как это делается, конечно, нужно. Но не оговорить перед этим фундаментальных условий, вне которых подобное описание почти анекдотично, столь же аморально, как и ограничиваться общими фразами.

А вот теперь – после сделанных оговорок – можно переходить к конкретной дескрипции. То есть к тому, «как делается».

«КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ»

Штаб, планирующий применение оргоруужия против той или иной страны, прежде всего, определяет пространство, в рамках которого он намерен оргоруужие задействовать.

Такое пространство не имеет ничего общего с «пространственностью» в ее обычном гуманитарном понимании. Речь идет о так назы-

ваемом «многопараметрическом пространстве». Если параметров, по отношению к которым планируется применить оргоружие, например, 50, то и пространство будет 50-мерным. Оно при этом может быть однородным или неоднородным, изотропным или анизотропным, связным или разрывным.

К сожалению, в этом усложнении нет ничего от игры ума. Специалисты по оргоружию давно работают с такими пространствами. Даже если оргоружие надо применять не против страны, а против той или иной корпорации.

Определив пространство оргвойны, специалисты по оргоружию начинают далее делить пространство на сектора. А сектора – на проблемные зоны. Иногда это делается на столе, где рисуется выпуклый многоугольник, расчленяемый на эти самые сектора. Иногда это делается на экране. И в этом случае плоский схематизм резко усложняется. А визуализации оказываются более впечатляющими. Но это все вопросы технические. По существу же главное в том, как выделить сектора и определить внутрисекториальные проблемные зоны и узлы.

Рассмотрим, например, случай, когда сектором №1 становятся так называемые внутренние проблемы.

Любая страна имеет такие проблемы.

Любая власть потому и власть, что отвечает за решение этих проблем.

А проблемы могут быть острыми и неострыми, решаемыми и нерешаемыми.

Эти проблемы могут создаваться самой властью, проводящей определенный курс. Они могут не зависеть от курса и корениться в нетрансформируемой объективности. Они могут, наконец, существенно зависеть от внешних факторов. Голод, например, – внутренняя проблема. А поставка продуктов из-за рубежа внешняя. Вам перестали поставлять продукты, у вас возник голод. Внешняя проблема индуцировала внутреннюю.

Специалисты по оргоружию прежде всего выявят острейшие проблемы, за которые власть несет ответственность.

Далее, они сделают все возможное для того, чтобы помешать власти решить эти проблемы. Для этого осуществляется несколько видов работ. Прежде всего работа с так называемыми ментальными матрицами. Иногда еще эти матрицы называют когнитивными.

Иначе говоря, начнется работа с сознанием той самой власти, которую планируется сокрушить. Будут выявляться объективные ограниче-

ния этого сознания. Высчитываться коэффициенты интеллекта и профессиональные компетенции. Описываться политические стили и ценностные предпочтения. Все это будет делаться с ориентацией на один окончательный результат – обеспечение КАТЕГОРИЧЕСКОЙ НЕВОЗМОЖНОСТИ ДОСТУПА ВЛАСТИ К ИНСТРУМЕНТАМ РЕШЕНИЯ ОСТРЫХ ПРОБЛЕМ.

Если какие-то группы могут стать опорными для решения подобных проблем, будут выстраиваться особые схемы разрыва связей между властью и этими группами. Если какие-то специалисты могут подсказать методы решения проблем, то эти специалисты будут «выводиться из игры» любыми методами. Вплоть до физического уничтожения (при том, что физическое уничтожение – всегда крайний и нежелательный способ).

Но чаще всего хватает более мягких средств. Разрушаются каналы взаимодействия, организуется дискредитация лиц, групп и других источников решения проблем. Организуются события, делающие контакт власти с этими источниками невозможным.

Рассматриваемый метод называется «отсечение от источников».

Какова бы ни была проблема, первая задача штаба оргвойны – изучать и мониторить объект оргнападения во всех его аспектах, выявлять его узловые проблемные поля и возможные защитные реакции. А далее, вычленив каждую конкретную проблему, отсечь власть от источников ее решения. В том числе от возможных внутренних и внешних союзников, заинтересованных в решении проблемы.

Вторая задача – разогреть проблему. Для этого ее можно просто «расковырять». Так, например, «расковыривали» проблему армяно-азербайджанских отношений в конце 80-х годов XX века. А можно еще и подтолкнуть власть к тем или иным формам такого разогрева, выдав этот разогрев за способ решения проблемы.

Третья задача – оседлать общественную энергию, возникающую в ситуации сильно разогретой проблемы. Почему бы власти, казалось, не оседлать эту энергию? Между тем есть много способов воспрепятствовать этому. Например, внушить власти, что энергия – это вообще от лукавого. Если власть по ментальности чужда подобной энергии, надо этому потакать и убеждать власть в том, что канализация энергии вредна или невозможна.

Одновременно надо встраивать в процесс свои «оседлывающие» структуры. Существует целый спектр способов такого встраивания. От грубой агентурной работы до гораздо более тонких форм.

Четвертая задача – направить энергию против власти. Для этого надо побудить власть к соответствующим действиям. И далее осуществлять так называемую «раскачку». Власть применяет неадекватные действия – энергии становится больше – очевидность властной вины усиливается – добавленная энергия канализируется против власти – власть усугубляет свою неадекватность, пугаясь роста энергии... Подобная цепочка в теории систем называется «положительной обратной связью». Есть оргоружейники, которые специально работают над созданием и мониторингом таких цепочек.

Пятая задача – мультиплицировать энергии, которые взяты под контроль после разогрева и оседлания разных проблемных полей. Иногда такие энергии могут быть даже резко антагонистическими. Но это никогда не пугает специалистов по оргоружию. Создаются соответствующие трансмиссии, синхронизирующие терминалы. Разъясняется общность, казалось бы, взаимоисключающих интересов. Разве это не делалось, например, в ситуации распада СССР, когда сепаратистам на окраинах страны и «русским уменьшителям», ненавидящим этих сепаратистов, специальные посредники разъясняли, что их общий интерес – в разделении страны? А разве то же самое не делается сейчас и на севере, и на юге России?

Шестая задача – парализовать адекватные ответы власти. Любой кризис порождает новые возможности. Противнику нужен мониторинг состояния власти как объекта оргнападения: а вдруг ее «заперли», а она начнет менять свойства, осознавать угрозу и адекватно на нее реагировать!?

Поэтому в рамках решения данной задачи противнику прежде всего крайне важно усыплять власть. Убаюкивать ее своими «чи-и-из!». Поддерживать источники любого лживого оптимизма с их победными рапортами, с их «все в шоколаде». Создавать такие источники, наконец! Когда власть проснется – должно быть поздно. При этом противник пойдет на все, чтобы и после пробуждения власть была по-прежнему изолирована от инструментов эффективного действия. Чтобы приговоренная власть не получала лекарств (средства адекватного поведения в кризисе) и получала отраву (средства неадекватного поведения в кризисе).

Седьмая задача – управление агонией власти. Здесь много подзадач. Правильная работа с перебежчиками. Правильная инфильтрация внутрь кризисной системы провокаторов и деструктивных элементов. Правильное управление конфликтами внутри больного властного организ-

ма. Правильная организация саморазрушения власти в условиях ее предельного замыкания (хорошо известный «эффект бункера»).

Специалисты при описании задачи «оргкиллерства» выделяют 11 основных блоков. Эти 11 блоков упаковываются в 2 фазы.

Фаза №1 – дифференциальная. В нее входит:

Оконтуривание проблемного сектора (1)

Изоляция от средств (2)

Разогрев поля (3)

Изоляция от разогрева (4)

Оседлывание (5)

Канализация (6)

Ритмизация (7)

Фаза №2 – интегральная. В нее входит:

Мультипликация (8)

Парализация (9)

Агонизация (10)

Убийство (11)

Возникают даже «специализации» в рамках оргоружейной профессии. Например, удерживатели (оргоружейники, следящие за рамками проблемного сектора). Изоляторы, разогреватели, оседлыватели, канализаторы, ритмизаторы, мультипликаторы, парализаторы, агонизаторы и киллеры.

Заметьте, что на этом этапе рассмотрения мы еще ничего не конкретизируем. То есть не определяем конкретных направлений войны. Какова бы ни была система, применение против нее оргоружия все равно будет связано с определенными типами действий вокруг любого проблемного сектора.

Каковы же эти сектора?

Если говорить о внутренних проблемах современной России, то основные проблемные сектора таковы.

Сектор №1 – социальный. Здесь можно разыгрывать всеми возможными способами острейший социальный конфликт.

Сектор №2 – «русский». После Кондопоги (а теперь и Ставрополя) «русская тема» явно приобрела новое качество. Что мешает ее оседлать и сделать «хитом антивластного сезона»?

Сектор №3 – «украинный». У национальных окраин есть свои болевые точки. Сейчас они находятся в латентном состоянии, даже в Чечне и вообще на Северном Кавказе. Что мешает вывести их из латентного состояния?

Сектор №4 – регионально-трайбовый. Мы привыкли думать о национальных окраинах и тамошних экстремизмах. Между тем внутри «русского тела» формируются новые границы распада. Северная, сибирская, южная. При необходимости весь спектр проблем, порождающих эти новые границы распада, можно разогреть и сделать факторами деструкции.

Сектор №5 – субкультурно-укладный. Разные группы российского населения дифференцированы не только по доходам или по религиозной специфике. Они дифференцированы по ценностям, по отношению к происходящему, по принятию или непринятию новой культурной реальности, по своему отношению к традициям. Уже сегодня эта дифференциация становится труднопреодолимым препятствием на пути формирования национального консенсуса. Вполне возможно сделать это препятствие абсолютно непреодолимым.

Сектор №6 – коррупционный. Здесь можно и управлять коррупцией в интересах ослабления противника, и оперировать против элиты «счетоводческими» инструментами, и придавать антивластный характер коррупционной теме. Дело это надежное и проверенное. Хорошо зарекомендовавшее себя по советской эпохе (Гдлян, Иванов и прочие). Сегодня возможностей для работы по этому направлению больше, чем когда бы то ни было.

Сектор №7 – криминальный. Здесь тоже несколько альтернативных возможностей. Можно с большими основаниями говорить о криминальности российского государства. А можно превратить борьбу с криминалом в государственную деструкцию. Например, линчевание преступников, создание общественных структур для «самозащиты» от криминала. И эти формы самоорганизации (а при государственной дистрофии они гарантировано востребованы) неизбежно будут подрывать основы государственности. Государство имеет монополию на легальное насилие. Если эта монополия разрушена, что произойдет с государством?

Сектор №8 – «элитный». Конфликт элит нарастает. В обществе открыто говорят о том, что в России идет «война кремлевских башен». Отслеживая логику этой войны, можно ее подхлестнуть, вывести за рамки элитного консенсуса. Ничего не стоит нащупать так называемые «пятые колонны». Тут возможны и кодификации через интересы, и ценностные кодификации.

Сектор №9 – «технологический». Основные фонды страны изношены. Этот износ определяется коррупцией, логикой первоначального накопления, интересами элит, управленческим кризисом и многими

другими обстоятельствами. Каждое из этих обстоятельств можно катализировать. В результате технологические катастрофы могут стать источником подрыва социальной стабильности и властной (и государственной!) легитимности.

Сектор №10 – «милитарный». Противник должен быть лишен возможности воевать. Для этого нужно разрушать технологию духовной мобилизации (сломить дух сопротивления). Но необходимо также подрывать военную машину. Истреблять кадровый состав – если не физически, то социально и психологически. Препятствовать воспроизводству – и технологическому, и социально-кадровому – отраслей военно-промышленного комплекса. Военный контингент должен быть доведен до степени дистрофии и полной маргинализации.

Совокупность перечисленных мер гасит амбициозность противника, наращивает его уступчивость. Между тем эта уступчивость легко может быть превращена в нисхождение. А нисхождение – в капитуляцию. Не в этом ли опыт разрушения СССР? И что мешает сегодня повторить этот опыт?

Сектор №11 – экономический. Тут можно управлять многим. В сфере финансовой, бюджетной, налоговой политики, импорта, экспорта и т.д. Некоторые методы отработаны уже в эпоху развала СССР. Сейчас возможны и другие.

Сектор №12 – неодицидентский. Сегодня созрели новые условия для формирования неодицидентских движений. При этом информационные и социальные ресурсы «андерграунда» несопоставимо больше, чем в эпоху СССР, когда ксерирование сотни экземпляров того или иного дицидентского сочинения было трудной технологической задачей, сопряженной с мало для кого приемлемым риском. Сейчас прежних технологических ограничений нет. Да и психологических тоже.

Сектор №13 – интеллектуальный. Проблемы страны становятся все более сложными. Они требуют очень высокого интеллекта для их выявления и, тем более, решения. Между тем и элита, и общество стремительно опрощаются. Достаточно просто содействовать этой тенденции для того, чтобы Россия как государственная система неуклонно утрачивала «мозг и зрение». И, значит, способность адекватно реагировать. А после того, как способность такого реагирования утеряна, игра на секториальном проблемном поле будет, по сути, «игрой в одни ворота».

Предположим, что существуют всего лишь эти 13 секторов (а их больше). Как они будут задействованы противником? На первой фазе

ему потребуется создание 91 (13x7) групп внутри штаба оргвойны. Это так называемые линейные группы.

Для того, чтобы эффективно действовать на следующей фазе, понадобится более ста нелинейных (мультисекториальных) групп. И хотя бы несколько сводных управлений.

На этом формирование штаба завершится. Начнется работа. Эта работа ни в коем случае не будет носить лобовой характер. Действия по секторам и фазам будут сложным образом сочетаться. Формы таких сочетаний известны: аккорд, контрапункт, фон, «матрешка», инверсия и т.п.

Всей работой будет руководить комитет, состоящий из политического руководства и руководства сводных управлений. А также из группы советников и консультантов.

Эффективность штаба будет определяться как уровнем кадров, так и совокупными ресурсными возможностями. Финансированием (такая работа предполагает затраты в размере от 8 до 40 млрд. долларов в год), накопленным потенциалом (уровнем агентур, групп влияния), политической волей и пр.

А также – прежде всего – потенциалом нашей страны. Поскольку этот потенциал не в лучшем состоянии, а готовность противника к полномасштабной оргвойне нарастает, то все это может реально обернуться большой и постыдной бедой. И даже трудно разграничить, что хуже, – масштаб беды или ее унижительность.

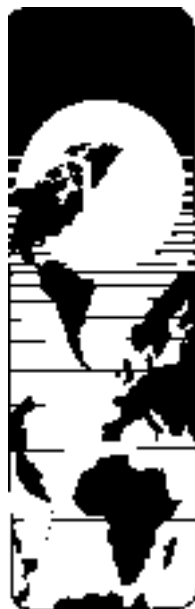
Главное – чтобы не было ни того, ни другого.

В день, когда снова воцарится подлинная философия ... вновь откроется, что человек, хочет он того или нет, самой природой своей предназначен к поискам высшего начала. Кто находит его сам, тот избранный; кто не находит, тот получает его из чужих рук и становится массой. <...> Облик и склад новой исторической эпохи – всегда следствие сдвига: или внутреннего – духовного, или внешнего – структурного и как бы механического. Важнейший момент последнего – перераспределение власти. Это представляется бесспорным, но такое смещение влечет за собой и сдвиг духовный. Поэтому, вторгаясь в эпоху с целью постичь ее, мы прежде всего должны спросить: «Кто в данный момент правит миром?» Может оказаться, что в данный момент человечество разобщено, и его разные, полностью отъединенные части стали замкнутыми и независимыми мирами.

Хосе Ортега-и-Гассет

Для созерцания автоматизма исторических перемен взгляд человека в целом освободится только тогда, когда он будет иметь перед глазами не одну непосредственную современность, но также и длительную прошлую историю, из которой вытекает его собственное время. <...> Но в истории определено действуют не безжизненные машины и не автоматы из стали и железа, а влияния одних живых людей на других. <...> Если при взгляде на историю с птичьего полета наблюдатель обращал прежде всего внимание на то, сколь мало у отдельных людей власти в отношении продолжительных исторических процессов и перемен, то действующий внутри потока имеет больше шансов увидеть, сколь много при всей заданности направления исторического движения может, однако, в отдельных ситуациях зависеть от отдельных людей. Только оба взгляда – далекие от того, чтобы противоречить друг другу, – способны дать правильную, полную, содержательную и адекватную картину.

Норберт Элиас

Виктор Мальков

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: ИСТОКИ И УРОКИ. ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

In the second part of the article the author explores the hidden political struggle in the U.S. establishment for the alternative scenario to the Roosevelt's Russian strategy on the eve of the WWII and until mid-1944. The U.S. ambassador in Japan Joseph Clark Grew ought to be mentioned as an influential senior member of the State department's staff who proposed to use the "Japanese card" in order to out-game the Soviet Union and make it much more dependent on the U.S. good will and American power as the world stabilizer. His views were shared by W. Bullitt who among others proposed a bunch of measures to halt Soviet "expansionism". Ex-ambassador to the Soviet Union was the most inventive and persistent protagonist for U.S. policy toward the Soviet Union which could increase enormously the strains under which Soviet policy had to operate. The idea of Pan-Europe including strong, militarized Germany was the keystone of his anticommunist containment project. The Cold War bacillus was originated also from the distrust among the Allies which arose together with the decision of Washington and London to develop secretly the atomic weapon for use against the axis powers and (as an effective means of preventive diplomacy) the Soviet Union. Thus the Cold War roots in the pre 2nd world war history helps to explain why this new long-term conflict emerged so quickly after the Great Alliance had won victory over its adversaries. It helps also to explain why the Kennan's postulate from his "Long telegram" (1946) sounds like a final sentence: the USA "must continue to regard the Soviet Union as a rival, not a partner, in the political arena".

¹ Окончание. Начало см. «Россия XXI». 2007. №2.

К концу 30-х годов действительно могло показаться, что внешне-политические постулаты движения консервативных американцев², которые симпатизировали нацизму, экономически восставшему Германию, и не исключали возвращения к мерам дипломатической изоляции СССР, приобрели популярность среди нового слоя молодых биржевиков и политиков. Типична фигура Пола Нитце, сделавшего карьеру на Уолл-стрит и одновременно попавшего в шорт-лист пополнения руководящих кадров военного и дипломатического ведомств. Биограф Нитце Струоб Тэлбот писал: «...Его пессимизм в отношении будущего Запада, его восхищение "чертовски впечатляющей" стороной того, что он видел в Третьем рейхе, и его несдержанность в разговорах проявлялись в его высказываниях разного рода накануне вступления США во Вторую мировую войну и, как следствие, становились причиной различных осложнений в его карьере»³. Формирование представлений новой генерации американских политиков о Европе без СССР сопровождалось критикой Рузвельта за «снисходительность» к Кремлю в процессе присоединения Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также за проявленную им «непоследовательность» в период советско-финского конфликта.

«ЯПОНСКАЯ КАРТА»

Самой эффективной мерой, уравновешивающей возросшую зависимость европейских стран от позиции Советского Союза, в «теневом» эшелоне американских политиков и дипломатов,

к которому принадлежали П.Нитце, Дж.Форрестол и др., считали активизацию дальневосточного фактора. Поводов было достаточно. Контакты Москвы с Гоминьданом и компартией Китая (особенно по военной линии) зашли так далеко, что напомнили многим в Вашингтоне эпоху, последовавшую за «опиумными войнами». Японское присутствие в Китае поэтому уже не казалось таким излишним и нежелательным, а заповеди Т.Рузвельта более чем тридцатилетней давности о «системе сбалансированных антагонизмов», особой важности для США доктрины «открытых дверей» и сохранения «ничейного» Китая – сверхактуальными⁴.

² Оно именовало себя «Америка – прежде всего» (Егорова Н.И. *Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995. С.179–191*).

³ Talbot S. *The Master of the Game. Paul Nitze and the Nuclear Peace. N.Y., 1988. P.30.*

⁴ См.: Miller N. *Theodore Roosevelt. A Life. N.Y., 1992. P.444.*

«Японская карта» отрабатывалась еще с 1934 года, с того момента, когда Сталин и Литвинов в беседах с Буллитом, используя все доступное им красноречие, пытались «уломать» посла, убеждая его в необходимости Тихоокеанского пакта⁵, и добиться согласия на совместные контрмеры с тем, чтобы не дать осуществиться планам «превентивного удара» по СССР. В связи со столкновениями на приграничных территориях Дальнего Востока США заняли подчеркнуто нейтральную позицию. Полпред СССР в США К.А. Уманский 6 июня 1939 г. сообщал в Москву: «... американцам явно хотелось бы, чтобы мы победили японцев, но тут же проскальзывали нотки опасений, что если до этого дойдет дело в большом масштабе, то выполним мы эту задачу настолько основательно, что изменится "баланс сил" на Тихом океане, что, дескать, США очутятся лицом к лицу с новым мощным и прежде всего социалистическим соседом»⁶. В этой оценке советского посла, порой отличавшегося излишней прямолинейностью в своих посланиях, присутствовала большая доля правды.

Уманский усматривал «подставу» за показным безразличием госдепартамента, ориентировавшего журналистов на глухое освещение военных столкновений на Дальнем Востоке и Халхин-Голе⁷. Советский Союз в его понимании оказывался лишенным сочувствия и предоставленным самому себе перед лицом единого фронта Германии и Японии. Способен ли он защищать границы МНР, как свои? И если нет, то как далеко и на Западе, и на Востоке может пойти процесс сжатия советского пространства и устранения, в первую очередь, влияния Москвы на Китай? То, что Уманского на этот раз не подвело политическое чутье, подтверждают архивные материалы из фонда известного американского дипломата Джозефа Грю, все 30-е годы остававшегося на посту посла США в Токио.

⁵ *Советско-американские отношения 1934–1939. С.28, 57–60; Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т.XX. М., 1976. С.621–623. – Интересы США и СССР на Дальнем Востоке к концу 30-х годов, после начала японо-китайской войны, существенно расходились. Сталин говорил об этом весьма откровенно, подчеркивая, что США не хотят поражения Японии (См.: Димитров Г. Дневник (9 марта 1933–6 февраля 1949). София, 1998. С.129, 130).*

⁶ *Архив внешней политики СССР. Ф.483. Оп.24 б. П.3. Д.8. Л.32.*

⁷ *Там же. Л.33. – Русский эмигрант, живший в США и уже занявший видное место в американской науке, В.С.Войтинский, писал своим корреспондентам в Европе из Вашингтона 22 февраля 1939 г.: «О России здесь ни слуха ни духа. Как будто "6-я часть земного шара" провалилась к черту» (Ненароков А.П. В.С.Войтинский – Гарви и гарвьятам // Россия XXI. 2006. №3. С.184).*

Не заблуждаясь в отношении истинной меры расположения Японии к Америке («США – наш потенциальный враг» – таким был девиз консервативной Японии), Грю строго следовал взятой Вашингтоном линии, которую можно было бы назвать дипломатией улыбок. Сотрудничество Японии с Германией и Италией в рамках Антикоминтерновского пакта не вызывало никаких возражений так же, как и «оборонительные» мероприятия против советской угрозы на Дальнем Востоке⁸. Общая заинтересованность Японии и США в блокировании советского влияния после укрепления военно-стратегических позиций Москвы на Западе просматривалась в каждой телеграмме и в каждой дневниковой записи Грю. С чувством признательности посол писал об отзывчивости японцев на просьбы США в апреле 1939 г. не бомбить американскую собственность в Китае. Посол решительно выступал против санкций в отношении Японии и не соглашался с англичанами, которые настаивали на них, не «в силах понять себе на беду японскую психологию». Он с удовольствием передал президенту Рузвельту дружеское послание японского императора и приветствовал визит вежливости американского крейсера «Астория» в Японию. Всем сотрудникам посольства США и их женам запрещено было делать антияпонские высказывания. Тем временем японцы оккупировали острова Спратли (Китай), не посчитавшись с протестами Франции и Англии. США не присоединились к протестам.

В мае 1939 г. посол (и будущий и.о. государственного секретаря США) Грю почувствовал себя триумфатором. Ему удалось получить «категорическое официальное заверение» японских властей, что «мировоззренческий» Антикоминтерновский пакт был направлен своим острием исключительно против Советского Союза⁹ и не грозит неприятностями Западу. Япония подавала определенные надежды возвращения к идее карантина против большевизма с применением, если потребуется, военных санкций *локального* характера¹⁰. Своей дневниковой записью 18 мая 1939 г. Грю полностью раскрыл бродившие в его голове замыслы подчинить энергию японского экспансионизма интересам Вашингтона и

⁸ *Houghton Library (далее – HL). MS Am 1687. Papers of Joseph Clark Grew. Personal Notes. №125 (April 1939), April 5, 12, 19, 1939.*

⁹ *Ibid. №126. May, 1939.*

¹⁰ *Подобные санкции в не столь далеком прошлом были поддержаны в Париже всеми, кто не разделял планов Клемансо, Фоша и Черчилля об организации полномасштабной военной интервенции против большевистской России (Thompson J.M. Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace. Princeton, N.Y., 1966. P.134, 178).*

Лондона. Их суть обозначилась весьма четко в изложенной самим Грю беседе с министром иностранных дел Японии Аритой, разглагольствовавшим о «новом порядке в Восточной Азии» и «нацификации Китая в интересах китайцев». В любомудрствовании в стиле вождей Третьего рейха, в которое углубился Арита, Грю обнаружил и положительную сторону – желание овладеть сырьевыми ресурсами в Северном Китае и найти защиту от «Советской России и коммунизма»¹¹. Высказавшись в духе оправдания японского «прыжка» на Север, Грю предположил, что Америке не следует держаться принципа территориальной целостности Китая. Если компромисс поможет сохранить в неприкосновенности американские интересы, то стоит ли мешать японцам делать то, что они считают нужным, и грозить им санкциями?¹²

Поражение японцев на Халхин-Голе в августе 1939 г. не устранило высокую вероятность концентрации военных сил Японии на северном направлении с целью реванша за сухопутную Цусиму. Сама возможность втягивания СССР в «большие неприятности» на Дальнем Востоке также могла поощрить страны Запада, заинтересованные в дележе территорий с богатыми сырьевыми ресурсами, к консолидированным действиям в дипломатии путем прекращения «странной войны» и выходу на договоренности общего характера. Польский посол в Токио де Ромер, пользуясь, благодаря своей осведомленности, особым доверием Грю, обнадежил его. Несмотря на ухудшающиеся после заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г. отношения между Германией и разобитой Японией, последняя остается верной идеям Антикоминтерновского пакта и стратегии «взведенного курка» в отношении дальневосточных рубежей Советского Союза. Прогноз возвращения к идее военного блока «цивилизированных» стран, вставшего на пути советской экспансии, по словам польского дипломата, выглядел благоприятным. Японии отводилась ключевая роль в складывании этого альянса. Грю сделал следующий вывод: «Согласно г-ну де Ромеру, японцы очень серьезно заняты своими отношениями с Советской Россией, несмотря на перемирие»¹³, которое в лучшем случае является чисто временным

¹¹ HL. *Papers of Joseph C. Grew. Personal Notes. №126 (May 1939). May 18, 1939.*

¹² *На особое мнение Дж.Грю в отношении ненужности экономических и других санкций против Японии и его расхождению с ближайшим окружением Рузвельта обращает внимание и Р.Далек (См.: Dallek R. Franklin Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979. P.236, 237, 241).*

¹³ *Имеется в виду соглашение 15 августа 1939 г. о прекращении военных действий на*

документом. Они (японцы. – *В.М.*) чувствуют, что усиление советских позиций на Западе в конечном счете приведет к такому же усилению позиций СССР и на Востоке, и поэтому японцы сейчас сосредоточиваются на завершении своей кампании в Китае с тем, чтобы в борьбе с советской угрозой иметь руки развязанными. В Токио войну с Советской Россией все еще рассматривают как неизбежную. Бои на Халхин-Голе показали превосходство советских вооруженных сил над японскими, особенно если речь идет о механизированных частях. Советы очень эффектно разбили японцев, которые потеряли по меньшей мере 25 000 человек»¹⁴.

Увлечись игрой в поддавки с Японией, Грю проглядел изменение настроений президента, дальновидно рассудившего, что потеря Китая и выключение России из международного баланса антифашистских сил в конечном счете обойдутся США дороже, чем осторожное сближение с Кремлем в целях сохранения шансов видеть Советский Союз на стороне противников агрессоров, а вовсе не их союзником. Посол в Японии продолжал держаться фарватера, намеченного политиками – сторонниками жесткой линии. Последние в годы, предшествующие Второй мировой войне, сделали своим неформальным лидером помощника государственного секретаря А.Бирла – влиятельного члена «мозгового треста» Рузвельта. Бирл не одобрял «заигрывания» с Москвой и добивался улаживания европейского кризиса на основе «позитивного опыта» Мюнхена. Война России с Германией, а тем паче еще и с Японией, по его мнению, могла бы стать началом удачной многоходовой операции по оздоровлению всей международной обстановки и перекройке геополитической карты мира к выгоде для «демократий» и в ущерб «тоталитарным» государствам¹⁵. К той же группе принад-

монгольской границе.

¹⁴ *HL. Papers of Joseph C.Grew. Personal Notes. №127 Conversation with the Polish Ambassador Mr. de Romer. October 12, 1939.*

¹⁵ *См.: Егорова Н.И. Указ. соч. С.90, 91, 103, 108. – Судья Ф.Франкфуртер (один из близких к Рузвельту политиков, входивший в круг его конфиденциальных советников) называл А.Бирла «почти патологическим англофобом и русофобом» (From the Diaries of Felix Frankfurter / Lash J.P., ed. N.Y., 1974. P.168). Опытнейший американский дипломат, руководитель дальневосточного отдела госдепа С.Хорнбек отлично видел всю пагубность подогревания русофобии в сопровождении идеи «единения Запада плюс Япония». Весной 1940 г. Хорнбек с осуждением отнесся к активности Франции на этом поприще, предвидя невосполнимые потери от такой недальновидной политики (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanley K.Hornbeck Papers. Box 460. S.K.Hornbeck book. March 5,*

Кеннан на пике дипломатической карьеры.
Конец 40-х годов

лежал и харизматический У.Буллит, новый посол США во Франции. «Молодые радикалы» (эта вывеска прочно закрепилась за дипломатами из внутренней «служебной» оппозиции) руководствовались постулатом вновь оказавшегося востребованным теоретика геополитики англичанина Макиндера. Он полагал, что Россия является более опасным противником, чем Германия и Япония; причем последней отводилась миссия постоянного отвлечения части военной силы северного соседа (СССР) на себя¹⁶. Напротив, Рузвельт – почитатель морского дела и морской мощи – видел в Японии (так же как некогда и адмирал Мэхэн) непосредственного и вероятного соперника Америки, тогда как угрозы, исходившие от СССР, казались ему не вполне еще определенными. Проявляя

непослушание, А.Бирл, У.Буллит, Л.Гендерсон, Дж.Кеннан, Дж.Грю, Дж.Кеннеди полагали, как тому учил Макиндер, что подчинение «осевого» региона (хартлэнда) на евроазиатском континенте для США, Англии, Франции важнее, ибо дает ключ к контролю над остальным миром.

1940). Доводы Хорнбека были признаны очень разумными антиизоляционистами – противниками обрубания контактов с Москвой. К их числу принадлежал и новый министр обороны США Г.Стимсон. (Yale University, Sterling Library. Henry L.Stimson. Papers and Diaries. Reel 6. September 11, 1940).

¹⁶ Что касается Джозефа Грю, то он черпал уверенность в своей правоте еще и в солидарной с ним позиции его коллег – послов западных стран в Токио. Так, польский посол, отвергая мысль о давлении на Японию из-за ее продолжающейся агрессии в Азии, говорил ему: «Любыми путями мы должны избегать такой политики, которая может вынудить Японию пойти на какое-либо соглашение с Советской Россией, что было бы величайшей угрозой для всех нас. Он (польский посол. – В.М.) думает, что весьма вероятно создание когда-либо в будущем союза США, Великобритании и Японии, направленного против Советского Союза здесь, в дальневосточном регионе» (HL. Papers of Joseph C.Grew. Personal Notes. №127. Conversation with Polish Ambassador Mr. de Romer. October 21, 1939).

«ОСТАНОВИТЬ МОСКВУ»

Дипломаты-«европеисты», одобрявшие идущие под эгидой Германии «интеграционные» процессы в Европе, объективно оказывались в оппозиции к курсу на активизацию антифашистской направленности внешней политики Рузвельта¹⁷. Германия, поддержанная дружественными силами и в союзе с ними, сильная в военном отношении и влиятельная политически, должна была стать на пути русского большевизма. Для Буллита общая граница Европы должна была проходить не по ее географической границе (по Уральскому хребту), а по линии болот, идущих от Финляндии, через Польшу, к Румынии, и таким образом отсоединять Россию от «собственно европейского пространства»¹⁸. А для Бирла «обустройство» Германии должно было происходить на всем пространстве Центральной Европы или, иначе говоря, предусматривало создание Пан-Германии с включением Австрии, других малых народов и бог весть еще кого. Еще накануне аншлюса Австрии в 1938 г. он заметил: «Все это к лучшему. То, что делается дипломатическими методами, позволяет избежать войны, результатом которой будет тот же результат». Гитлер, писал он чуть позже, так же, как и Наполеон III, явление преходящее. Между тем экономическая и политическая логика движения к объединенной Центральной Европе имеет объективный, неустранимый характер¹⁹. Новая германская империя, разъяснял он в личном письме Рузвельту, своим собиранием земель станет «единственным инструментом, способным восстановить чистоту расы и экономическое единство, которые позволят Европе выжить и гармонично развиваться»²⁰.

Известный американский исследователь Джон Харпер связывает с именами младорадикалов (прежде всего с Бирлом и Буллитом) и предложенными ими сценариями установления европейского «равновесия» понятие стратегии «протосдерживания». Она имела адресный характер.

¹⁷ *Весьма самокритично вспоминал в мемуарах эту страницу своей биографии Джордж Кеннан (Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 66–73).*

¹⁸ *For the President, Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt (Dane – For the President) / Bullitt O.H., ed. Boston, 1972. P. 237.*

¹⁹ *Harper J.L. American Visions of Europe. Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge University Press, 1994. P. 53.*

²⁰ *Ibidem.*

Западная Европа радикально перестраивается, избавляется от пут Версаля и концентрирует свои усилия на «русском направлении» для отражения угроз (реальных или воображаемых) с Востока и инициирования упреждающих действий. Прилагая усилия к созданию, в первую очередь, благоприятной для них самих конфигурации сил в Европе, США в то же время не должны участвовать в войне, если она разразится по чьей бы то ни было инициативе. Победа любой из сторон приведет к победе либо правой (нацизм), либо левой (большевизм) диктатуры. Оставаясь в стороне, США следует дожидаться момента, когда они будут, как писал Буллит Рузвельту, готовы «приступить к реконструкции того, что осталось от европейской цивилизации»²¹. Другими словами – подобрать осколки и сотворить чудо, реинкарнировав Европу без очагов военных конфликтов и революций.

Ситуация в Европе радикально изменилась после Мюнхена и захвата Чехословакии Гитлером в марте 1939 года. Аншлюс Австрии, соглашение Н.Чемберлена и Даладьё с Гитлером в сентябре 1938 г. о разделе Чехословакии, а затем и беспримечная по последствиям ликвидация самостоятельности чехословацкого государства при молчаливом самозащите западных демократий (включая США) подготовили смену настроений в Кремле и переориентацию советской внешней политики. Она была «подкреплена» обострением советско-японских отношений в 1938 г., закончившимся развязанными японцами боевыми действиями на реке Халхин-Гол в конце мая 1939 г.²². Атмосфера разлада и неустранимого недоверия между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, сгущалась. Процессы и «чистки» в СССР увеличивали эту пропасть, тем самым дополнительно создавая предпосылки для сближения Москвы и Берлина. 10 марта 1939 г. Сталин произнес свою знаменитую речь на XVIII съезде ВКП (б), которая вызвала огромный переполох в западных столицах. Своим абсолютно недвусмысленным предупреждением о нежелании Москвы быть послушным орудием в чьих бы то ни было руках и сохранении полной свободы маневра Сталин заставил Запад нервничать. Газеты писали о византийских нравах кремлевских «мечтателей», их извечном коварстве и не-

²¹ *For the President. P.283.*

²² См.: Мальков В.Л. *Невыдуманная картина начала Второй мировой войны // Россия XXI. 2005. №3. С.134–171; Парило М. «И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С.137–149.*

предсказуемости. Отставка М.М.Литвинова 3 мая 1939 г. потянула за собой дополнительно шлейф мрачных предчувствий. Атмосфера вокруг открывшихся 16 августа 1939 г. англо-франко-советских переговоров в Москве была столь неблагоприятной, что едва ли можно было сомневаться в их неминуемом провале. Тень, павшая на намерения Москвы, удлинилась еще больше, когда пресса принесла всеми ожидавшуюся «неожиданную» весть: 23 августа 1939 г. заключен советско-германский пакт о ненападении.

В госдепе США и в определенной части безоговорочно негативно настроенных к СССР кругов общественных и религиозных деятелей сделали первый вывод. А именно: Москва отказывается от роли миротворца и, вбивая клин между творцами Версаля (Англия, Франция) и его жертвами (Германия, Турция, Италия, Венгрия), встает на путь разжигания мирового пожара и экспансии. Лой Гендерсон (глава «русского направления» в государственном департаменте США) 24 августа 1939 г. поделился своими первыми впечатлениями по поводу шокирующей новости с ведущим американским экспертом по Советскому Союзу профессором Чикагского университета Сэмюелем Харпером. «В свете последних событий, – писал он, – совершенно невозможно предвидеть, каким будет наше завтра. Судя по той информации, которой я располагаю на настоящий момент, я мог бы сказать, что все это выглядит так, как будто Советский Союз отбросил прочь тактику единого фронта с демократиями и вернулся к старому лозунгу превращения империалистических войн в войны классовые»²³. Находившийся во Франции У.Буллит, после начала «странной войны» (сентябрь 1939 г.) еще больше встревоженный риском потерять всякую надежду на франко-германский союз против «скифов с Востока», полностью солидаризировался с главой «русского направления» в госдепе в оценке сталинской дипломатии – ее возвращения к игре на «империалистических противоречиях». 1 ноября 1939 г. он писал Гендерсону: «Я по-прежнему считаю, что так называемое советское правительство является кучкой заговорщиков, существующей с единственной целью – совершать убийства

²³ LC. *Loy Henderson Papers. Box 1. Henderson to S.N.Harper. August 24, 1939.* – Следует отдать должное Гендерсону. Он точно предугадал, каким будет идейное обоснование Сталиным разрыва с тактикой единого антифашистского фронта и поворота внешнеполитического курса СССР к добрососедству с нацистской Германией (См.: Марьяна В.В. *Дневник Г.Димитрова // Вопросы истории. 2000. №7. С.38, 39; Смирнов В.П. Коминтерн и Франция в 1939–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. ... С.464).*

и ничего другого. Советский Союз – это плацдарм, используя который заговорщики совершают свои грязные дела, и ничего более»²⁴. Сжечь все мосты, вернуться к политике непризнания, санкций и поощрения внутренней оппозиции – так Буллит доформулировал за Гендерсона первоочередные задачи американской дипломатии в «русском вопросе».

Превращение Советского Союза в активного игрока на международно-политической сцене восточноевропейского региона (включая Балканы); вхождение советских войск на территорию Польши 17 сентября 1939 г.; присоединение Прибалтики, а затем Бессарабии и Буковины; «зимняя война» 1939–1940 гг. – все это давало Буллиту повод для новой атаки на «спящих» в Вашингтоне и создавало ощущение превосходства собственной прозорливости над «иллюзиями» и «соглашательством» окружения Рузвельта и самого президента с советским коммунизмом²⁵. И если часть видных дипломатов (Брекенридж Лонг, например) расценивали ликвидацию буферной зоны между Германией и СССР как верный шаг к военному столкновению двух «заклятых друзей»²⁶, то Буллит видел во всем этом один лишь проигрыш Запада и уступку России. Выход СССР за «линию болот», естественным образом отделяющую его от ключевых центров европейского геополитического пространства, использование Кремлем в собственных интересах вовлеченность в вооруженный конфликт всей остальной разделенной Европы виделись ему верхом вероломства, фактором, подрывающим безопасность самой Америки. Единственное, что объединяло Буллита с его оппонентами из окружения Рузвельта, – это испытываемые ими совместно антипатии к

²⁴ LC. Loy Henderson Papers. Box 6. W. Bullitt to Henderson. November 1, 1939.

²⁵ Знакомый в деталях с внутренней кухней государственного департамента в 30–40-х годах американский историк Э.Марк писал в статье о генезисе холодной войны: «Сталинская политика в 30-х годах XX века, как внешняя, так и внутренняя, породила в головах части вашингтонского истеблишмента представление, что известный своей гибкостью автократ модифицировал, если вообще не изменил марксизму-ленинизму в интересах могущества России и своего собственного. К 1940 году один из самых лучших специалистов по Советскому Союзу, служивших во внешнеполитическом ведомстве, Чарльз Болен посчитал нужным заметить в скобках в тексте своего меморандума, что "марксистская идеология давно по всем признакам перестала быть определяющим фактором при формулировании советской политики на мировой арене» (Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // The Journal of American History. Vol.68. №2. September 1981. P.311).

²⁶ LC. Breckenridge Long Papers. Box 5. Diaries. October 4, 1939.

изоляция. Но для Буллита он был нетерпим из-за помех, чинимых в помощи Англии – последнему оплоту европейской цивилизации, способному образумить немцев (или же действовать с ними заодно) и таким образом построить плотину на пути коммунистического потока с Востока. Соединенные Штаты, по определению, должны были сыграть согласно этому плану опорную роль главного резерва «многопрофильной коалиции» ради сбережения европейского наследия²⁷. Своему призыву «остановить Москву» Буллит придал характер открытого послания американскому народу²⁸, который, де, оказался неготовым к познанию алгебры геополитики в пограничной ситуации 1939–1941 гг. Его многотиражные публикации были предназначены дать единственно возможный ответ на главные вызовы времени: быть или не быть системе свободного предпринимательства и как Западу вернуть контроль над Евразией.

Вся эта интенсивная пропагандистская активность Буллита, ставящая в весьма непростое положение Белый дом, протекала на фоне настоящего бума геополитических штудий, прогнозов и проектов, объясняющих изменения, происходившие в мировом порядке и их возможные последствия. Существенному обновлению подвергся весь арсенал геополитической мысли. Громкие имена²⁹ замелькали на страницах общественно-политических и научных изданий, возвещая начало дискуссии о процессе переформатирования европейского континента. А вслед за ним – и всего колониального мира, Ближнего и Среднего Востока, Тихоокеанского региона, изменения транспортных связей, перераспределения стратегических природных ресурсов и т.д.³⁰ Общий лейтмотив

²⁷ *LC. Herbert Feis Papers. Box 12. W.C. Bullitt to Feis. August 26, 1940; Persico J.E. Roosevelt's Secret War. FDR and World War II Espionage. N.Y., 2002. P.21. – В годсене, отмечает Джон Гэддис, более всего опасались, что «странная война» в конечном счете вызовет рецидив революционной ситуации, наподобие той, что случилась в 1917–1919 гг., и, в конечном счете, как выразился Б.Лонг, сделает «наше столкновение с Россией неизбежным» (Gaddis J.L. *Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History*. N.Y., 1990. P.139, 140).*

²⁸ См.: *Bullitt W.C. Report to the American People. Boston, 1940; Bullitt W.C., Kelly R. Bullitt's «Stop Moscow» Report. N.Y., 1940 и др.*

²⁹ Генри Люса, Николаса Спикмена, Роберта Траус-Хюне, Джорджа Филдинга Элиота, Нила Макнейла, Джорджа Реннера, Ганса Моргентгау и, конечно же, Хэлфорда Макиндера.

³⁰ Подробнее см.: Баталов Э.Я. *Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005. С.20, 21,*

всей этой литературы – мир находится накануне тектонических перемен, в коих геополитическим интересам принадлежит решающая роль, а Соединенным Штатам – неоспоримый приоритет во всех без исключения сферах мировой политики, человеческой жизнедеятельности, экономического и социокультурного обновления.

Буллит выделялся из этого интеллектуального клана своей закомплексованностью на советской угрозе и непосредственным выходом на Белый дом, на «босса», на государственный департамент и Конгресс. Неудачи Красной Армии после 22 июня 1941 г. и появление вермахта у стен Москвы внушили уверенность бывшему послу США во Франции, что его предвидение создания Пан-Европы через восстановление общности судьбы французов, англичан, итальянцев и других западноевропейских народов вокруг немцев как структурообразующего народа, находящегося в центре германо-романского культурного мира, имеет реальные предпосылки к осуществлению. Вполне логично для Буллита было предполагать, что президент Рузвельт, осудивший советских вождей за их «нецивилизованное» обращение с Финляндией³¹ в 1939 г., адаптирует свою политику к проектам европейской интеграции, тем самым облегчая становление нового, устойчивого мирового порядка. При сохранении за тем, что останется от СССР, особого статуса неприсоединенного государства.

Провал германского блицкрига под Москвой в декабре 1941 г., а еще через год перелом в пользу Красной Армии в ходе Сталинградского сражения заставил по-иному расставить акценты в геостратегии планировщиков проекта будущего. Был снят вопрос о поражении СССР и тут же возник другой. Выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома «третьего рейха»? Как бы сам по себе воскрес образ возобновившейся советской экспансии, покорения европейского пространства человеком в красноармейской шинели. Одним из первых, забывших тревогу, оказался рассерженный посол США в СССР (до ноября 1941 г.) Лоуренс Штейнгардт. Перемещенный Рузвельтом в столицу «нейтральной» Турции Штейнгардт уже весной 1942 г. принялся бомбардировать государственный департамент посланиями-предупреждениями о намерении СССР захватить проливы, а вслед за ними – нефтеносные районы

232, 233 и др.; White D.W. *The American Century. The Rise and Decline of the United States as a World Power.* N.H.; L., 1996. P.47–52.

³¹ См.: F.D.R.: *His Personal Letters, 1928–1945. Vol.II.* N.Y., 1950. P.961.

Ближнего и Среднего Востока³². Штейнгардт намекал на решение вопроса путем выхода на контакты и отдельные переговоры с Германией о «политической реорганизации». В отдельных случаях такие контакты велись союзниками на уровне среднего звена спецслужб и военных штабов. Напрямую с такими предложениями к Ф.Рузвельту обращался давний политический сторонник президента, бывший губернатор Пенсильвании, а в годы войны заместитель военно-морского атташе США в «нейтральной» Турции Джордж Эрл³³. Тесные контакты последнего с резидентурой Абвера и с германским послом в Турции фон Папеном позволяли ему рисовать заманчивые картины досрочного для США и Англии окончания войны путем достижения договоренности с «обновленным» германским руководством и решения, совместно с ним, вопроса о безопасности Европы³⁴. Буллит был сторонником иной опции.

Публичные выступления Буллита (подкрепленные коридорной «дипломатией») и целого клана видных чиновников госдепартамента и военного ведомства, предлагавших, не теряя времени, заняться профилактикой «русского империализма»³⁵, побудили Рузвельта воздействовать на Буллита откровенным разговором и расстановкой точек над *i* в прояснении главных послевоенных целей США, России, Англии и союзников в целом. В конце 1942 г. президент пригласил Буллита в Белый дом для беседы с глазу на глаз в Овальном кабинете. О чем говорили президент и экс-посол, и по сей день доподлинно не известно. Но Буллит получил задание пополнить досье экспертных оценок развития по-

³² См.: LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 38. Steinhardt to Sumner Welles. April 24, 1942.

³³ Джон Гэддис признает реальность такой перспективы (Gaddis J.L. *Russia, the Soviet Union, and the United States*. P.157, 158). – См. также: Мальков В.Л. Спецслужбы США и «мирные инициативы фон Папена», 1943 // *Новая и новейшая история*. 1980. №3; Фалин В.М. *Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов*. М., 2000. С.265–267, 387, 515.

³⁴ Мальков В.Л. *Путь к имперству. Америка в первой половине XX века*. М., 2004. С.386–388, 391, 459; Persico J.E. *Roosevelt's Secret War. FDR and World War II Espionage*. N.Y., 2002. P.236–238, 269–271, 381–383. – Сталин, по-видимому, был хорошо информирован об этой активности американских спецслужб и говорил об этом публично. Так, принимая чехословацкую делегацию во главе с президентом Э.Бенешем 28 марта 1945 г., он сказал на обеде, что «союзники постараются спасти немцев и сговориться с ними» (*Дневник наркома В.А.Мальшева // Источник*. 1997. №5. С.128).

³⁵ Печатнов В.О. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки*. М., 2006. С.103, 104.

слевоенного мира в связи с новой ролью Советского Союза и новым значением фигуры Сталина в мировой политике. 29 января 1943 г. на столе у президента, с грифом «лично и секретно», лежал меморандум, с опаской ожидавшийся в Белом доме. Буллит начал его, в сущности, с разностной критики президентской «русской» политики и аргументами *ad hominem* (от человека).

В броских выражениях³⁶ Буллит обрисовал геополитическое мышление Сталина как продукт коварного ума матерого интригана, который искусно разыграл роль добропорядочного политика, заинтересованного в прочном сотрудничестве с англо-американскими союзниками, с целью добиться от них разного рода авансами добровольного отказа от военно-технического превосходства. Между тем цели Сталина, утверждал Буллит, оставались неизменными – экспансия и агрессия, а попытки «переделать» его в управляемого политика западного типа моральным примером и демонстрацией дружелюбия абсолютно бесперспективны. Буллит ничего не сказал о непримиримом конфликте идеологий, он убеждал президента в том, что Сталина нельзя переделать в почитателя Запада в силу его «азиатского происхождения», что его можно и следует *принудить* стать покладистым и послушным, только используя выгодное стратегическое положение США, экономическое и военное превосходство и другие, сложившиеся благодаря войне и к невыгоде Советского Союза, условия. «Мы никогда в будущем, – заявлял он, – не сможем оказывать на Великобританию и Советский Союз такое влияние, как сегодня. Сегодня они обязаны всем своим существованием Соединенным Штатам. Мы – это дарящая милостыню богатая тетушка. Они – нищие побирушки... После же поражения Германии наши позиции в торге станут безнадежными»³⁷.

Зная чувствительность Рузвельта к урокам истории и личной драме В.Вильсона, которому после победы в войне было отказано в доверии его собственным народом, Буллит заклинал Рузвельта не повторять роковую ошибку его демократического предшественника на посту президента, сделавшего ставку на морализм и пренебрегшего «физической силой» в решении глобальных задач мироустройства вообще и «русского вопроса» в частности. Курс США должен быть сфокусирован на реализации с использованием подавляющей военной и экономической мощи следующих стратегических задач:

³⁶ Они затем воспроизводились в тех или иных сочетаниях всеми последующими идеологами холодной войны, включая Черчилля и Кеннана.

³⁷ *For the President. P.575–590.*

- отсечение Советского Союза от Европы, интегрированной под эгидой США и Англии;
- выход к «восточным границам» Европы до их перехода Красной Армией;
- сокращение военной помощи Советскому Союзу (держать «на голодном пайке»);
- недопущение создания военного вакуума в Европе путем обязательного сохранения военного присутствия США после победы;
- содействие послевоенному восстановлению и реконструкции СССР в строго ограниченных размерах и только при условии подчинения Москвы правилам игры, предписанным западными союзниками³⁸.

Совершенно особым пунктом своего плана Буллит выделил вопрос о пересмотре всей стратегии ведения войны, фактически утвержденной Рузвельтом. Смысл его особого мнения состоял в следующем. Намерение поначалу сосредоточиться на разгроме Германии в геополитическом отношении в корне ошибочно: оно играет на руку Сталину. Добившись ускоренного поражения Германии, и Советский Союз, и Англия забудут о своих обещаниях оказать помощь Америке в войне против Японии. Предвидя такой оборот событий, Соединенным Штатам следует сохранять контроль за действиями союзников, вынуждая их подчиняться американскому диктату в обмен на помощь и знаки внимания. Заставив Японию капитулировать, Соединенные Штаты вернутся на европейский театр военных действий (ТВД), но сделают это там и

³⁸ К этим условиям были отнесены роспуск Коминтерна и безусловный отказ от «коммунизирования» европейских стран. В вопросе о дозировании помощи Советскому Союзу Буллит не был одинок. Его взгляды разделял имевший внушительный вес среди ближайших советников Рузвельта А.Бирл (FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 305. «A.A.Berle's Memorandum for H.Hopkins». July 30, 1941). На заинтересованность США в истощении СССР (и Германии) указывал с начала 1942 г. военный атташе США в Москве подполковник Дж.Микела. Он полагал, что в этом случае Советский Союз не сможет быть никому опасен в Европе, даже если союзники добьются победы в войне (FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Military Intelligence Division Report, 1933–1945. USSR, January 15, 1942. Subject: American-British-Soviet Relations). Эти же мотивы возникали в большой печати США, что вызывало серьезное беспокойство в ближайшем окружении Рузвельта (См.: LC. Joseph Davies Papers. Chronological File. Box 16. Journal. January 7, 1945).

тогда, где и когда это будет выгодно им, Соединенным Штатам. Лучшим направлением удара по Германии Буллит считал то, которое предложил У.Черчилль, – «мягкое подбрюшье» Европы – Балканы. Выйдя через Проливы в Черное море к довоенным границам Советского Союза, западные союзники заставят его довольствоваться тем немногим, чего пожелают уступить ему в ходе приграничного размежевания. Судя по всему, именно это бесцеремонное вторжение Буллита в военное планирование сильнее всего задело Рузвельта, который в согласовании последовательности действий союзников на ТВД видел важнейшее условие продолжения их сотрудничества в мирное время. Проведя устные «сессии» с Буллитом и внимательно ознакомившись с его геополитическим проектом обретения миром единоличного лидера, Рузвельт распорядился закрыть для него двери Белого дома. Буллиту так и не удалось стать диадохом, о чем он всегда мечтал³⁹.

Американский историк У.Кимбалл дал следующую общую оценку буллитовской альтернативе военной и политической стратегии Рузвельта. «Вслед за письмом-меморандумом Буллита от 29 января 1943 года последовали еще два, составленные в самых жестких выражениях. Вместе взятые, они звучали как призыв к объявлению того, что мы зовем сегодня холодной войной»⁴⁰. Возникает вопрос: мог ли Рузвельт в разгар коалиционной войны внять советам искушенного, но явно теряющего чувство реальности политика и дипломата, изменить самому себе и обратиться к рекомендованному ему нарочито вызывающему курсу «дубины и морковки»? В принципе такая возможность существовала. В марте 1943 г. президент поделился своими сомнениями с А.Иденом, английским министром иностранных дел. Тот же, не отвергая в целом «тезис Буллита», не согласился тем не менее принять его за основу взаимодействия с Советским Союзом⁴¹. Стоило ли рисковать союзом с главной ударной силой в антинацистской войне?

³⁹ Буллит предал гласности свои расхождения с Рузвельтом позднее, уже в разгар холодной войны. Он возвестил, что Соединенные Штаты «проиграли мир», следуя, как это делал Рузвельт, правилу «происхождение обязывает» и пытаясь убедить «кавказского бандита» доверять Соединенным Штатам и сотрудничать с ними в построении мира (Bullitt W. *How We Won the War and Lost the Peace* // *Life*. August 30, 1948. P.82–97).

⁴⁰ Kimball W.F. *The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton, N.J., 1991. P.88.

⁴¹ FRUS. 1943. Vol.III. P.13–15, 25, 35; Eden A. *The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon: The Reckoning*. Boston, 1965. P.432.

Мнение Идена и ближайших советников (Г.Гопкинс, Дж.Дэвис, Г.Икес, Г.Уоллес и др.) было немаловажным для президента, но и предупреждения Буллита не прошли бесследно⁴². Была по крайней мере одна сфера, где эти предупреждения возымели прямые последствия – усиление секретности вокруг создания атомного оружия и, как результат, снижение уровня доверия между союзниками. Данный факт сегодня безоговорочно признается всеми. Не так давно историк Джон Гэддис (и не только он) с чувством внутреннего превосходства писал о моральном уроне, который понес Советский Союз из-за настойчивых усилий Сталина в годы войны и сразу после нее «обеспечить безопасность страны с помощью сомнительных средств», т.е. проводя шпионаж в стане союзников, засылая в их ряды «кротов» и, естественно, вызывая тревогу в отношении своих намерений⁴³. А сегодня мы видим другую картину. Свою последнюю книгу по истории холодной войны Гэддис начинает непосредственно с атомного проекта США и Англии, признавая, что он вызвал вполне оправданные серьезные (по его же собственным словам) подозрения в Кремле, а со временем превратился в мину замедленного действия⁴⁴. Следовательно, причина и следствие заняли подобающие им места.

⁴² *Тема Сталина в данном контексте здесь не подлежит подробному рассмотрению, но уже к лету 1942 г. советское правительство определило свои цели в войне в части территориальных требований, вызвавших волнения в дипломатических кругах США и Англии, в экспертном сообществе, в прессе. На первый план, писал Э.Марк, выходила геополитическая природа внутреннего конфликта интересов в антигитлеровской коалиции (Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // The Journal of American History. Vol.68. №2. September 1981. P.317). Если сказать по-другому, различное толкование безопасности в послевоенной Европе грозило расколоть Великую коалицию. Миссия советника Белого дома по «советским делам» Дж.Дэвиса в Москву в мае–июне 1943 г., инициированная самим президентом Рузвельтом, призвана была снять трудные вопросы, в том числе и из «перечня» У.Буллита. Президент США и Гопкинс решительно отклонили синтетическую формулу последнего «обольщать и принуждать» и настаивали на другой: «вся возможная откровенность». Дэвис, в частности, намеревался передать Сталину пожелание Рузвельта о роспуске Коминтерна. Но еще до приезда Дэвиса в Москву было объявлено о принятии соответствующего решения.*

⁴³ Gaddis J.L. *Intelligence, Espionage and Cold War Origins* // *Diplomatic History*. Vol.13. №2. Spring 1989. P.209.

⁴⁴ Gaddis J.L. *The Cold War. A New History*. N.Y., 2005. P.25–27.

Вопрос, очевидно, может быть поставлен и так: не был ли переkreстный шпионаж следствием не только существовавшего и в межвоенный период недоверия между Москвой, с одной стороны, Лондоном и Вашингтоном – с другой, но, как справедливо отмечает американский исследователь Персико, и склонностью к повышенной скрытности всех участников «Большой тройки» и не в последнюю очередь ее ведущей пары – Сталина и Рузвельта? «Франклин Рузвельт, – пишет он, – уверенно руководил Америкой в войне, имевшей характер мирового катаклизма, в которой секретные операции играли очень важную роль и для ведения которой он располагал всеми возможностями и талантом, свойственным его натуре»⁴⁵. Ничего удивительного нет в том, что оправданное засекречивание Западом своих необычайно дорогостоящих усилий по созданию оружия массового уничтожения – атомной бомбы – только удвоило столь же оправданную подозрительность Сталина, подтолкнуло его к развертыванию тайных операций по «деблокированию» атомных секретов, переходящих пределы «необходимой недоверчивости» (если воспользоваться словами Джона Ле Каре). Разве нельзя было предвидеть все это, зная болезненную реакцию Кремля на дипломатический сепаратизм западных союзников, что уже дало о себе знать в связи с вопросом о Втором фронте или ленд-лизе?

Вообще по прошествии многих лет и после подведения предварительных итогов истории разведки в период Второй мировой войны едва ли правильно говорить об атомном шпионаже как явлении однонаправленном по своему характеру и результатам. Тем более что фундаментальные принципы создания атомной бомбы были открыты не американцами. Рождению «Манхэттенского проекта» предшествовало заимствование знаний и опыта у интернациональной группы ученых-физиков, прежде всего германских и английских. Нельзя не напомнить в связи с этим, что первые успехи в операции по «деблокированию» секретов совместного англо-американского проекта создания «победоносного оружия» были обеспечены даже не советскими профессионалами-разведчиками и их агентурой, а «незапланированными» утечками, источником которых оказались ученые-антифашисты, такие как Клаус Фукс, и информацией, опубликованной в открытой печати, научной периодике, а также собранной фронтовой разведкой.

⁴⁵ Persico J.E. *Op. cit.* P.451.

Подлинно эпохальное значение (какой бы различный смысл в это ни вкладывали⁴⁶) имела прежде всего *собственная* история создания американского атомного оружия, которая вошла неотъемлемой частью в родовое понятие холодной войны, стала ее ипостасью. После Хиросимы и Нагасаки, писал Гэддис, «мир и война не могли остаться прежними»⁴⁷. Верный по существу, этот вывод имеет самые различные коннотации, и одна из них может быть выражена в следующей постановке вопроса. Когда, как и при каких обстоятельствах появилось ощущение и осознание этой дающей односторонние преимущества научной революции у политиков, ученых и военных в странах, непосредственно сопричастных к созданию супербомбы? Большие массивы документального материала, воспоминания и научные исследования свидетельствуют: геополитический подход к использованию атомного оружия в США и Англии преобладал с момента его «внутриутробного» существования. На первых порах речь шла о достижении скорейшей победы над странами «оси», а с 1943 года – о сдерживании «советской экспансии», какой она виделась после Победы над Германией и Японией⁴⁸. Историкам советского атомного проекта также стали доступны уникальные издания, позволяющие получить некоторое представление о мотивации советских политических руководителей, ученых-ядерщиков и военачальников. Теперь не вызывает сомнения тот факт, что преобладали военно-стратегические соображения, связанные с созданием щита от «вероятного» противника, чьи намерения принимались за некую данность. Во-

⁴⁶ См.: May E.R. *Introduction // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis, Ph.H.Gordon, E.R.May., J.Rosenberg. N.Y., 1999. P.1–11.*

⁴⁷ Gaddis J.L. *Conclusion // Ibid. P.261.*

⁴⁸ См. подробнее: Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». *Разведка и дипломатия. М., 1995; Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995; The Atomic Bomb. The Critical Issues / Bernstein B.J., ed. Boston, 1976; Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by Gaddis et al. N.Y., 1999; Feis H. The Atomic Bomb and the End of the World War II. Princeton, 1960; Herken G. The Winning Weapon: The Atomic Bomb and the Cold War, 1945–1950. N.Y., 1980; Her- shberg J.G. James B.Conant: Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y., 1993; Hiroshima. In History and Memory. Hagan M.J., ed. N.Y., 1996; Szillard L. Leo Szillard: His Version of the Facts, Selected Recollections and Correspondence / Ed. by S.R.Weart and G.W.Szillard. Cambridge, MA., 1978; Udall S.L. Myths of August: A Personal Exploration of Our Tragic Cold War Affair with the Atom. N.Y., 1994; Yergin D. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977; etc.*

прос с самого начала рассматривали в плоскости обеспечения безопасности Советского Союза, исходя из целого ряда факторов – как неблагоприятных, так и благоприятных. Сознывая военно-техническое отставание своей страны от США в случае возникновения ядерной войны, советское руководство принимало во внимание и территориальные аспекты ситуации, могущей возникнуть в результате атомной атаки с воздуха. Желание как можно дальше отодвинуть границы от жизненно важных центров страны было одним из стимулов создания буферной зоны из восточноевропейских стран, а уже потом, с созданием ракетной техники, появилось словосочетание «подлетное время». Понятия и категории новой военной стратегии легко возникали из расчетов разрушительной силы ядерных взрывов, последствий радиоактивного заражения и т.д. По словам И.В.Курчатова (вслед за ним их повторил А.Д.Сахаров), началась научно-техническая война, в которой ученые стали и солдатами и стратегами⁴⁹. А.Д.Сахаров писал: «Со временем мы узнали или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом»⁵⁰. Это действительно была психология войны, резюмировал А.Д.Сахаров.

В сущности, у приводимого фрагмента из воспоминаний Сахарова есть один-единственный смысл. А именно: фантомов не было, было сознание реальной опасности оказаться в хвосте военно-технического прогресса и совершенно беззащитными в будущем мире, который полностью сохранит (и приумножит) свою насильственную природу благодаря монополии на ядерное, сверхмощное оружие массового уничтожения в руках одной державы – Соединенных Штатов, стремящейся стать геополитическим центром силы. Документы по истории советского атомного проекта, о которых мы говорим, безоговорочно свидетельствуют, что именно тотальное засекречивание всех работ по урановой проблеме (и только оно) в Великобритании, а затем и в США уже в 1941 и 1942 годах вызвало реакцию повышенного беспокойства в сообществе

⁴⁹ *Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах / Смирнов Ю.Н. – отв. составитель. М., 2004. С.228. – Сахаров называл ученых вроде И.В.Курчатова и С.П.Королева военно-промышленными деятелями.*

⁵⁰ *Там же.*

советских ученых-ядерщиков и вслед затем уже в головах политиков⁵¹. Отсюда возникло и стремление любой ценой избавить страну от геостратегического риска особого рода – отставания в гонке за супербомбой, способного превратить страну после Победы в объект шантажа, диктата, колонизации. Отношение ученых к созданию отечественного атомного оружия передавалось словами – категорический императив. Самое яркое отражение получило оно в написанных, как справедливо отмечает Ю.Н.Смирнов, с «яростным пафосом» письмах Г.Н.Флерова, направленных С.В.Кафтанову, И.В.Курчатову и И.В.Сталину в ноябре 1941 г.–апреле 1942 г.⁵² В первом из них он писал: «История делается сейчас на полях сражений, но не нужно забывать, что наука, толкающая технику, вооружается в научно-исследовательских лабораториях, нужно все время помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия, и сейчас единственное, чем мы можем искупить свою ошибку (речь шла о прекращении работ по урану с начала войны. – В.М.) – полугодовое безделье, – это возобновление работ и проведение их в еще более широком масштабе, чем было до войны»⁵³.

Для межсоюзнических отношений этот разрыв и заговор молчания вокруг атомных разработок в Англии и США породили нескончаемые и, как оказалось, нерешаемые проблемы⁵⁴. Разведывательные органы СССР усиливают свою активность на этом чувствительном направлении, передавая достоверную информацию о размахе предпринимаемых союзниками работ. В конце сентября 1942 г. появляется первый (из всех известных) документ за подписью В.М.Молотова о разрывании работ по созданию «урановой бомбы и уранового топлива»⁵⁵. Таким образом, если осенью 1943 г. удалось добиться позитивного перелома в координации действий союзников на различных театрах военных дейст-

⁵¹ См.: *Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общей редакцией Л.Д.Рябева; Отв. сост. Л.И.Кудинова. Т.1. Ч.1. М., 1998.*

⁵² Смирнов Ю.Н. *Г.Н.Флеров и становление советского атомного проекта // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96. Т.2. М., 1999. С.158–170.*

⁵³ Там же. С.160.

⁵⁴ См.: *Мальков В.Л. Атомная проблема в межсоюзнических отношениях // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е–50-е годы). Т.3. М., 2003. С.181–184.*

⁵⁵ *Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общей редакцией Л.Д.Рябева; Отв. сост. Л.И.Кудинова. Т.1. Ч.1. М., 1998. С.268.*

вий, то одновременно на невидимом фронте – в сфере ядерных исследований и подготовки создания атомной бомбы – возросло скрытое противостояние. Американские исследователи «пропускают» этот важный этап в формировании ментальности холодной войны. Между тем изучение «ядерного этоса» в эпоху создания абсолютного оружия имеет огромное значение в понимании всех черт послевоенного развития⁵⁶. И, как мы видели, моральным оправданием для разработчиков атомного оружия (как американско-английского, так и советского) была двуединая цель – опередить Германию и по крайней мере добиться «равенства сторон», а в случае удачи – абсолютного превосходства в послевоенном мире. Отсюда – секретность, намерение поставить партнера перед свершившимся фактом, неожиданным поворотом, дающим геостратегический выигрыш на годы вперед. Хиросима и Нагасаки (1945), а затем испытание под Семипалатинском (1949) стали важными вехами на этом пути. Но дорога к ним мысленно прокладывалась много раньше.

Политика сюрпризов рождалась вместе с консеквенциалистским мышлением создателей атомной бомбы (ядерное оружие дает гарантию безопасности)⁵⁷. Она предвещала новую эру в советско-американских отношениях, эру гонки ядерно-ракетных вооружений, военных технологий. Но на протостадии соревнования в тайном производстве оружия массового уничтожения еще не имело особого значения, кто дальше и насколько продвинулся в поисковых исследованиях и отработке технологических процессов. Разворачивание лабораторной и производственной базы атомной индустрии делало обе стороны этого заочного соревнования безмолвными заложниками конфликта. Процесс исключил всякую публичную дискуссию, а тем более соглашение, касающееся будущего оружия. Усилия Н.Бора, А.Эйнштейна и Л.Сцилларда, предпринимавшие с целью переломить ход событий, ничего не дали⁵⁸, хотя и в США, и в Англии многие в политических кругах задавались одним вопросом. Выдержат ли союзнические отношения значительные перегрузки подозрительностью в преддверии финальной фазы коалиционной войны против фашизма? В этом сопряженном с риском развала Великого Альянса соревновании Советский Союз был догоняющей

⁵⁶ Визгин В.П. *Формирование этоса советского ученого-атомщика // Наука и общество: история советского атомного проекта... Т.1. М., 1997. С.364–368.*

⁵⁷ Одним из горячих сторонников данной концепции в США был Э.Теллер, в СССР – А.Д.Сахаров (*Наука и общество: история советского атомного проекта. Т.1. С.381*).

⁵⁸ См.: Печатнов В.О. *Как Сциллард писал Сталину // Россия XXI. 2006. №1. С.168–185.*

стороной, и потому в нем, по определению, не могло быть сторонников раскрытия своих атомных секретов, самым большим из которых была неподготовленность ресурсной и производственной базы. Обо всем этом можно судить из исчерпывающей и правдивой записки И.В.Курчатова В.М.Молотову о работе Лаборатории №2 от 30 июля 1943 г.⁵⁹

Принято считать, что Тегеранская конференция глав союзных держав в ноябре 1943 г. окончилась полным успехом. И в самом деле, в ходе ее была достигнута договоренность по ряду важных вопросов ведения коалиционной войны, согласованы принципиальные подходы к послевоенному мирному урегулированию. Но фактом является и то, что члены «Большой тройки» не были, мягко говоря, вполне откровенны друг с другом. Самой Тегеранской конференции предшествовала встреча Рузвельта и Черчилля в Квебеке (конференция «Секстант») 19 августа 1943 г. На ней было принято секретное соглашение, касающееся всего комплекса вопросов в связи с подготовкой к производству атомного оружия. Обе стороны фактически декларировали свое исключительное право на использование атомной бомбы против любой из «третьих стран» и одновременно отказ от предоставления информации о бомбе тем же самым «третьим странам», причем подразумевался, прежде всего, Советский Союз. В ходе совещаний в Лондоне и Вашингтоне, предшествовавших Квебекской встрече, Черчилль откровенно и не считаясь с моральными соображениями, заявил следующее. Основа действия (*ratio agenda*) США и Англии в условиях войны и грядущего мира – достижение решающего военного превосходства над Советским Союзом посредством монопольного владения атомным оружием и безусловного права на распоряжение им⁶⁰. Уместно заметить еще раз, что в американо-английской мотивации значился преимущественно факт советского военного могущества и влияния. И ни слова о Германии.

В контекст качественно новой конфигурации сил на мировой арене включенными оказались расчеты на обретение сверхмощного оружия устрашения, нападения и... обороны. Но тем самым фактически перечеркивалась идея сотрудничества трех держав (в случае сохранения примерного равенства их вооружений) в «переходный период» к миру⁶¹.

⁵⁹ *Атомный проект СССР. Т.1. Ч.1. С.368–373.*

⁶⁰ *National Archives, Washington, DC. RG 77. Roll 9, Target 8, File 109 – Annexes. Diplomatic History of the Manhattan Project. «Memorandum of Meeting at 10 Dawning Street on July 22, 1943»; Cold War Statesmen Confront the Bomb. P.177, 261.*

⁶¹ *Та самая идея, которую С.Уэллес в общих чертах развивал в беседе с М.М.Литвиновым*

Превращаясь в важнейший фактор дипломатии, атомная бомба и на лабораторной стадии, пишет известный американский историк М.Шервин, «создавала предпосылки для начала гонки атомных вооружений, ибо советское правительство, оставаясь официально не проинформированным о "Манхэттенском проекте", знало о его существовании благодаря шпионажу»⁶².

Чем дальше, тем больше вырисовывался трагический аспект проблемы, поскольку атомная бомба представляла собой лишь первый шаг в новом способе взаимодействия человека и природы. Этот способ, как признавал военный министр США Стимсон, слишком революционен и опасен, чтобы мерить его старыми мерками и пускать на самотек. Но сам президент не пожелал взять на себя борьбу за пересмотр принятых решений. Еще ранней весной 1944 г. Рузвельт явно придерживался того подхода, который был сформулирован Черчиллем: монополия на атомную бомбу – главный козырь в руках США и Англии в поддержании мирового равновесия в условиях неизбежного поражения Германии и такого же неизбежного распространения советского влияния в мире. Летом 1944 г. беседы с Н.Бором поколебали эту уверенность президента. Доводы великого физика против превращения атомной бомбы в оружие военного шантажа и в пользу учреждения международного контроля на какое-то мгновение показались Рузвельту убедительными. Но риск утраты военного баланса и геостратегического преимущества перед лицом непредсказуемого развития событий с выходом Красной Армии в страны Восточной Европы казался слишком большим. Могли показаться актуальными и оправданными некоторые пункты «плана» Буллита. Скорее всего, так оно и было. Памятная записка из Гайд Парка от 19 сентября 1944 г. и загадочная история с ее «исчезновением» отражали весь спектр этих опасений. Кризис доверия в межсоюзнических отношениях из-за неразвитости моральной ответственности человека по сравнению с его техническими способностями к разрушению стал фактом, окончательное понимание которого пришло только после Хиросимы.

еще в начале мая 1943 г. (Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. Т.1. 1941–1943. М., 1984. С.318, 319).

⁶² *Sherwin M.J. A World Destroyed. Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y., 1987. P.90.*

Что должны были бомбить экипажи американских атомных бомбардировщиков? Можно поставить вопрос иначе. Как выглядит сложная взаимосвязь между нарушением Сталиным (скорее духа, чем буквы) Ялтинских соглашений, касающихся политического устройства таких восточноевропейских стран, как Польша, Румыния и Болгария⁶³, и опасным накоплением скрытого напряжения в межсоюзнических отношениях вокруг атомной проблемы? Вот вопросы, которые следует поставить в преддверии тщательного анализа еще недостаточно изученных исследователями и частично пока еще недоступных документальных источников, как американских, так и советских. Многие еще впереди, но уже сейчас очевидно, что знаменитую формулу «четырёх полицейских» президента Рузвельта (речь шла о безопасности в послевоенном мире под эгидой четырех держав – США, СССР, Англии и Китая) следовало бы рассматривать как формулу «2+2». Две атомные державы располагали абсолютным превосходством в новейших вооружениях и две (СССР и Китай), отставшие технологически, играли подчиненную в этом квартете роль. Многие исследователи, настаивающие на тезисе о политике «умиротворения» Советского Союза, якобы проводимой Рузвельтом, по странной забывчивости проходят мимо этой особенности сложившейся в 1945 году обстановки⁶⁴. Черчилль в аналогичной, в принципе, ситуации, отвечая на обвинения американцев по поводу применения Англией политики с опорой на военную мощь (*power politics*) на Балканах, заявлял в порыве откровения, что США сами располагают двойным превосходством всех видов вооружений, дающим им возможность диктовать свою волю более слабым партнерам⁶⁵.

Дьявольская интуиция Сталина подсказывала ему подобный же довод в ходе острой полемики с американцами и англичанами по поводу советского влияния в Восточной Европе. Вековое чувство уязвимости,

⁶³ Черчилль в своих знаменитых мемуарах писал именно об отходе от «духа Ялты» (Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.3. Т.5–6. М., 1991. С.564).

⁶⁴ См.: Davis L.E. *The Cold War Begins. Soviet-American Conflict Over Eastern Europe*. Princeton, 1974. P.37, 140–143; Spanier J. *American Foreign Policy since World War II*. N.Y., 1983. P.15–18.

⁶⁵ Черчилль даже считал нужным съязвить: «Мы следуем примеру Соединенных Штатов в Южной Америке» (См.: Черчилль У. Вторая мировая война. С.448, 449; Resis A. *The Churchill–Stalin Secret «Percentage» Agreement on the Balkans*. Moscow, October 1944 // *American Historical Review*, LXXXIII (April 1978). P.368–387).

обостренное дошедшими сведениями об атомной бомбе задолго до известной беседы с Трумэнном в Потсдаме, служило для советского руководства внутренним оправданием выхода за рамки Ялтинских договоренностей. В представлении Кремля уравнивание сил обеими сторонами достигалось именно через дополнительное закрепление буферной зоны безопасности. Не потому ли самым большим сторонником невмешательства в дела Центральной Европы и урегулирования «всех неприятностей с Россией» по формуле *quid pro quo* (уступка за уступку) в американской администрации был Генри Стимсон, доложивший Рузвельту 31 декабря 1944 г. о раскрытых контрразведкой советских усилиях проникнуть в тайны «Манхэттенского проекта»⁶⁶. Но нельзя не признать, что и этот путь, ослабляя трения на какой-то период времени, вел в конечном счете в тупик и к новым осложнениям.

Можно согласиться с американским историком Т.Патерсоном, утверждавшим, что нельзя говорить с уверенностью о наличии ранней версии «атомной дипломатии» во внешней политике Рузвельта⁶⁷. Но вот американские архивные источники неопровержимо свидетельствуют, что оперативные, чисто военно-стратегические результаты бомбардировок Хиросимы и Нагасаки были куда менее важны в понимании американских политиков, чем ожидаемый политический эффект от демонстрации устрашающей силы атомных взрывов. Советский Союз в этом смысле был главным объектом поставленного эксперимента. Конечно, это была часть формировавшегося национального консенсуса по поводу морального права Америки заставить при помощи «победоносного оружия» (*winning weapon*) играть Советский Союз «по нашим правилам»⁶⁸. Знаменитая формула Рузвельта о «четырех полицейских» ужималась до предела. Но консенсус в отношении того, что произошло 6 и 9 августа 1945 г., возник и в Советском Союзе, как только ликование по случаю добытой дорогой ценой победы сменилось чувством новой грозной опасности. Самонастроенное на высокую патриотическую волну общественное сознание легко переналадилось на восприятие нового «образа врага» – вооруженных всеразрушительным секретным и наступательным оружием Соединенных Штатов.

⁶⁶ Yale University. Sterling Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. December 31, 1944. P.5.

⁶⁷ См.: *The Cold War Critics / Ed. by T.G.Paterson. Chicago, 1971.*

⁶⁸ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С.255; Boyer P. *By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. N.Y., 1985.*

Одной из самых трудно объяснимых «загадок» холодной войны всегда было и остается ее внезапное начало⁶⁹. Джон Гэддис в своей последней и во многом итоговой книге о холодной войне предложил свое собственное и, на наш взгляд, обоснованное суждение в отношении ее неожиданного (как снег на голову) возникновения. Он полагает, что первопричину такого скачкообразного развития событий 1945 года, перехода от войны к миру и вновь к войне (холодной) следует искать в «дилемме безопасности» и порожденном ею вирусе подозрительности. «Интересный вопрос, – пишет он, – состоит в том, почему лидеры союзных стран были удивлены, даже напуганы крахом Великого Альянса. Их надежды, что этого не случится, были вполне реальны. Ведь если бы все обстояло иначе, они едва ли сделали то, что они сделали, когда еще шла война. Речь идет о согласовании позиций в отношении послевоенного мира»⁷⁰.

Гэддис понимает: ответ на «интересный вопрос» не лежит на поверхности. Дилемма безопасности тоже может трактоваться по-разному. Ну, скажем, как конфликт «руководящих» национальных идей, духовных ценностей, форм экономической жизни и культурных архетипов. Однако реалии подсказывают, что послевоенный «медовый» месяц между западными союзниками и Советским Союзом оборвался не по причине внезапно (!?) вспыхнувших разногласий на идеологической, доктринерской почве или на почве несогласованности (несогласуемости) подходов к мирохозяйственным связям или функционированию международных институтов после войны. Пример коммунистического восстания в Греции и признание Кремлем господства Запада в Италии после ее освобождения в июле 1943 г. лучше всего демонстрировали оппортунизм Сталина во внешней политике на заключительном этапе Второй мировой войны⁷¹. Есть и другие примеры. О желании Сталина

⁶⁹ См. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С.237–310; Offner A.A. *Another Such Victory. President Truman and the Cold War, 1945–1953.* Stanford, Cal., 2002. P.102–105.

⁷⁰ Gaddis J.L. *The Cold War. A New History.* N.Y., 2005. P.27.

⁷¹ Об этом убедительно сказано в книге воспоминаний Милована Джиласа «Беседы со Сталиным» (Джилас М. *Беседы со Сталиным.* М., 2002. С.150, 207–209). Того же мнения придерживался и историк А.М.Шлезингер-мл., чьи исследования по теме происхождения холодной войны не утратили и сегодня своего значения (см. Шлезингер А.М. *Указ. соч.*

придерживаться достигнутых договоренностей (как оказалось мнимых) о сферах влияния в Европе говорит и его «процентное» соглашение с Черчиллем об их разграничении в Юго-Восточной Европе в октябре 1944 г. Сталин был воодушевлен этой договоренностью. В свою очередь, западные союзники склонялись также к компромиссам, рассчитывая на первых порах «приручить» Советский Союз экономической помощью и согласием признать новые границы Советского Союза как на западе, так и на востоке в обмен на присоединение к клубу держав с «надзорными функциями». А.М.Шлезингер называл такую форму взаимодействия молчаливо согласованным следованием «правилам игры»⁷². Другое дело, что толкование этих правил из-за прихода новых игроков к управлению государствами и наступления новой эры – эры оружия массового уничтожения – радикально отклонилось от первоначального значения. 6 августа 1945 г. стало точкой невозврата, после которой наступил период «войны идеологий», пропагандистских дуэлей и шпиономании. Все это походило бы на преднамеренное насаждение «сверху» новой конфронтационной мифологии, если бы в СССР не возник жесточайший синдром реальной близости утраты исторической идентичности в результате глобального вызова новой суперсилы с последующим *поглощением* страны «победившего социализма» или ее развала.

Важно понять, что порой за идеологической риторикой («всеобъясняющей и всепоглощающей», как называл ее А.М.Шлезингер) скрывалось непритворное чувство опасности, воплотившееся в осознании непредсказуемого будущего перед лицом тотальной угрозы, которое сопровождалось (буквально «на разрыв аорты») созданием контрсилы. Озвучивание в США после мая 1945 г. планов «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма ни для кого в Кремле не стало большим сюрпризом. Историческая память добавила накала в копилку антизападничества. Народ, столетиями испытывавший к себе враждебность Запада, всегда отвечал ему недоверием и подозрительностью. Н.Я.Данилевский в своей классической работе «Россия и Европа» (1871 г.) писал о склонности русских людей объяснять «всякое из ряда обыкновенного выходящее бедствие», постигшее их, этой самой враждебностью. И здесь же замечал, что ее проявление преувеличивалось⁷³. Преувеличивалось, но не было придумано из ничего, как это подтвердил «западник» А.И.Герцен⁷⁴.

С.252, 255–257, 263, 265).

⁷² Шлезингер А.М. Указ. соч. С.263.

⁷³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения

И в самом деле, хотя нет оснований и нужды идеализировать внешнюю политику дооктябрьской России, необходимо понимать глубинную мотивированность ее «закомплексованности» (с точки зрения геоцентричности Запада) на стратегии подчинения приграничных России государств. Этим же было вызвано ревностное стремление России к созданию альтернативного военно-политического блока под своей эгидой в противовес любым комбинациям потенциальных соперников. В этом смысле и восстановление при активном участии Николая I Священного союза в 1833 г., и программа «сдерживания» лорда Пальмерстона и его последователя Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсфильда, помышлявших о возвращении России к допетровским границам⁷⁵, взаимодополняли друг друга.

Книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», вышедшая в Париже в 1843 г., синтезировала все европейские страхи перед «экспансионистским абсолютизмом» в его русской форме. Тема русской угрозы подхвачена была целым хором выдающихся имен, таких как Гюго, Мицкевич и Мишле. Однако Крымская война 1853–1856 гг. развеяла большую часть страхов. Более того, она обнажила (и подтвердила предвидение многих недоброжелателей России) наряду с прочими главную причину ее поражения – экономическую отсталость и внутреннюю нестабильность страны⁷⁶, превратившихся в некое перманентное состояние на длительный срок.

Хроническая отсталость России, проявившаяся, по горькому признанию С.Ю.Витте, прежде всего в почти сплошной безграмотности народа и неразвитости промышленности⁷⁷, в условиях бурно развивающейся мировой индустриальной революции и начала нового передела мира поставила страну в стратегически безнадежное положение, когда любое перенапряжение сил грозило ей крахом. Преодолеть его верхи пытались за счет победоносных «маленьких» и больших внешнеполитических успехов, войн и территориальных приобретений. Между тем с конца

славянского мира к германо-романскому. М., 2003. С.306.

⁷⁴ См. Герцен А.И. *Кто виноват? Повести. М., 1985. С.349.*

⁷⁵ См. Дегоев В. «Долгий мир» в Европе: союз монархов против революций (1815–1853 гг.) // *Россия XXI. 2003. №2. С.30–79; Виноградов В.Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004. С.67–70, 98–100, 167.*

⁷⁶ См. *Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В.Игнатъева, И.С.Рыбаченок, Г.А.Санина. М., 1992. С.197, 198, 206, 207.*

⁷⁷ *Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С.260, 268.*

XIX в. самые светлые головы среди государственных мужей России (и среди них С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, П.Н. Дурново) предупреждали от такой переоценки собственных сил, грозящей фатальным исходом⁷⁸. Не менее важным в контексте многовековой «дилеммы безопасности» был трезвый учет тех фундаментальных изменений в соотношении сил, которые произошли на мировой арене с момента кончины Венской системы. Появились новые конкуренты, готовые ради получения различных выгод и преференций воспользоваться уже очевидными для всех внутренними слабостями России, потеснить ее, а потом и заставить уступить на всех стратегически важных направлениях. Проблема сырьевых ресурсов среди них оказалась ключевой.

Среди этих новых сильных соперников выделялись Соединенные Штаты Америки, реально помышлявшие о мировом лидерстве уже с конца XIX в. США сделали ставку на вытеснение России из всех зон и регионов, в геостратегическом отношении имеющих либо непосредственное, либо долгосрочное в перспективе значение для страны. Речь не шла ни о какой борьбе двух систем, ни о каком столкновении мессианских идей или миросистемных проектов. На протяжении полутора столетий ни Россия, ни Америка особо не задумывались над внутренними порядками, существовавшими в той или другой стране, их различии и по форме и по существу, совместимости или несовместимости. Н.Я. Данилевский писал даже о возможном (и желательном) соединении усилий двух стран в установлении «всемирного равновесия»⁷⁹, а первый американский посол США в России (1809–1814 гг.), будущий четвертый президент Джон К.Адамс прорицал вечную дружбу двух стран⁸⁰. Но с начала XX века как по команде средства медийной информации США начинают преувеличивать ужасы царизма, противопоставляя ему цивилизованность Японии и указывая на недопустимость российского присутствия в Азии, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке. И какой бы буколической ни выглядела сегодня во многих современных исторических сочинениях эпоха Николая II, нельзя не признать, что критика авантюристичности и некомпетентности тех или иных его шагов на

⁷⁸ См. Столыпин П.А. *Личность, деяния, речи // Россия и современный мир. 2002. №3. С.152–177.*

⁷⁹ Данилевский Н.Я. *Указ. соч. С.456.*

⁸⁰ Сучугова Н. *Дипломатическая миссия Джона Куинси Адамса в 1809–1814 годах. М., 2007.*

международной арене как со стороны внутренней оппозиции, так и извне была обоснованной.

Новоявленный морской демиург – Соединенные Штаты – ревниво следил за планами России выйти в Средиземноморье, обозначить свое присутствие в Тихоокеанском регионе, в Арктике и Атлантике. В Америке с некоторых пор уже не различали, где Россия вела оборонительную политику, испытывая избыточное давление извне и внутреннюю незащищенность, и где наступательную, впадая в несоразмерный возможностям экстаз и претендуя на какую-то особость и космизм. Восприимчивость американцев к антирусской агитации возрастала по мере усваивания ими идеи России как «темного двойника» Америки⁸¹, преграждающего путь к ресурсам, рынкам и к стратегически важным пространственным зонам освоения. Причем процесс демонизации России проходил с одинаковой интенсивностью и в период «непреклонной воли» монарха, и после Манифеста 17 октября 1905 г., и в эпоху третьиюньской монархии, и после Февральской революции (хотя для этого периода в большей мере характерна была неразбериха в оценках положения в России). Октябрь 1917 г. не стал, таким образом, какой-то из ряда вон выходящей вехой в восприятии Америкой «русского вопроса». Но национализация естественных ресурсов России большевиками, установление ими государственной монополии внешней торговли в условиях нового раунда в схватке мировых держав за «место под солнцем», за ресурсы наделили отношения между двумя странами отличительными чертами. Идеология в форме конфликта двух мессианских моделей («американская мечта» vs. «мировая революция»), двух мировых планов оказалась востребованной с обеих сторон, но ровно в такой мере, в какой она диктовалась политической конъюнктурой – внутренней и внешней. И не более того. Будущее с закономерной определенностью возникало как проекция циклически повторяющихся друг друга наплывов и откатов, сближений и расхождений, во все времена передающих *главный* (недекларативный) смысл функционирования новой мировой системы – обеспечение национальной безопасности в «предлагаемых» историей и географией обстоятельствах.

⁸¹ Фоглсонг Д.С. *Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию». Торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5. С.100–133.*

Олег Гриневский

КАК НАЧИНАЛОСЬ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

How Germany unification had started and what was the policy of the Soviet Union? These questions are being raised again and again by historians, journalists and common people. The author, who was at that time the Soviet ambassador and the USSR representative at the Vienna negotiations on European security and reduction of the conventional armed forces in Europe, gives the answers on these questions based on his diaries of that time and new Soviet and Western declassified documents. The essay, based on facts, discovers illusions, which existed in this autumn of 1989 both in Soviet and Western leadership, that the German unification was not the reality in the near future. And only after the fall of the Berlin Wall both Moscow and Western capitals began to understand that Germany unification had bursted (rushed?) literally into the agenda of World politics. The author describes in details how these approaching problems of Germany unification were discussed in the Kremlin. This late recovery of sight, duality of Gorbachev politics, the absence of the strategic line, and the set that the history will decide all these problems in 50-100 years has become the tragedy of the Soviet foreign policy.

Иллюзии в Кремле

Осенью 1989-го брожение, бурлившее в Польше и Венгрии, перекинулось на ГДР. Обстановка там накалялась с каждым днем и грозила уже тектоническими сдвигами. Замечали ли это высокие политики и понимали ли они, к чему это приведет?

На первую часть вопроса можно с уверенностью ответить положительно – да, знали. В ЦК КПСС и МИД по разным каналам поступала одна и та же информация: в ГДР нарастает недовольство существующими порядками и растет неприязнь к партийному и государственному руководству во главе с Э.Хонеккером. Уже в 1986 году член Политбюро и первый заместитель Председателя Совета министров ГДР В.Кроликовский от имени ряда членов Политбюро обратился к нашему послу В.Кочемасову с конфиденциальной просьбой оказать поддержку в замене Хонеккера и просил довести это до сведения Горбачева¹. Что, разумеется, и было сделано. С аналогичными просьбами обращались затем и некоторые другие члены гдээрзовского руководства – Гюнтер Зиберт и Ханс Модров, – которые сигнализировали о нарастании глубокого кризиса в стране. Впрочем, чтоб понять это, вовсе не нужно было разговаривать с ними. Достаточно было посидеть в пивной за кружкой пива или просто выйти на улицу.

А вот на вторую часть вопроса подавляющее большинство исследователей объединения Германии отвечают отрицательно. Как справедливо пишет российский специалист М.М.Наринский, «проблема заключалась не в отсутствии необходимой информации, а в нежелании и неспособности осмыслить ее, выработать соответствующую политическую линию по германской проблеме»².

Короче говоря, о кризисных явлениях в Москве знали. Но связывали их с личностью Хонеккера. Отсюда иллюзия – как уйдет он с поста руководителя ГДР, так все трудности решатся сами собой.

И другая иллюзия. Той осенью среди руководства ни на Западе, ни в Советском Союзе практически никто не считал реальным воссоединение Германии в обозримом будущем. Даже в ФРГ. Там полагали, что нужно, конечно, вести дело к этому, но в далекой исторической перспективе. Еще в конце 1988 г. канцлер Коль говорил, что не ожидает объединения Германии при его жизни³. Ему вторил Горбачев. В сентяб-

¹ [Интервью В.Кочемасова] // *Der Spiegel*. 1992. № 47. S.148.

² Наринский М.М. *М.С.Горбачев и объединение Германии. По новым материалам // Новая и новейшая история*. 2004. №1. С.15.

³ *Stent A. The One Germany // Foreign Policy*. №81. Winter 1990 / 1991. P.60.

ре 1988 года он говорил: «Социализм укоренился на немецкой земле прочно и необратимо»⁴.

Так какой же могла быть политика в этих условиях? Исследователи и мемуаристы пишут, что у Горбачева вообще не было политики в отношении объединения Германии. Это не так – она была. Только вот какая?

Он громогласно выступал за создание общеевропейского дома и вписывал в него объединение двух германских государств. Однако тут-то и крылась некая политическая хитрость. Ведь что такое общеевропейский дом? На эту тему Генсек никогда не распространялся, кроме, разве что, самых общих фраз. И ни в ЦК, ни в МИДе, ни в научных институтах архитектура этого дома и план его строительства не разрабатывались. В МИДе, правда, была попытка. Еще перед началом переговоров в Вене мы предложили начать такую проработку, с тем, чтобы сконцентрировать на его создании всю работу СБСЕ. Но Шеварднадзе только улыбнулся и загадочно произнес:

– Не трогайте этот вопрос – будет плохо пахнуть.

Сначала мы не поняли, а когда разобрались, то пришли к выводу: он прав. Провозглашаемая Горбачевым идея выглядела красиво и привлекательно. Но ни один специалист, будь-то на Западе или на Востоке, не мог поверить в ее реальность и осуществимость. Поэтому сюда очень хорошо вписывалось объединение Германии – мы вроде бы за, но... давайте сначала строить общеевропейский дом. А лезть в конкретику не надо – тайное сразу же станет явным. Причем сразу возникнет вопрос и для нас, и для наших друзей: можно ли строить общий дом за счет ликвидации одной европейской семьи?

Все это напоминало уроки, которые преподавал нам, начинающим дипломатам, выдающийся советский дипломат В.С.Семенов. Когда надо было писать речь Генсеку Брежневу, изображая нечто грандиозное и захватывающее в качестве цели советской политики, но без каких-либо конкретных и реальных мер к ее достижению, он говорил:

– Это должно быть как кастрюля с киселем. Вроде бы полная, а сунешь руку – и ухватить нечего.

И в такую кастрюлю очень хорошо попадало объединение Германии, придавая этому киселю дополнительный аромат. Горбачев мог спокойно говорить: «Да, мы за объединение. Но, во всяком случае, не при моей жизни. Что с нами будет через 100 лет, решит история»⁵.

⁴ Вестник МИД СССР. 1988. №20. С.3.

⁵ Горбачев М.С. Как это было. Объединение Германии. М.: ВАГРИНС, 1999. С.60.

В октябре 1988 г. Горбачев давал интервью журналу «Шпигель». На вопрос, что будет через 5–10 лет с Германией, он ответил:

«Давайте двигать вперед процесс нормализации, улучшения международных отношений. И особенно займемся строительством общеевропейского дома, проживем в этом доме и посмотрим, что произойдет. Сейчас я бы именно этому больше уделял внимания, а не мечтал бы о том, о чем везде пока рано говорить»⁶.

Не изменилась эта его линия и год спустя. В своих воспоминаниях Коль так описывает их разговор во время визита советского лидера в Бонн 12 июня 1989 г.:

«Был поздний вечер, мы были вдвоем, сопровождаемые только переводчиками. Мы сели на стену у Рейна, откуда открывался вид на протекающую реку и противоположный берег... Я заявил, что разделение Германии – самое тяжелое бремя в отношениях между нашими народами. Возражая мне, Михаил Горбачев повторил известный аргумент, что разделение – это логическое следствие исторического развития. На это я ответил ему: "Посмотрите на Рейн, протекающий мимо нас. Он символизирует историю, а в ней нет никакой статистики. Вы можете запрудить эту реку, технически это возможно. Но тогда она выйдет из берегов и другим способом проложит себе путь к морю. Так же и с германским единством. Вы можете попытаться предотвратить его осуществление, и тогда, возможно, мы оба не доживем до него. Но так же наверняка, как Рейн донесет свои воды до моря, настанет и германское единство, а также европейское единство"»⁷.

Судя по всему, Горбачев тогда промолчал. Однако на следующий день журналисты все же «достали» его прямым вопросом: что он думает об объединении Германии и ликвидации берлинской стены. Но и тут он ушел от прямого ответа и, ссылаясь на общеевропейский дом, ограничился намеками, что «нет ничего вечного под луной», что «время само решит, само распорядится», что «стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили»⁸.

До поры до времени такую линию поведения (политикой ее назвать трудно) можно было считать правильной: перемены не светят, воссо-

⁶ Вестник МИД СССР. 1988. №21. С.1.

⁷ Коль Г. Перестройка и мир // Свободная мысль. 1996. №11. С.39. Аналогичные разделы из мемуаров Коля «Я желал единства Германии» опубликованы в издании: Общая газета. 1997. 9–15 января.

⁸ Вестник МИД СССР. 1989. №12. С.26; Горбачев М. Как это было. Объединение Германии. С.79.

единение в обозримой перспективе ожидать не приходится. Поэтому и политику в отношении него строить нечего. Можно просто ничего не делать. С одним только «но» – сама политика распространения перестройки на ГДР, или, иными словами, поощрения там либеральных реформ, неминуемо поставит в повестку дня вопрос объединения. Немцы в ГДР не просто захотят жить так же хорошо, как живут немцы в ФРГ, они захотят воссоединиться с ними.

Так оно и случилось той осенью.

Брожение и перестроечная волна уже валом надвигающейся бури перекинулись на ГДР, приобретая особую общегерманскую направленность. Движение, начавшееся под лозунгом «народ – это мы», очень скоро превратилось в движение «мы – единый народ». Требования свободы выезда из страны переросли в бегство. Сотни граждан ГДР, пользуясь возможностью безвизовых поездок в ЧССР, Венгрию и другие государства, стали осаждать посольства ФРГ, требуя выезда на Запад. Обстановка накалялась.

Воссоединение Германии теперь явно проступало на горизонте. Но Горбачев и советское руководство не хотели думать об этом и продолжали уповать на то, что вопрос этот решит история в далеком будущем, а нам нужно просто реагировать на события так, как это нам сейчас выгодно и удобно.

А тем временем правительство ФРГ жестко нажимало на Будапешт, Прагу и Берлин, требуя разрешить выезд восточногерманских туристов на Запад. Но Шеварднадзе дал указание «дистанцироваться» от всего этого. Пусть, мол, чехи, венгры и немцы сами решают свои проблемы. Правда, сам Шеварднадзе в беседах с министрами иностранных дел ФРГ и ГДР явно симпатизировал такому открытию границ.

В августе 1989 года в замке Гимних под Бонном состоялась секретная встреча канцлера Коля с главой венгерского правительства Неметом. В результате Венгрия дала согласие на выезд туристов ГДР в ФРГ и 11 сентября открыла границу с Австрией, получив сигнал из Москвы, что советское руководство не будет возражать. Впоследствии Коль расскажет, что имел на эту тему телефонный разговор с Горбачевым, из слов которого он и заключил, что венгры действовали с согласия Москвы⁹. В результате уже к 25 сентября число беженцев из ГДР после открытия венгеро-австрийской границы перевалило за 20 тысяч.

⁹ Терехов В.П. Как закрывался германский вопрос // *Международная жизнь*. 1998. №8. С.66.

Вашингтон и западные столицы внимательно наблюдали за такой политикой Москвы, анализировали ее и делали вывод, что такое же «невмешательство» может стать политикой Советского Союза и в отношении воссоединения Германии.

Горбачев на пиру во время чумы

Вот в такой обстановке 6 октября 1989 г. Горбачев приехал в Берлин справлять 40-летие ГДР. А она становилась все более непредсказуемой. Хотя внешне все выглядело чинно и благородно: встречи, возложение венков к мемориалу на Унтер-ден-Линден, беседа с молодежью в Трептов-парке и т.д. В тот же день во Дворце Республики состоялось торжественное заседание, на котором присутствовали высокопоставленные делегации из 72-х стран. Открывая его, Хонеккер уверенно заявил: «ГДР перешагнет порог 2000 года с убеждением в том, что социализму принадлежит будущее»¹⁰. А вечером в центре столицы прошло хорошо организованное факельное шествие молодежи, в котором приняло участие 100 тысяч человек.

В общем, все, как положено, и никаких проблем. Когда на следующий день при встрече с членами руководства ГДР Горбачев стал говорить, что им надо всесторонне оценить обстановку в стране и наметить новый курс, так как в противном случае могут возникнуть серьезные осложнения, наступила глубокая тишина. Ее прервал Хонеккер, который поблагодарил высокого гостя из Москвы за «информацию о своем опыте». А потом поделился своим опытом:

– Недавно я был в Магнитогорске. Городские власти пригласили меня на небольшую экскурсию, чтобы показать, как живут люди. Я не принял приглашение, но сопровождавшие меня товарищи участвовали в экскурсии. Вернувшись, они рассказали, что в магазинах нет даже соли и спичек.

Вывод напрашивался сам собой: люди, ввергшие свою страну в такую беспросветную нищету, не имеют права поучать других, как жить. Выходя из зала заседаний, Горбачев раздраженно бросил послу Кочемазову:

– Что здесь можно еще сделать? Как об стену горох. Они ничего не хотят понимать¹¹.

¹⁰ Правда. 1989. 7 октября.

¹¹ Kotschemassow W. Meine Letzte Mission. Berlin, 1994. S.110 – 111.

Что ж, он был прав. В стране в эти дни проходили не только официальные торжества, но и несанкционированные демонстрации, носившие открытую антиправительственную направленность.

Начались они в Лейпциге еще 2 октября, когда на улицы вышло около 20 тысяч человек под лозунгом: «Мы хотим прочь отсюда!» Потом беспорядки перекинулись в Дрезден. Там в ночь с 4 на 5 октября десятки тысяч людей потянулись к вокзалу встречать эшелоны из Праги, которые везли беженцев из ГДР в ФРГ. Начались беспорядки. Толпы людей пытались проникнуть в вагоны и блокировали железнодорожные пути. 5, 6 и 7 октября массовые волнения в Дрездене продолжались. Произошли серьезные столкновения с полицией, которая применила водометы и дубинки. А теперь демонстранты шли по улицам Восточного Берлина, демонстративно скандируя «Горби! Горби!»

Неудивительно, что прощание двух лидеров было подчеркнуто холодным. И Хонеккер с явным облегчением воспринял слова Горбачева, что ему лучше не провожать его в аэропорт, а остаться с гостями. Но и отъезд высокого гостя прошел не без проблем. Маршрут следования в аэропорт в последний момент пришлось менять, так как группы демонстрантов прорвали оцепления полиции и прорвались к Дворцу Республики, где шел прием, с криками «Горби, помоги нам!» Полиция применила силу, было много раненых, сотни людей были арестованы.

Так завершился визит Горбачева в Берлин на празднование 40-летия ГДР, которое ироничные дипломаты окрестили пиром во время чумы.

Вперед! – Стой на месте!

Теперь уже всем стало ясно: напряжение в стране достигло критической отметки. Уже 9 октября Центральная группа анализа и информации МГБ ГДР докладывала руководству буквально следующее:

«Социалистический общественный и государственный строй в республике находится в опасности... Настроения населения ГДР резко ухудшились. В многочисленных высказываниях трудящихся, их письменных заявлениях и резолюциях выражается мнение, что в ГДР закостенела система руководства и управления политическими, идеологическими и народнохозяйственными процессами.

Ощутимое обострение внутривнутриполитических проблем и трудностей, а также массовое бегство свидетельствуют о всеобъемлющем общественном кризисе в стране. Следствием этого являются резко возросшие проявления неуверенности, растерянности и разочарования среди

членов партии, сотрудников государственного аппарата и других лиц, занимающих активную позицию в обществе»¹².

Хуже того, волнения охватили страну, где размещена крупнейшая группировка советских войск. Плюс к ней – войска ГДР и мощные силы внутренней безопасности. Поэтому любая, даже незначительная провокация может привести к кровопролитию и неконтролируемым последствиям. А провокации, как пишет Горбачев в своих воспоминаниях, «были возможны: некоторые влиятельные силы в СССР и в ГДР выступали за решительное "наведение порядка"»¹³.

Как же реагировало на это советское руководство и лично Горбачев?

В своих мемуарах, посвященных объединению Германии и изданных 10 лет спустя, он пишет: «Осенью 1989 года обстановка в Восточной Германии стала, без преувеличений, взрывоопасной». Все верно – сегодня это ясно всем. Только почему тогда, 7 октября 1989 года, отвечая на вопрос журналиста «Не думаете ли вы, что в ГДР ситуация сейчас опасная?», он твердо заявил: «Нет, не думаю»¹⁴.

Это позднее прозрение, а главное – двойственность и стали трагедией советской внешней политики конца восьмидесятых. Прежде всего – в отношении ГДР и объединения Германии.

С одной стороны, Горбачев продвигал перестройку и предупреждал Хонеккера, что «тот, кто отстает в политике, проигрывает». При этом открыто выступал за «свободу выбора» каждой страной в самом широком смысле этого слова. Эта «свобода» простыми людьми воспринималась как то, что Советский Союз не станет применять силу, если они захотят поменять строй и откажутся от строительства этого опостылевшего им социализма. Тем более что советский лидер вещал и о неприменении силы, хотя и в не столь ясной и твердой форме.

Но все это говорилось на публике. А за кулисами, в советском посольстве в Берлине, Горбачев говорил совсем другое. Как свидетельствует советник-посланник этого посольства И.Ф.Максимычев, послу он заявил:

«Если СЕПГ не найдет выхода, положение выйдет из-под контроля. Инициативу в переменах возьмут другие. Запад особенно нацелился на ГДР, и его нажим будет, видимо, усиливаться... Никто ответственности с немецких товарищей не снимает – они лучше знают обстановку

¹² Mitter A., Wolle St. "Ich liebe euch doch alle!": Befehle und Lageberichte des MFS. Januar - November 1989". Berlin, BasisDruck, 1990. P.204.

¹³ Горбачев М. Как это было. Объединение Германии. С.82.

¹⁴ Правда. 1989. 7 октября.

и многого нам не говорят. Но есть совместная ответственность – мы не можем позволить дестабилизировать ГДР и демонтировать социализм в ней» (Здесь и далее подчеркнуто мною. – О.Г.)¹⁵.

И говорил он это не только в советском посольстве в Берлине. Поэтому оставалось только разводиться руками – вот тебе и «свобода выбора». И соображай после таких указаний, куда вести дело, особенно если ситуация в стране выходит из-под контроля.

Ну, ладно, дипломаты действуют словами. А как быть нашим военным? Ведь по всей Восточной Германии разбросаны гарнизоны советских войск – 400 тысяч человек, и эта коварная двойственность затрагивала их особенно остро. В критической ситуации к командованию всегда могло обратиться руководство ГДР с просьбой о срочной помощи. Хуже того, против них могли быть совершены вооруженные провокации с требованиями ухода, чего не исключал и сам Горбачев. И что тогда делать? Не позволять «дестабилизировать ГДР и демонтировать социализм»? Или ничего не делать, уповая на «свободу выбора»?

Ясности никакой. В Москве, не на самой Пятерке¹⁶, а в ее кулуарах, эта ситуация горько комментировалась военными:

– Тебя послали в бой, а командир командует: Вперед! Стой на месте! Вот и решай, что тебе делать. И командир этот, как всегда, во всем будет прав, а ты виноват – неправильно выполнил приказ.

И еще одна любопытная деталь того, как решался германский вопрос в Кремле. Помощник Генсека Анатолий Черняев в своей дневниковой записи, помеченной 11 октября, пишет, что, ознакомившись с записью бесед Хонеккера с Горбачевым, он пришел к нему переговорить. Горбачев назвал Хонеккера «мудаком» и добавил, что тому надо уходить в отставку. Возможный преемник Хонеккера Эгон Кренц обещал нашему послу поднять вопрос о смене руководства и просил передать это ему, Горбачеву¹⁷.

¹⁵ Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит...» Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. М.: Институт Европы РАН, 2002. С.65. Это редкая книга, так как в ней воспроизводится то, что было, а не то, как это видится десятилетия спустя. К сожалению, тираж ее – всего 300 экземпляров, так что достать ее не просто.

¹⁶ Пятеркой называлась специальная Комиссия Политбюро, в которую входили руководители МИД, МО, КГБ, Международного отдела ЦК и ВПК. По сути дела она являлась прообразом нынешнего Совета Безопасности.

¹⁷ Дневник А.Черняева // Архив фонда Горбачева. Ф.2. Оп.2. Цит. по публикации в издании: Cold War International History Project. (Далее – СВИНР) Bulletin. № 12/13. Fall / Winter

А накануне, 10 октября, в самый разгар событий, когда на улицы выходили уже десятки тысяч демонстрантов, советский посол в Берлине Кочемасов действительно позвонил Горбачеву по особой, закрытой от прослушивания телефонной связи, которая у нас называлась «ВЧ связь». Посол рассказал Генсеку о нарастающей волне демонстраций, и тот ему твердо заявил: *«Ни при каких обстоятельствах мы не должны терять ГДР. Надо всемерно помочь друзьям»*¹⁸.

Но как? История умалчивает. Единственное, что было сделано, так это введение дежурства по посольству до 12 часов ночи, а по субботам основной состав посольства стал выходить на работу. На этом «всемерная помощь» друзьям завершилась.

А неделю спустя, 18 октября, состоялся Пленум ЦК СЕПГ, на котором соратники Хонеккера отправили его в отставку «по состоянию здоровья» со всех постов в партии и государстве. Генсеком партии был избран умеренный реформатор Эгон Кренц.

Первым делом он попытался стать немецким Горбачевым – провести реформы по примеру перестройки, а компартии – СЕПГ – придать человеческое лицо. И уже на следующий день призвал гэдээровских беженцев возвращаться, обещая, что репрессий не будет. А в своей долгой речи на Пленуме заявил, что «ГДР есть и останется суверенной страной».

* * *

Первый свой зарубежный визит новый руководитель ГДР совершил, конечно же, в Москву. Там в Кремле 1 ноября состоялась его трехчасовая беседа с Горбачевым один на один. Говорили они по-русски в присутствии только двух помощников, которые и вели запись этой беседы. Горбачев начал с того, что «в Советском Союзе никогда не было и тени сомнения, что ГДР является нашим ближайшим другом и союзником»¹⁹.

А Кренц стал рассказывать о тяжелом экономическом положении, в котором оказалась страна. Долги ГДР Западу на конец 1989 года, говорил он, составляют 26,5 миллиардов долларов, а дефицит бюджета пре-

2001. P.161. – Мои попытки ознакомиться с этими и другими материалами фонда Горбачева, которые опубликованы в США, наткнулись на ответ: «Это секретные материалы и доступ к ним закрыт». Только вот для американцев почему-то открыт.

¹⁸ Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит...» С.68.

¹⁹ Перевод с англ. Memorandum of Conversation between Egon Krenz, Secretary General of the Socialist Unity Party (SED), and Mikhail Gorbachev, Secretary General of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU), 1 November, 1989 // CUIHP Bulletin. № 12 / 13. Fall / Winter 2001. P.140 – 151.

вышает 12 миллиардов долларов... Тут, как зафиксировано в немецкой версии записи этой беседы, «товарищ М.С.Горбачев удивился и спросил, точны ли эти цифры. Он не представлял, что ситуация такая опасная». Кренц подтвердил и сказал, что начиная с 70-х годов ГДР жила не по средствам. Если бы она строила жизненный уровень населения на основе собственных производственных возможностей, то он сразу бы упал на 30 %.

В общем, намек был ясен: нужна помощь. Ответ на этот раз тоже был ясным. Горбачев посоветовал рассказать населению ГДР, что за последние несколько лет они жили не по средствам. И тогда будет ясно, что он, Кренц, не несет за это ответственности. А что касается помощи, то Горбачев привел в качестве примера другие социалистические страны, в частности, Польшу и Венгрию. Польский лидер Эдвард Герек, например, набрал займов на 48 миллиардов долларов, и теперь поляки вынуждены расплачиваться за это. Но было бы абсурдом думать, что Советский Союз сможет содержать 40 миллионов поляков. Такая же проблема, заключил Горбачев, существует и в отношении ГДР. Он выразил «уверенность, что СЕПГ, эта крепкая марксистско-ленинская партия, обладающая богатыми традициями, сумеет преодолеть возникшие трудности и при поддержке народа смело возглавит процесс обновления».

Тут все стало ясно в отношении советской помощи. И Кренц попросил Горбачева разъяснить, какую роль Советский Союз отводит ГДР и ФРГ в общеевропейском доме. Это очень важно, говорил он, для развития отношений между этими странами. Существует большая разница между ГДР и другими соцстранами. Ведь ГДР в определенном смысле этого слова является дитем Советского Союза, и потому необходимо признавать отцовство в отношении этого ребенка.

Горбачев уклонился от «отцовской ответственности» и, как всегда, ударился в высокую политику:

– Советский Союз, ГДР и другие соцстраны всегда придерживались правильной политики в отношении существования двух германских государств и признания ГДР. В недавних переговорах с Тэтчер, Миттераном, Ярузельским и Андреотти стало ясно, что эти политики признают необходимость сохранения послевоенных реалистей, включая существование двух германских государств. В нынешней международной обстановке все они рассматривают вопрос германского объединения как чрезвычайно взрывоопасный. Они не хотят роспуска Варшавского договора и НАТО и потому выступают за то, чтобы Польша и Венгрия оставались в Варшавском договоре. Баланс

сил в Европе не должен быть нарушен, так как никто не знает, к каким последствиям это приведет. Даже США придерживаются аналогичного подхода...

Эту часть разговора Горбачев подытожил так:

– Нужно подчеркивать, что нынешняя ситуация является результатом истории. Нет оснований спекулировать на тему, как в конечном итоге может быть решен германский вопрос. Нынешние реалии должны быть приняты во внимание. Это самое главное.

Если тенденция сближения в Европе будет продолжаться в течение нескольких десятилетий, если процесс интеграции будет развиваться независимо от социальных систем, но признавая независимые достижения в политике, культуре, развитии и если обмен интеллектуальными и материальными ценностями будет развиваться дальше, то тогда этот вопрос может когда-нибудь предстать в ином свете. Но сегодня это не вопрос для реальной политики. Выработанная ранее линия поведения должна продолжаться и в нынешней политической ситуации.

И попросил Кренца передать товарищам в Политбюро, что в отношении этого существует понимание между Советским Союзом и странами-участниками антигитлеровской коалиции.

А Кренц стал говорить, что ситуация с демонстрациями, которые проходят в ГДР, очень не простая. Большинство их участников – недовольные граждане. Но с ними работают враги. Руководство ГДР намерено решать эту проблему политическими средствами и будет пытаться предотвращать применение оружия вдоль своих границ. Гэдээровские пограничники уже получили соответствующие указания. Они станут открывать огонь только в случае серьезной угрозы жизни и здоровью пограничников.

Горбачев ответил, что никто не может игнорировать множественные человеческие контакты, которые существуют между двумя германскими государствами. Этим контактам нельзя препятствовать, но надо держать их под контролем и направлять в нужное русло. И рекомендовал «больше социализма, обновления, демократизации».

В общем, сухой остаток этой беседы состоял в том, что объединение Германии не стоит в повестке дня реальной политики на протяжении нескольких следующих десятилетий. Против объединения выступают все европейские державы, и даже США. Тут с ними полное согласие. А что касается экономической и финансовой помощи, то на Советский Союз рассчитывать не следует. Вот и все. Как пишет в своих мемуарах Кренц, после беседы с Горбачевым он пришел к

выводу, что «от советских друзей не следует ожидать ни гарантий военной поддержки в случае всеобщего восстания, ни какой-либо экономической помощи...»²⁰.

Неудивительно, что после таких «отеческих» рекомендаций власти ГДР уже через несколько дней вступили в тайный контакт с руководством ФРГ и попросили срочную финансовую помощь в контексте широкого развития отношений между этими двумя странами. Ответ из Бонна не заставил себя ждать: правительство ФРГ готово оказать помощь, но ставит жесткие политические условия – создание независимых политических партий и гарантии свободных выборов в ГДР. В практическом плане это означало бы отмену 1-й статьи Конституции ГДР, где говорилось о руководящей роли марксистско-ленинской партии²¹.

И секретные переговоры на этой основе начались. Получалось, что новое правительство ГДР было готово идти дальше, чем того требовали демонстранты на улицах. Тем не менее остановить политический кризис это правительство уже не могло. Напряжение в стране нарастало. Вот секретные на то время данные МГБ – Штази: неделя 16–22 октября: 24 демонстрации – 140 тысяч участников; следующая неделя: 145 демонстраций – 540 тысяч участников; неделя 30 октября – 4 ноября: 210 демонстраций – 1,4 миллиона участников²². Только в Берлине в начале ноября на улицы вышли более миллиона граждан ГДР, требуя перемен. Теперь уже слепому стало видно: воссоединение Германии врывается в повестку дня большой политики. Нужно действовать!

Советский посол в Бонне, энергичный и думающий дипломат Юлий Квицинский, уже в начале ноября направил в Москву предложение: нужно выдвинуть идею создания конфедерации двух германских государств. Но выступить с ней не самим, а подбросить ее через соответствующие каналы гдээровской оппозиции, чтобы она выступила с такой инициативой. А уже потом образование конфедерации могли бы поддержать правительства ГДР и Советского Союза²³.

²⁰ Россия. 2004. № 47. 28 октября.

²¹ Hertle H.-H. *Der Fall der Mauer. Die unbeabsichtigte Selbstauflosung des SED-Staates. 2-te Ausgabe.* Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999. P.483 – 487.

²² *СВИНР Bulletin.* № 12 / 13. Fall / Winter 2001. P.135.

²³ Беседа автора с Ю.Квицинским 8 апреля 1997 года в Стокгольме. Он сетовал, что мы «проспали» германское объединение в октябре – ноябре 1989 года. У нас не было линии, и мы отдали инициативу Коло.

Это предложение позволяло направить события в нужное нам русло. То есть сохранить на обозримую перспективу ГДР и решить вопрос о пребывании советских войск в этой стране в увязке с пребыванием войск США и других западных держав в ФРГ. Аналогичным образом можно было бы решить и вопрос о принадлежности этих двух государств к НАТО и ОВД. Однако предложения Квицинского, как и другие подобные инициативы, были положены под сукно: не будем спешить – пусть это решает история.

Стоит или не стоит?

Как это ни странно звучит сегодня, но той осенью не только в Москве, но и на Западе полагали, что объединение Германии не стоит в повестке дня реальной политики. Точнее сказать, его не хотели. А желаемое выдавали за действительность.

Наиболее жесткую позицию занимала «железная леди» – премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Объединение Германии она рассматривала как некую неактуальную проблему, когда прежде всего «должны быть полностью учтены желания и интересы соседей Германии и других держав». В то время Тэтчер считала, что немцы согласны с этим. 23 сентября 1989 года по пути из Токио она остановилась в Москве, где имела долгую беседу с Горбачевым. И, как пишет в своих мемуарах, «...объяснила ему, что, хотя НАТО традиционно делает заявления в поддержку немецких надежд на объединение, на практике мы воспринимаем их с явным опасением»²⁴.

Эти опасения полностью разделял и президент Франции Франсуа Миттеран, но на публике занимал витиеватую позицию, которую всяк мог толковать по-своему. Дело в том, что франко-германское сотрудничество он ставил во главу угла политики объединения Европы и потому делал неопределенные заявления, чтобы не раздражать политиков в Бонне.

Ситуацию эту довольно точно охарактеризовало посольство США в Бонне в секретной телеграмме, направленной 25 октября в Вашингтон: «Западные немцы в глубинах своего сердца знают, что воссоединение может произойти только тогда, когда западноевропейские союзники ФРГ и Советский Союз не только станут соглашаться с процессом воссоединения, но активно поддержат его». Хотя идея воссоединения на уме у каждого немца, «в действительности ни один не верит, что воссо-

²⁴ Thatcher M. *The Downing Street Years*. N.Y.: Harper Collins, 1993. P.792.

единение является первым пунктом в деловой немецко-немецкой повестке дня»²⁵.

Это по сути дела подтверждает и помощник Коля Хорст Тельчик. В то время, по его словам, не территориальное воссоединение, а «борьба за политические изменения в ГДР – экономические реформы и движение к демократии» – были целью правительства ФРГ²⁶. По оценкам госдепартамента США того времени, министр иностранных дел ФРГ Геншер и окружение Коля не шли дальше того, чтобы вписать воссоединение в контекст широкого эволюционного процесса европейской интеграции и принятия общеевропейских ценностей.²⁷ Правда, порой в публичных выступлениях канцлера тема воссоединения все же звучала. Но осторожно. За ней не было какой-либо определенной политики. Пока.

Заявления в поддержку воссоединения Германии, сделанные в самой общей и неопределенной форме, звучали иногда и в выступлениях президента США Буша (старшего). Об этом он, например, заявил 18 сентября в ходе своей пресс-конференции в Монтане, что вызвало сумятицу в Европе, да и в Москве. Скоукрофт тогда даже опасался, что президент забегает вперед по сравнению с тем, что готовы говорить сами немцы. Госсекретарю Бейкеру он посоветовал заменить в готовящейся речи слово «воссоединение» на «примирение»²⁸.

В реальность воссоединения тогда мало кто верил. Да и какой-либо разработанной программы объединения Германии ни в Вашингтоне, ни в Бонне тогда не было. Вот, например, рассекреченная совсем недавно **беседа Буша с Генсеком НАТО Манфредом Вернером**, которая состоялась в Вашингтоне 11 октября 1989 г.

Буш тогда прямо спросил собеседника, как он, будучи немцем, мог бы решить вопрос объединения Германии? «Проблема нерешаемая», – твердо ответил Вернер. Объединение – не политическая проблема «завтрашнего дня». Должно быть право на самоопределение для всех, включая восточных немцев. Главное – убедить Советы разрешить продолжение изменений в Восточной Европе и ГДР. Но Горбачев, предупредил Вернер, не позволит ГДР выйти из Варшавского договора. «Если она выйдет, – это конец. Он нуждается в ГДР, чтобы удержать в нем остальных».

²⁵ Bonn 34271 «The German Question and Unification», October 25, 1989. (ZR 92-93).

²⁶ Интервью Зеликоу и Райс с Тельчиком: Philip Zelikow and Condoleezza Rice *Germany Unified and Europe Transformed*, Harvard University Press, 1995. P.93.

²⁷ Department of State Background Briefing on US – Soviet Relations. October 16, 1989. P.3 – 5.

²⁸ Zelikow and Rice. *Op. cit.* P.93.

Буш спросил, сможет ли он убедить Горбачева распустить Варшавский договор, так как его мощь теперь уже несущественна. «Это может показаться наивным, – говорил президент США, – но кто мог предсказать изменения, которые мы видим сегодня». Вернер ответил, что этот сценарий нереалистичен. Варшавский договор – это важное наследство Советского Союза, полученное в результате Второй мировой войны, показатель его статуса великой державы. И Буш согласился, что ему едва ли удастся убедить Горбачева. «Я просто думаю», – сказал он в заключение²⁹.

Однако тема воссоединения активно муссировалась в печати, и политика Запада характеризовалась как бездействие на фоне происходящих перемен. По этой причине или по какой иной, но 23 октября Коль позвонил Бушу и стал просить о поддержке. Его раздражало, что пресса пишет, будто немцы должны быть больше заинтересованы в поддержке со стороны Советского Союза, который, де, обладает ключом к германскому воссоединению. Не мог бы он, Буш, по этой причине публично подчеркнуть солидарность Запада в качестве ключа к изменениям, происходящим на Востоке? Буш ответил, что пресса пишет, будто объединение Германии поведет к ее нейтрализации. Сам президент в это не верит, но США действуют осторожно, чтобы не помешать изменениям, происходящим в ГДР. Он думает, что Коль действует правильно, и он (Буш) найдет способ поддержать его.

Интересно, что утром перед звонком Коля Буш и его ближайшее окружение заслушали доклад ЦРУ с интригующим названием: «**Германское объединение: что должно произойти?**» Но выводы его были далеки от оптимизма. Для объединения нужны следующие серьезные условия:

- Прежде всего, ГДР должно быть разрешено стать демократической страной.
- Изменить отношение Советского Союза к объединению.
- Согласие и сотрудничество западных союзников, в то время как Лондон и Париж против.
- Сильная поддержка внутри самой Западной Германии.

При этом ЦРУ выражало опасения, что в процессе объединения власти ФРГ могут ослабить и даже порвать привязку своей страны к НАТО³⁰.

²⁹ *Ibid.* p. 399.

³⁰ *Ibid.* P.398.

А уже на следующий день, 24 октября, Буш дал интервью корреспонденту «Нью-Йорк Таймс»: «Я не разделяю опасений, – заявил он, – которые некоторые европейские страны испытывают в отношении объединенной Германии». Он верит, что «германские обязательства и признания союза непоколебимы». Но тут же нажал и на тормоза:

«Я не думаю, что мы обязаны проталкивать концепцию объединения, устанавливая расписания или пересекать Атлантику, делая кучу заявлений на этот счет. Это требует времени. Это требует осторожной эволюции. Это требует работы между восточными и западными немцами. Понимания между французами и немцами, англичанами и немцами по всему этому. Но вопрос этот выдвигается вперед и становится центральным из-за быстрых изменений, которые происходят в Германии»³¹.

Это заявление Буша встретило неоднозначную реакцию в Западной Европе. Но Коль и многие политики в ФРГ приветствовали его. Две недели спустя, 8 ноября, канцлер представил Бундестагу свою новую программу из двух пунктов.

В первом он обещал ГДР финансовую помощь, но при условии, если она предпримет не только экономические, но и политические реформы, предусматривающие отказ от монополии власти со стороны компартии, создание независимых политических партий и проведение свободных выборов.

А во втором пункте высказался в пользу воссоединения Германии, но без конкретики. Поддержав заявление Буша от 24 октября, он заявил, что ключ к воссоединению – это «свободное самоопределение». «Наши соотечественники – немцы – не нуждаются в поучениях от кого бы то ни было. Они сами лучше всех знают, чего хотят. И я уверен: если они получат возможность, они решат в пользу единства»³².

Неудивительно, что в Лондоне, Париже и других столицах Европы отнеслись с прохладной осторожностью к этим заявлениям, затруднявшим им высказывать свою озабоченность в отношении объединения Германии.

Были опасения и в Соединенных Штатах. Тогда же в октябре Скоукрофт и Гейтс создали секретную группу сотрудников СНБ во главе с Робертом Хатчингсом для анализа экстремальных сценариев хаоса в ГДР: краха или почти краха правящего режима, вызова существующему особому статусу Западного Берлина и, наконец, возможности советской

³¹ *New York Times. October 25, 1989.*

³² *Frankfurter Allgemeine Zeitung. November 9, 1989.*

интервенции. Но подготовленный группой доклад в начале ноября лишь формулировал в общих чертах цели США и не определял конкретно, что надо делать для их достижения.

Загадки истории

Находясь в Вене³³, мы зримо ощущали тектонические сдвиги в Восточной Германии. Через открывшуюся границу в Австрию из Чехословакии шел поток гэдээровских беженцев. Их можно было видеть на улицах Вены днем и ночью. А ситуация в ГДР широко обсуждалась в кулуарах Хофбурга, где шли переговоры о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. И многие делегации тревожно ставили вопрос: каким должен быть вырабатываемый нами договор, если произойдет объединение Германии.

Однако в Москве, куда мы прилетели в конце октября, каких-либо тревог в связи с обстановкой в ГДР явно не испытывали. Ни в МИДе, ни в ЦК, где мне пришлось немало побегать по высоким кабинетам. Там считали начавшиеся беспорядки в ГДР уже обычной рутинной – немцы, де, народ дисциплинированный, ну, пошумят немного в пивных и разойдутся спать.

Докладывая министру обстановку на переговорах, я не преминул рассказать о беспокойстве, которое высказывают в Вене в отношении волнений, происходящих в ГДР, и как это может отразиться на всей системе безопасности в Европе, создаваемой Договором о сокращении обычных вооружений.

– Не надо драматизировать ситуацию, – прервал меня Шеварднадзе. – Там все под контролем. Ни мы, ни Западная Европа, ни США не заинтересованы в кардинальных переменных, которые могут привести к объединению Германии. Поэтому стена как стояла, так и будет стоять. А Варшавский Договор и НАТО как были, так и останутся.

После таких напутствий я отправился в Софию, где проходила встреча заместителей начальников Генеральных штабов и заместителей министров иностранных дел Варшавского Договора, на которой рассматривались позиции к очередной сессии венских переговоров. Каких-либо острых проблем там не было, и я с интересом бродил по улицам болгарской столицы. Как записано у меня в дневнике, «в Софии если что изменилось, то жизнь стала беднее, а город запущеннее». Кроме

³³ В описываемое время автор являлся послом по особым поручениям, руководителем делегации СССР на переговорах в Вене по сокращению обычных вооружений в Европе.

того, брожение достигло теперь и Болгарии. В Москве была получена информация о разногласиях, возникших между Годором Живковым, правившим страной уже 35 лет, и министром иностранных дел Петром Младеновым. Поэтому в Софию вместе с нами прилетел Борис Пядышев, долгое время бывший советником-посланником в этой стране и имевший хорошие связи в болгарском руководстве. Ему было поручено «разнюхать», что там происходит.

А вечером 3 ноября был заключительный обед, и я оказался за столом рядом с маршалом В.Г.Куликовым. В течение последних 12 лет он был главнокомандующим вооруженных сил Варшавского Договора и только несколько месяцев назад назначен на новый пост – Генерального инспектора министерства обороны. Мы давно знали друг друга, завязался откровенный разговор, и тут он, что называется, сразил меня наповал. Далее полностью привожу мою дневниковую запись тех дней: «Маршал Куликов жаловался мне, что дела в ГДР выходят из-под контроля: на 9 ноября назначена огромная демонстрация на Александер платц в Берлине. Соберется 500 тысяч человек – больше площадь не вместит. Будут ломать стену. Я спросил, а что будете делать вы? Он пожал плечами».

Признаюсь, тогда я не поверил Куликову: нагнетают, мол, военные обстановку. Да и откуда он все это взял? Ведь я только что из Москвы, а там ни слухом ни духом об этом не ведают. Но... прошло всего 5 дней, и воплощенный в бетоне железный занавес – Берлинская стена – рухнул. И случилось это точно 9 ноября 1989 года.

Как это произошло и почему? Был ли это спонтанный акт разбушевавшейся толпы и результат бездействия властей как в Восточном Берлине, так и в Москве? Или же результат заранее продуманного и тщательного скрываемого плана? На этот счет высказываются разные, порой противоположные мнения. И до сих пор все произошедшее остается загадкой истории. Но попробуем обратиться к фактам.

Объявленная Кренцем либерализация выезда гдээрзовских граждан в ФРГ через Чехословакию привела к тому, что уже к началу ноября вся северная часть страны была забита машинами – граждане ГДР рвались «на волю». И руководство Чехословакии, естественно, обратилось к братскому руководству ГДР с просьбой упорядочить выезд своих граждан так, чтобы это не было заботой Праги. В Политбюро СЕПГ посоветались и решили открыть для граждан ГДР один-единственный проход в наглухо закрытой границе с ФРГ где-нибудь на Юге, подальше от Берлина. И то только для тех, кто решил уехать на постоянное жительство

ство в Западную Германию. Об этом, как тогда было принято, руководство ГДР решило проинформировать Москву.

Днем 7 ноября советский посол В.И.Кочемасов был приглашен к министру иностранных дел Оскару Фишеру, который рассказал о предполагаемых нововведениях по открытию границы с ФРГ и попросил срочно передать это Горбачеву. *«Мнение товарища Горбачева, – подчеркнул Фишер, – как в отношении более широкого подхода, так и в отношении наших планов о законе по передвижению очень важно для товарища Кренца. ГДР хотела бы получить поддержку СССР»³⁴.*

Вернувшись от министра, посол тут же позвонил по ВЧ в Москву Шеварднадзе и проинформировал его о решении немецких друзей. Формально постановление Правительства ГДР на этот счет будет принято 9 ноября, и друзья просят сообщить до этой даты, не будет ли каких-либо возражений с советской стороны. Шеварднадзе уже тогда ответил, что поскольку это мнение руководства ГДР, то у Советского Союза вряд ли будут возражения. Но на всякий случай он поручит продумать позицию СССР специалистам из германских отделов в МИДе³⁵.

Наступило 8 ноября – Москва молчала. Тогда посол Кочемасов направил срочную телеграмму Шеварднадзе с предложением дать ответ, суть которого сводилась бы к тому, что ГДР – суверенное государство и само отвечает за свои действия. Тут не было ничего нового. Такой ответ полностью отвечал бы политической линии Горбачева не вмешиваться в действия руководства ГДР и тем самым брать на себя ответственность.

Но из советской столицы снова тишина. На утреннем заседании 9 ноября в советском посольстве Кочемасов сообщил сотрудникам, что от Кренца поступило напоминание: он ждет ответа из Москвы сегодня. Посол пытался дозвониться до Горбачева и Шеварднадзе, но безрезультатно. Тогда он позвонил заместителю министра Ивану Абоимову, курировавшему отношения с социалистическими странами Европы, – человеку твердому и решительному, на которого всегда можно было положиться, и умолял его срочно связаться с кем-нибудь из руководства, чтобы дать ответ Кренцу до полудня. Как вспоминает Абоимов, разговор был мрачным.

³⁴ *Memorandum of Conversation between Comrade Oskar Fisher and the Soviet Ambassador V.I.Kochemassov. 7 November 1989, at 11.45 a.m. // CWIHP Bulletin. № 12 / 13. Fall / Winter 2001. P.154.*

³⁵ *В то время германскими делами в МИДе занимались два разных отдела – ГДР и ФРГ.*

В 12 часов дня он перезвонил Кочемасову и сообщил, что ему не удалось связаться ни с Шеварднадзе, ни с помощником Горбачева по соцстранам Г.Х.Шахназаровым – они заняты. Но поскольку никто ранее не высказывал возражений, то Кренцу, видимо, можно сообщить, что с советской стороны не будет препятствий к реализации предложения ГДР. И Кочемасов немедленно передал это по телефону помощникам Кренца³⁶.

А в это время в Восточном Берлине уже второй день заседал пленум ЦК СЕПГ, на котором полным ходом шла кадровая чистка. Из состава Политбюро было выведено две трети его прежних членов. Во время краткого перерыва Кренц собрал членов вновь избранного Политбюро, чтобы окончательно утвердить постановление об упрощенной процедуре выезда граждан ГДР из страны.

Но в нем теперь уже речь шла не об открытии только одной «дыры» где-то на отдаленном участке границы в Тюрингии с Баварией, о чем было информировано советское посольство, а всей границы с ФРГ, включая Берлин. И разрешение на выезд давалось уже не только тем, кто ехал на постоянное жительство в ФРГ, а всем гражданам ГДР, решившим просто погулять в Западной Германии. Но тут была одна уже чисто юридическая тонкость. Если выезд граждан ГДР в ФРГ относился к сфере юридических полномочий самой ГДР, то все, что касалось Западного Берлина и его четырехстороннего статуса, непосредственно относилось к сфере полномочий СССР, так как он, а не ГДР был участником соглашения четырех держав 1972 года по Берлину.

В общем, в таком виде этот проект постановления с Советским Союзом не согласовывался. Во всяком случае, по каналам МИД³⁷. Но на вопрос одного из членов Политбюро, согласован ли проект с советским руководством, Кренц ответил утвердительно: да, согласован. После чего постановление было сразу же принято. Оно должно было быть опубликовано на следующий день, утром 10 ноября, и вступить в силу немедленно. Именно на это время были ориентированы приказы по погранвойскам, министерству госбезопасности и полиции.

³⁶ Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит...» С.80 – 84. Беседа автора с И.П.Абоимовым.

³⁷ Ходили слухи, что Кренц мог позвонить напрямую Горбачеву или Шеварднадзе и согласовать этот вопрос с ними. Однако каких-либо документальных подтверждений этому пока нет. Не подтверждают это и опубликованные на сегодняшний день мемуары. В беседе Кренца с Горбачевым 1 ноября необходимость свободы передвижения граждан ГДР затрагивалась в самой общей форме – в качестве цели, и не детализировалась.

Но по каким-то, опять непонятным причинам – то ли в спешке, то ли еще почему-то, – но Кренц велел предать гласности это решение немедленно. И поручил сделать это Гюнтеру Шабовски – бывшему главному редактору газеты «Нойес Дейчланд», а в то время члену Политбюро СЕПГ и главе ее берлинской организации. Но, как говорят, он был не в курсе этого дела, получил текст постановления только перед началом своей вечерней пресс-конференции и не успел с ним толком ознакомиться.

Берлин, 9 ноября, вечер

А теперь представьте Берлин хмурым осенним вечером 9 ноября 1989 года. Его разделяет мрачная стена длиной в 43,1 километра, которая перегораживает 97 берлинских улиц и 6 линий метро. На ней 30 наблюдательных пунктов и 22 бункера под землей. При попытках проникнуть через нее с Востока на Запад погибло 1065 человек. 28 лет она была мрачным символом разделения Германии, да и всей Европы. И вот теперь у этой стены на улицах Восточного Берлина бушуют многотысячные толпы демонстрантов, а на контрольно-пропускных пунктах (КПП) по-прежнему стоят суровые пограничники с автоматами наперевес.

7–8 часов вечера. По радио и телевидению идет передача пресс-конференции Шабовски. Унылым голосом он читает по бумажке о перестановках в руководстве страны. И вдруг говорит: *«Гражданам ГДР будет разрешено выезжать за границу без каких-либо условий и через любые КПП. Визы будут выдаваться по первому требованию»*. Журналисты поражены. Его спрашивают: Когда? Он роется в бумагах, смотрит постановление и отвечает: **«По-моему, немедленно»**.

Тут-то и началось. К контрольно-пропускным пунктам двинулись толпы людей. Ссылаясь на заявление Шабовски, они требовали немедленно пропустить их в Западный Берлин. У КПП на Бронхольмерштрассе скопилось 20 тысяч человек. Напряжение нарастало. А у вооруженных до зубов пограничников не было никакой информации о новых правилах пересечения границы. Они должны были поступить к ним только утром 10 ноября. А согласно старым правилам они должны были стрелять.

Около 9 часов вечера Эгону Кренцу позвонил шеф госбезопасности Эрих Мильке и доложил, что массы людей направляются к пропускным пунктам в Западный Берлин. **Что делать?**

«Мы оказались в чрезвычайно опасной ситуации, – пишет в своих мемуарах Кренц. – Ошибочное решение может привести к кровопролитию. В эти минуты мои возможности что-либо решать были чрезвычайно малы. Практически все сводилось к вопросу: дать событиям развиваться свободно, как есть, или применить вооруженную силу для обеспечения государственной границы. Последнее означало бы игру с огнем».

А ситуация действительно была сверхопасной. В распоряжении властей были стоящие наготове крупные и хорошо вооруженные силы армии, госбезопасности, полиции и даже «рабочих дружин». Судя по всему, тогда еще они могли полагаться и на советские войска. Во всяком случае, как пишет Кренц, главком Западной Группы Войск генерал армии Б.В.Снетков заверил его в готовности оказать ГДР «любую помощь». А это армия в 365 тысяч человек, 4116 танков, 3598 артиллерийских орудий, более 1200 самолетов и вертолетов.

Вот с такими мыслями Эгон Кренц вечером 9 ноября пытался дозвониться до Горбачева. Безрезультатно. И, в конце концов, решил: **«Открыть шлагбаумы!»** В общем, чудом той ночью удалось избежать кровопролития. Еще и потому, что сами пограничники на местах взяли на себя смелость открыть границу, а не держать ее на замке, как того требовали строгие инструкции³⁸.

Первым в полдвенадцатого ночи был открыт шлагбаум на КПП у Бронхольмер-штрассе. Затем один за другим стали открываться другие пропускные пункты. Последним был знаменитый Чек-поинт Чарли на Фридрих-штрассе. Около полуночи там уже пропускали всех желающих пройти в Западный Берлин. Его улицы сразу же заполнились тысячами толпами восточберлинцев. И встречали их с распростертыми объятиями. Хлопали не выстрелы, а пробки от шампанского. Несмотря на «полицейский час», когда ресторанам и закусочным полагалось быть закрытыми, там до утра бесплатно угощали своих восточных собратьев вином, пивом, да и чем покрепче. И в ту же ночь тысячи восточных немцев на своих «Трабантах» добрались до Гамбурга, Ганновера, Нюрнберга, Мюнхена и других западногерманских городов, где тоже воцарился праздник.

³⁸ 8 ноября 1999 г., накануне 10-летнего юбилея падения Берлинской стены, Верховный суд ФРГ приговорил Эгона Кренца к 6 годам, и Гюнтера Шабовски – к 3 годам лишения свободы, признав их виновными в гибели людей на германо-германской границе и непосредственно у Берлинской стены.

Нежданных пришельцев встречали объятиями и пивом, а на следующий день еще и выплатой 100 западных марок, чтобы они не чувствовали себя бедными родственниками. Но главный праздник был на самой Берлинской стене, разделявшей Германию 28 лет. Как записано в моем дневнике 10 ноября, «вчера сбылось предвидение Куликова. Если стена и не разрушена, то уже больше не препятствие. Происходит небывалое: люди лезут на стену с обеих сторон, целуются, пьют, чуть ли не занимаются на ней любовью. С грохотом, треском и вонью разваливается наша имперская телега!»

* * *

Как же реагировало на все это высокое начальство?

Горбачев в ту ночь спокойно спал у себя на даче под Москвой, ни о чем не ведая, – верные помощники не стали его будить, решив, очевидно, что нечего беспокоить начальство по таким пустякам. А утром ему на стол положили срочную телеграмму от Э.Кренца, которая должна была успокоить, если что вдруг не так. Вот она практически целиком перед вами. Можете теперь сравнить, как это было и что написано.

«Ночью сложившаяся в ГДР обстановка заставила разрешить выезд граждан также в Западный Берлин. Большие скопления людей на пунктах пересечения границы с Западным Берлином требовали от нас

срочных решений. Недопущение выезда в Западный Берлин вызвало бы серьезные политические последствия необозримых масштабов. Разрешение не затронуло основ Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, поскольку выезд в Западный Берлин к родственникам допускался и ранее. За прошедшую ночь около 60 тысяч граждан ГДР были пропущены в Западный Берлин через пункты пересечения границы. Из них около 45 тысяч вернулись в ГДР. Сегодня с 6 часов утра выезжать в Западный Берлин могут лишь лица, располагающие соответствующей визой ГДР. То же относится и к лицам, выезжающим из ГДР на постоянное место жительства»³⁹.

Ответ Горбачева, который был передан через посла Кочемасова в виде устного послания, выглядел как «поздравление»: **«Все сделано совершенно правильно. Так держать – энергично и уверенно»**⁴⁰.

Позвонил послу и министр Шеварднадзе, сообщив, что поступили сведения, будто «наши военные что-то шевелятся». Посол должен напомнить им, чтобы «никаких действий не предпринимать». Как свидетельствует посланник нашего посольства И.Ф.Максимычев, Кочемасов тут же связался с главнокомандующим ЗГВ генералом армии Снетковым и передал ему наказ: «замереть и уйти в себя». А главком ответил, что он и не собирался «шевелиться».

В тот же день Горбачев направил устные послания сначала Колю, а затем Бушу, Тэтчер и Миттерану с призывом не дестабилизировать обстановку в ГДР.

Послание Колю было жестким. Открытие границы, говорил Горбачев, показывает, что «в Восточной Германии происходят серьезные изменения». Однако в ФРГ делаются заявления, которые побуждают к отрицанию существования двух германских государств, подхлестывают эмоции, с тем чтобы дестабилизировать ситуацию в ГДР и подорвать происходящие там процессы демократизации и обновления всех сторон жизни. Это может повести к хаосу с непредсказуемыми последствиями. Надо принять неотложные меры, чтобы воспрепятствовать осложнению и дестабилизации обстановки.

³⁹ По свидетельству руководителя информационно-аналитического отдела КГБ в ГДР, только 11 ноября в Западном Берлине побывало более миллиона граждан ГДР, причем без всяких виз (Кузьмин И.Н. *Шесть осенних лет. Берлин. 1985–1990. М. Научная книга, 1999. С.129–130.*

⁴⁰ Максимычев И.Ф. *Падение Берлинской стены. Записки очевидца // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С.134.*

То же и в устных посланиях, переданных в Вашингтон, Лондон и Париж. Горбачев предупреждал о недопустимости «политического экстремизма», который звучит в заявлениях из ФРГ, чтобы подхлестнуть эмоции и отказаться от послевоенных реальностей – таких, как существование двух германских государств. Это приведет к дестабилизации обстановки не только в Восточной Европе, но и в других районах мира. Нашему послу в Берлине даны указания вступить в контакт с представителями трех союзных держав в Западном Берлине. Я надеюсь, говорит Горбачев, что вы также дадите указания своим представителям, чтобы избежать нежелательного поворота событий⁴¹.

В общем, получалось, что падение Берлинской стены и открытие границ нас врасплох не застали. Все под контролем, и мы на страже.

* * *

А вот президент США благодаря разнице во времени мог наблюдать за событиями в Берлине по телевизору. Около 3-х часов пополудни в его Овальный кабинет вошел советник по вопросам национальной безопасности Brent Скоукрофт и взволнованно сообщил: поступают сообщения об открытии стены в Берлине. Они тут же прошли в соседнюю комнату и стали смотреть по телевизору, как толпы немцев танцуют на стене, празднуя победу. И президент так прокомментировал происходящее:

– Если Советы допустят падение коммунистов в Восточной Германии, значит, они серьезно взялись за дело – куда более серьезно, чем я полагаю⁴².

Падение стены его явно обрадовало. Но чувств своих решил на публике не проявлять – «на стене не плясать», чтобы не помешать политике бездействия Горбачева и не спровоцировать Советский Союз на какие-нибудь силовые акции. На пресс-конференции, которая состоялась тут же в его кабинете, Буш, как пишет в своих мемуарах, старался «не проявлять радости по поводу того, что многие на Западе интерпретировали бы как поражение Горбачева»⁴³.

А на следующий день, опять-таки из-за разницы во времени, в Вашингтон поступило послание Горбачева. Оно было передано в Совет

⁴¹ *CWHP Bulletin. № 12 / 13. Fall / Winter 2001. P.158 – 159.*

⁴² *Michael R. Beschloss and Strobe Talbott. At the Highest Levels. The Insight Story of the End of the Cold War. L.: Little Brown and Company, 1993. P.132.*

⁴³ *George Bush and Brent Scowcroft. A World Transformed. N.Y.: Random House, 1998. P.148 – 149.*

Национальной Безопасности Роберту Гейтсу и Кондолизе Райс. Но они сочли документ беспомощным и угрожающим в одно и то же время. Гейтс тут же позвонил Скоукрофту и сказал, что надо бы предупредить немцев в Бонне. Тот согласился и стал звонить в Бонн...

А там падение стены застало врасплох правительство ФРГ, хотя оно вроде бы давно добивалось открытия границ с ГДР. Помощник министра иностранных дел Франк Эльбе свидетельствует: «Для самих немцев открытие стены явилось полной неожиданностью. В сейфах боннского правительства никаких проектов и планов на этот случай, о котором постоянно говорили, но который считали в высшей степени невероятным. Не было никаких предупреждений и со стороны спецслужб. Подчиненная ведомству федерального канцлера Федеральная разведывательная служба (БНД) в своих докладах излагала ситуацию так, будто народ в ГДР вообще не существовал»⁴⁴.

В тот вечер в Бонне шло обычное заседание Бундестага. Один из творцов германской восточной политики Эгон Бар, ничего не ведая о случившемся, уехал домой, где его и застал телефонный звонок Вилли Брандта: «Что, не ожидал?» А в самом Бундестаге депутаты, когда узнали о падении стены, вскочили с мест и дружно запели: «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес...»

Поразительной новостью падение стены стало и для канцлера Коля, который 9 ноября находился с визитом в Варшаве. О заявлении Шабовски и начавшихся беспорядках ему сообщили перед началом обеда в роскошном дворце Радзивиллов, который давал премьер-министр Польши Мазовецкий, где Коль был главным гостем. Поначалу канцлер не поверил и велел перепроверить эту информацию. А на обеде, естественно, главной темой были вести из Берлина. Лех Валенса, например, не верил, что стена пала, и говорил, что Кренц не сможет проводить демократические реформы, если это вдруг случится. В ГДР тогда воцарится революционный хаос, и он боялся, что Польше придется платить за это...

Но уже через полчаса сообщение о падении стены подтвердилось. Коль сразу же прервал визит и на американском военном самолете вылетел в Западный Берлин. На следующий день, 10 ноября, он уже выступал там на митинге. Однако за несколько минут до его речи советский посол в Бонне, острый на язык Ю.Квицинский передал помощнику Коля Тельчику срочное устное послание Горбачева с предупреждением

⁴⁴ Kießler R., Elbe F. *Ein runder Tisch mit scharfen Ecken. Der diplomatische Weg zur deutschen Einheit. Baden-Baden, 1993. P.45–46.*

не нагнетать страсти. Буквально чудом Тельчик все же успел передать Колю это послание еще до того, как канцлер начал говорить. Но... трудно сказать, помогло ли оно.

«В этот счастливейшей, но также и трудный час в истории нашего народа, – говорил Коль, – будем действовать осмотрительно и разумно. Разум подсказывает: радикальные призывы и голоса не приведут к успеху... Речь идет о Германии, речь идет о единстве, правах человека и свободе. Да здравствует свободное немецкое отечество! Да здравствует свободная, единая Европа!»

Рядом со слезами на глазах стоял лидер германских социал-демократов В.Брандт.

Поздно вечером в тот же день Коль собрал своих ближайших помощников. И хотя все устали после долгого и трудного дня, начатого еще на рассвете полетом из Варшавы, канцлер предложил обсудить и наметить первые шаги в новой обстановке. Однако, как это ни странно звучит сегодня, проблема воссоединения Германии в тот вечер не поднималась, хотя она явно висела в воздухе. Присутствующих больше занимал вопрос, что сказать Кренцу при встрече. Граница с ГДР теперь открыта, и он явно будет ждать награды в виде экономической помощи за падение стены.

Размышления на сей счет прервал телефонный звонок из Вашингтона. Генерал Скоукрофт сообщил, что только что получено срочное послание Бушу от Горбачева, в котором он предлагает созвать встречу четырех держав, чтобы предотвратить развитие хаоса с непредсказуемыми последствиями. Аналогичные послания он направил также Тэтчер и Миттерану. В ответ Скоукрофту было сказано, что советское требование о созыве совещания четырех держав должно быть отвергнуто. Еще несколько дней назад правительство ФРГ приняло решение препятствовать любым контактам 4-х держав «через голову немцев»⁴⁵.

Все вроде бы ясно. Непонятно только одно. Как слова Горбачева, что он дал указание совпослу в Берлине вступить в контакт с представителями трех западных держав, превратились в головах политиков в Вашингтоне и Бонне в предложение о созыве совещания четырех держав?

Но, как бы там ни было, а после недолгих раздумий в Вашингтоне решили предложить союзникам дать Горбачеву согласованный ответ. В нем проигнорировать его предупреждения, но приветствовать высказанную им публично поддержку решения властей ГДР открыты

⁴⁵ Teltchik H.T. 329 Tage: Innenansichten der Einigung. Berlin: Siedler, 1991. S.22–24.

Берлинскую стену. И согласившись с ним в необходимости поддержания общественного порядка, выразить уверенность, что ФРГ прикреплена процессу стабильных перемен, происходящих постепенно⁴⁶.

В таком ключе и были направлены ответы Горбачеву из Вашингтона, Лондона и Парижа. Только Тэтчер немного вышла за его рамки, добавив туда эмоций. «Я согласна с Вами, что быстрота, с которой происходят эти изменения, несут риск нестабильности», – писала она Горбачеву и высказывалась за умеренный подход и осторожность.

Вот так развивались события в те судьбоносные дни ноября 1989 года. Венчал их, пожалуй, телефонный звонок советского лидера канцлеру Колю 11 ноября. Горбачев сказал тогда, что перемены в Восточной Европе происходят быстрее, чем он ожидал. ГДР нужно больше времени для проведения реформ, и поэтому каждый шаг надо тщательно взвешивать.

«Мне думается, – говорил он, – в настоящее время происходит исторический поворот к другим отношениям, к другому миру. И нам не следовало бы неуклюжими действиями допускать нанесение вреда такому повороту. Форсирование событий подтолкнет развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу... Я надеюсь, Вы используете Ваш авторитет, политический вес и влияние для того, чтобы и других удерживать в рамках, адекватных времени и его требованиям».

«Г-н Генеральный секретарь, – отвечивал Коля, – только что завершилось заседание правительства ФРГ. Если бы Вы на нем присутствовали, Вы бы, возможно, удивились, как совпадают наши оценки. Этот исторический час требует соответствующей реакции, исторических решений. В немецком языке есть очень важное понятие "глазомер". Оно означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать их возможные последствия, и чувство личной ответственности. Хотел бы заверить Вас, что я особенно остро осознаю свою ответственность»⁴⁷.

В общем, с обеих сторон одни лишь красивые слова. Однако, судя по своим опубликованным воспоминаниям, Горбачев был доволен этим разговором. Довольны были и немцы, но по-другому: «Ни угроз, ни предупреждений, только просьба проявлять осторожность», – записал тогда в своем дневнике помощник Г.Коля⁴⁸.

⁴⁶ Zelikow and Rice. *Op. cit.* P.108.

⁴⁷ Горбачев М.С. Как это было. Объединение Германии. С.87.

⁴⁸ Teltschik H.T. *Op. cit.* S.28.

А что потом?

Хотели того политические деятели или нет, а точнее – понимали они это или нет, но после падения Берлинской стены воссоединение Германии буквально врывалось в повестку дня мировой политики. Однако опять, как это ни странно выглядит сегодня, на первых порах падение стены мало что изменило в подходе Москвы и Запада к объединению. Преобладала осторожность. Но падение стены всколыхнуло немцев в обеих Германиях. Хотя по-разному.

Экономическое положение в ГДР продолжало стремительно ухудшаться, и уже в оставшиеся три недели ноября оттуда эмигрировало 130 тысяч человек – примерно один процент граждан страны. А для оставшихся воссоединение становилось единственным способом решения экономических и социальных проблем, так как крах социализма был для них очевиден. Поэтому очень скоро лозунг на уличных демонстрациях «Мы – народ» сменил другой лозунг: «Мы – один народ».

Однако в ФРГ мнения общественности об объединении глубоко разделились. Поначалу только четверть населения выступала за воссоединение. Другие выжидали. Но, как говорится, процесс пошел. Уже через несколько дней после падения стены Коль дал указание начать разработку новой политики в отношении двух германских государств, используя в максимальной степени сложившуюся ситуацию. Правда, если верить опубликованным документам и воспоминаниям, прямо о воссоединении Германии в этих указаниях не говорилось. Но оно просматривалось. Ведь речь шла о двух германских государствах.

Для такого рода мозговых штурмов в Ведомстве федерального канцлера уже давно существовал «аппарат по германской политике», который координировал деятельность специальных Управлений по шести важнейшим направлениям. Х.Тельчик руководил Управлением 2-м – «Внешние и внутригерманские отношения». В нем находился «рабочий штаб разделенной Германии», где, начиная с 1987 года, активно рассматривались, пока в чисто теоретическом плане, различные подходы к германскому объединению. А в самом Ведомстве ежемесячно проводились совещания по германской политике с участием представителей от коалиционных фракций ХДС / ХСС и СвДП. Кроме того, раз в неделю, в основном, вечером по понедельникам, в «бунгало канцлера» собирался узкий круг приближенных и шел мозговой штурм проблем, касающихся в первую оче-

редь ситуации в самой Германии и ее положения в мире⁴⁹. Это был «чердак поэтов и философов», как с иронией называл его Гельмут Коль.

Теперь главным на этом «чердаке» стала выработка конкретного плана – как приступить к германскому объединению. Но при этом хорошо понимали: его осуществление – дело далеко не простое.

Поэтому вместо «воссоединения» было предложено говорить о «самоопределении», утверждая при этом, что если предоставить свободу выбора, то немцы в ГДР предпочтут воссоединение⁵⁰. Это был хитрый ход. Право на самоопределение было зафиксировано и в Хельсинском Заключительном Акте 1975 года, и в Уставе ООН. А вот экономическая помощь ГДР по-прежнему увязывалась с политическими изменениями – свободными выборами, отказом компартии от монополии руководства страной и созданием независимых политических партий. С этих позиций по сути дела канцлер и выступил в Бундестаге 16 ноября. Касаясь будущего Германии, заявил: «Мы по-прежнему далеки от нашей цели: право всех немцев на самоопределение еще не реализовано. Население ГДР должно само определить, какой путь оно изберет. Это относится также к вопросу о германском единстве».

А в Восточной Германии тем временем перемены катились валом. Новым премьер-министром правительства ГДР стал Ханс Модров, в то время как Кренц все еще оставался главой государства. И уже 17 ноября новый премьер объявил радикальную программу реформ. Как бы полемизируя с заявлением Коля, сделанным накануне, он объявил, что ГДР остается «социалистическим государством, суверенным германским государством». Оно «отвергает нереалистичные и также опасные спекуляции в отношении воссоединения». Два германских государства могут иметь «кооперативное сотрудничество» по всем проблемам от разоружения до культуры и туризма, цементируемое **«договорным сообществом»**. Как пишет Модров в своих мемуарах, он «хотел договорного сообщества на базе существующих договоров и соглашений. Таким образом, оба немецких государства должны были стать опорами европейского дома»⁵¹. И Народная палата поддержала программу Модрова.

Это было уже нечто новое. Впервые из Восточного Берлина прозвучало что-то похожее на призыв к началу постепенного сотрудничества двух германских государств. И надо сказать, что программа Модрова – дого-

⁴⁹ Korte K.P. *Deutschlandpolitik in Helmut Kohls Kanzlerschaft. Regierungsstil und Entscheidungen 1982–1989. Stuttgart, 1998. S.40–41.*

⁵⁰ Teltchik H.T. *Op. cit. S.32–34.*

⁵¹ Модров Х. *Перестройка: как я ее вижу. М.: Международные отношения, 1999. С.81.*

ворное сообщество ГДР и ФРГ – отодвинула тогда на задний план предложения Коля о самоопределении. Прежде всего потому, что больше устраивала Европу. Как пишут Райс и Зеликоу, «в середине ноября казалось, что дело оборачивается против Коля и его игры, что самоопределение означает воссоединение. Предложение Модрова об общем пути двух германских государств ловко отодвинуло объединение в сторону»⁵².

В этой непростой обстановке президент Франции Миттеран пригласил в Париж руководителей 12-ти стран Европейского сообщества, чтобы обсудить положение в Германии. 18 ноября, открывая дискуссию, он прямо задал вопрос Колю о его намерениях, включая будущее европейских границ. Канцлер говорил 40 минут, но не сказал ничего нового. Повторял старые позиции, подчеркивал необходимость уважать самоопределение и утверждал, что нет необходимости обсуждать вопрос о границах – он, де, не стоит. Об объединении он вообще не говорил.

Тогда Тэтчер высказала озабоченность европейцев, заняв наиболее жесткую позицию. Она твердо вела линию на то, что «воссоединение не стоит в повестке дня». Хельсинкский Заключительный акт четко зафиксировал нерушимость европейских границ, включая границу между ФРГ и ГДР. Надо стремиться к утверждению европейских структур повсеместно в Европе, и лишь затем, возможно, встанет вопрос о воссоединении. Любой разговор об изменении границ или об объединении Германии, заявила она, подорвет положение Горбачева и откроет ящик Пандоры территориальных притязаний. «Я сказала, – пишет она в своих мемуарах, – что мы должны сохранить полностью как НАТО, так и Варшавский договор, чтобы создать основу для стабильности». И большинство выступавших поддержали ее, хотя и с разной степенью определенности⁵³.

В общем, на саммите Европейского сообщества, созванном уже 18 ноября в Париже, немцам ясно дали понять, что свои планы они должны тесно увязывать с европейской интеграцией, не торопиться и уважать сохраняющуюся четырехстороннюю ответственность за Германию. Это было почти открытым предупреждением Гельмуту Колю – не лезь. Европейские державы – Франция, Англия, не говоря уже о малых странах, – боятся, не хотят объединения Германии.

Оставались США.

(Окончание следует)

⁵² *Zelikow and Rice. Op. cit. P.111.*

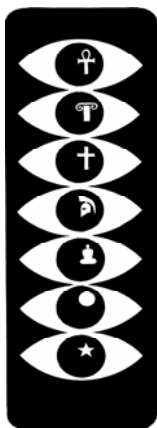
⁵³ *Teltschik H.T. Op. cit. P.32 – 34; Thatcher M. Op. cit. P.793 – 794;*

Значение индивида как руководителя не исчезает при господстве массы в аппарате; однако теперь совершается особый отбор среди тех, кто может быть таковым. Значительные люди отступают перед людьми дельными. Аппарат, обеспечивающий массовое существование, повсюду обслуживается и управляется людьми, сознание которыми этой деятельности служит фактором в достижении успеха. Господство и власть массы сохраняет свое воздействие в структурах, которые она обретает посредством организаций, большинства публики, общественного мнения и в фактическом поведении

больших скоплений людей. Но господство массы действительно лишь постольку, поскольку отдельный индивид поясняет ей, чего она хочет, и выступает в своих действиях от ее имени. Если в таком аппарате появляется руководитель, чья личность растворяется в его постоянном влиянии, то все-таки бывает нужен и такой руководитель, который как бы случайно именно в качестве этого индивида занимает именно это место. Силою обстоятельств он временно становится незаменимым.

Карл Ясперс

Валентина Марьина

ГЕОРГИ ДИМИТРОВ –
СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНИН.
1934–1945 годы

(по материалам дневника Г.Димитрова)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Bulgarian Communists Georgi Dimitrov was a Soviet citizen from 1934 to 1945. At I.V.Stalin's wish in 1935 Dimitrov took the position of the Communist International Executive Committee Secretary General. In his work Dimitrov constantly followed instructions given by the Soviet chiefs, first and foremost by Stalin. Dimitrov described in his Diary meetings and conversations with Stalin and other Soviet political figures. Entries attest Dimitrov's unconditional loyalty to the Kremlin leader and adoration Dimitrov felt toward Stalin. Diary also testifies Dimitrov's conviction in rightness of and commitment to the cause which he devoted his life to, in the messianic role of the Bolshevik party and the Soviet state. The article is based on materials of Dimitrov's Diary and other archive documents.

Путь наверх

Видный деятель болгарского и международного коммунистического движения Георги Димитров с 1934 по 1945 год являлся гражданином СССР. В течение пятнадцати лет (с 1933-го почти до самой своей кончины в 1949 году) он вел Дневник, который до недавнего времени хранился под грифом «строго секретно» в Центральном архиве ЦК Болгарской коммунистической партии и в силу этого вызывал неподдельный интерес исследователей. Желание узнать как можно больше о самом Г. Димитрове понятно. Он был вхож в кабинет И.В. Сталина, общался с различными советскими руководителями и деятелями международного коммунистического движения, являясь таким образом «носителем многих тайн» своего времени. Публикация Дневника¹ дала возможность пролить свет на личность и позиции самого Георгия Михайловича (так звали его в Москве) Димитрова, на советскую внешнюю политику 30–40-х годов и механизмы принятия Москвой тех или иных решений, на взаимоотношения Кремля и Коминтерна, на деятельность Отдела международной информации ЦК ВКП (б), взявшего на себя функции распущенного в 1943 году Коминтерна, и т.д.

Как же Димитров стал одним из людей в окружении Сталина? Биограф автора Дневника болгарский академик Илчо Димитров даже полагает, что в период пребывания Г. Димитрова в СССР он был шестым лицом в государстве после И.В. Сталина, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова, хотя роль его постепенно падала после начала Великой Отечественной войны (С.23). Объяснение его восхождения на «московский Олимп» кроется в биографии Димитрова. Его родители, беженцы из оставшейся под турецким игмом Македонии, обосновались в Софии. Георги, в 12 лет покинувший школу и ставший учеником наборщика, серьезно занимался самообразованием и начал рано участвовать в профсоюзной работе. В 20 лет он стал членом Болгарской рабочей социал-демократической партии, примыкая к ее левому

¹ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. – Димитров вел записи на русском, немецком и болгарском языках. Дневник издан в переводе на болгарский язык. Цитаты записей на русском языке даны в статье (особенности лексики сохранены, грамматические ошибки исправлены) по экземпляру, хранящемуся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Далее отсылки на Дневник даются в тексте.

крылу – «теснякам» во главе с Д.Благоевым. После Октябрьской революции (или, по мнению некоторых историков, переворота) 1917 года в России БРСДП («тесняки»), воспринявшая лозунги большевиков о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, стала именоваться Болгарской коммунистической партией («тесные социалисты») и вступила в III Коммунистический Интернационал. БКП активно участвовала в подготовке и проведении сентябрьского антифашистского восстания 1923 года в Болгарии, после подавления которого вследствие репрессий против коммунистов Г.Димитров вынужден был эмигрировать и вскоре оказался в СССР. На родине он заочно был осужден и приговорен к смерти.

Георги Димитров.
Конец 40-х годов.
(www.book-bq.com)

В 1924–1935 гг. Димитров был кандидатом в члены Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ), а в 1926–1935 гг. – кандидатом в члены Секретариата ИККИ. С 1929 по 1933 г. он руководил западноевропейским бюро КИ. Часто под псевдонимами *Гельмут*, *д-р Гедикер*, *Пауль* находился за границей, курсируя между Москвой, Веной и Берлином. 9 марта 1933 г. (именно с этого дня он начал вести Дневник) Димитров был арестован в Германии по обвинению в стремлении к насильственному изменению ее государственного строя, а конкретно – в поджоге Рейхстага как сигнале к началу восстания. Инсценированный главарями Третьего рейха Лейпцигский процесс (21 сентября–23 декабря 1933 г.) принес Димитрову, использовавшему трибуну суда для обличения германского

фашизма, всемирную известность. Оправданный под давлением мировой общественности по суду, он возвратился в Советский Союз, где продолжил работу в Коминтерне и получил советское гражданство. В 1935 г. Димитров стал Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна и пребывал на этом посту вплоть до роспуска этой организации (июнь 1943 г.). После создания Отдела международной информации ЦК ВКП (б) Димитров стал сначала его фактическим, а затем и формальным главой. С 1937 по 1945 г. он являлся депутатом Верховного Совета СССР (от Костромы). 4 ноября 1945 г. Димитров возвратился в Болгарию, где был избран депутатом Народного собрания и стал председателем Совета министров НРБ, а с конца 1948 г. – Генеральным секретарем ЦК БКП.

Из всего многообразия аспектов дневниковых записей Димитрова наиболее интересными, как представляется, являются записи о его встречах и беседах со Сталиным. Предваряя их описание, следует сказать об осторожности автора, который, безусловно, понимал, насколько опасно было в те времена оценивать и комментировать известные ему факты в личном дневнике, и поэтому давал их фактически без комментариев, излагая суть речей советских руководителей или полученных им указаний. Записи свидетельствуют о безусловной преданности Димитрова кремлевскому лидеру и преклонении перед ним, а также об убежденности хозяина Дневника в правоте дела, которому он посвятил жизнь, в мессианской роли партии большевиков и Советского государства. Беседы со Сталиным носили, как правило (так это выглядит в записях), характер монолога последнего с короткими репликами в виде согласия (в большинстве) или вопроса со стороны Димитрова. Все подготовленные им документы он направлял Сталину с просьбой высказать замечания и дать указания.

Возвратившийся в Москву в конце февраля 1934 г. Димитров уже 3 марта был приглашен на обед к Сталину. Там присутствовали В.М.Молотов, Л.М.Каганович, В.В.Куйбышев, Г.К.Орджоникидзе, а также представители ВКП (б) в ИККИ Д.З.Мануильский и В.Г.Кнорин (Кнориньш). Хозяин Кремля намеревался поближе познакомиться с Димитровым и использовать его имя, ставшее широко известным во время Лейпцигского процесса, в интересах руководимого из Москвы международного коммунистического движения. Димитров снова приступил к работе в Коминтерне и 3 апреля направил письмо Сталину, в котором говорилось: «По моему мнению, то, что мне удалось сделать в Лейпциге, является политическим капиталом, который следует использовать как можно более полно, рационально и своевременно» (С.98–99).

7 апреля Сталин снова пригласил Димитрова к себе. Состоялась продолжительная беседа (в присутствии Молотова), в которой затрагивались и тактико-теоретические вопросы рабочего движения на Западе. В частности, речь шла о парламентской демократии, о необходимости постепенного подвода европейского пролетариата к идее социалистической революции, о популярности социал-демократических и даже национал-социалистских идей среди рабочих. Обсуждался также вопрос о том, кто может и должен возглавить Коминтерн. Рассуждая об этом, Сталин говорил: «[О].Куусинен – хорош, но академик, М[ануильский] – агитатор, Кн[орин] – пропагандист». Димитров заметил: «Я думаю, что

Вы, как наш первый руководитель, все же несете ответственность за руководство Коминтерном, и вопреки тому, что Вы ужасно заняты, нужно, чтобы Вы принимали участие в решении важных вопросов». Сталин в ответ: «Ну, начните с несколькими товарищами, мы Вам будем помогать». Молотов предлагает прямо: «Вы видели врага в лицо. И после тюрьмы возьмите сегодня дело в свои руки». Димитров засомневался: «А как быть с моим советским гражданством? Не будет ли это определенным препятствием для моих заявлений?» Сталин: «Можете спокойно высказываться по всем вопросам, если это необходимо. Мы ведь не несем ответственности за действия каждого советского гражданина» (С.100–102). Видимо, уже тогда, более чем за год до VII конгресса Коминтерна, советское руководство склонно было решить вопрос о том, кто возглавит эту организацию, в пользу Димитрова.

Более знакомый с кремлевскими порядками Мануильский в беседе с Димитровым 25 апреля убеждал его, что разговор со Сталиным был не случаен, «имел большое политическое значение», и уговаривал Димитрова возглавить Коминтерн: «Мы в Коминтерне нуждаемся в "хозяине". История выдвинула Тебя вперед с Лейпцигского процесса. Ты очень популярен в массах. Твой голос имеет колоссальный резонанс. Необходимо, чтобы Ты взял руководство. Честное слово, я буду помогать Тебе на 120 %... У нас – ужасная рутина и бюрократизм. Я давно пытаюсь изменить это, но мне не хватает необходимого авторитета. А если и Тебе не удастся, тогда все останется по-старому. Необходим контакт со Сталиным. Тебе это будет легче. Он будет считаться с Тобой. Выздоровливай² и берись серьезно за работу» (С.103).

1 Мая 1934 г. Сталин во время демонстрации приглашает Димитрова подняться к нему на трибуну Мавзолея. Димитров просит найти возможность, чтобы «переговорить о работе Коминтерна». Сталин соглашается и спрашивает: «Когда хотите?» Димитров: «Когда Вам будет удобно. Я наблюдаю известную "растерянность" среди людей в Коминтерне». Сталин: «Ну, это не страшно. Все уладим» (С.104). 28 июня 1934 г. было принято постановление президиума ИККИ «О порядке дня VII конгресса Коминтерна». Димитрову поручалось сделать доклад «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». В письме в ЦК ВКП (б) и в ИККИ от 1 июля 1934 г. Димитров поставил ряд вопросов. Среди них:

² Димитров часто и подолгу болел, получая лечение в больницах и санаториях.

- о необходимости пересмотра оценки социал-демократии как социал-фашизма;
- о расширении политики единого фронта;
- о борьбе за единство профсоюзов;
- о ликвидации сектантско-догматических ошибок;
- об изменении методов работы и руководства Коминтерном, учитывая, «что невозможно руководить из Москвы по всем вопросам всеми 65 секциями Коминтерна, находящимися в самых разнообразных условиях»;
- о частичном «освежении кадров работников Коминтерна».

«Особенно необходима тесная связь руководства Коминтерна с Политбюро ВКП (б)», – заканчивал письмо Димитров. Тогда же была представлена и схема доклада Димитрова на VII конгрессе Коминтерна, где он был избран Генеральным секретарем ИККИ³.

Глава Коминтерна

В начале 30-х годов, когда самый разрушительный в истории капитализма мировой экономической кризис чрезвычайно обострил все общественные противоречия, фашизм с приходом к власти нацистов в Германии стал реальной международной опасностью. Чтобы противостоять ей, необходимо было единение всех мировых демократических сил, в чем был заинтересован тогда и Советский Союз. Новая стратегия и тактика, изложенная в докладе Димитрова на VII конгрессе Коминтерна, была, думается, в деталях согласована со Сталиным и одобрена им. Это логически следует из описанных выше взаимоотношений руководителей Коминтерна с хозяином Кремля. Как это всегда бывало в нужные моменты, Сталин-догматик отступил перед Сталиным-прагматиком для решения насущной задачи: создания широкого союза политических сил в борьбе против наступления фашизма. Антифашистская, демократическая революция и созданные в ее результате режимы должны были подготовить необходимые условия для перехода к следующему стратегическому этапу – социалистической революции. Г. Димитров, по выражению Илчо Димитрова, стал «символом и реализатором» новой линии Коминтерна, отражавшей изменение советского внешнеполитического курса (С.25).

³ VII Конгресс Коммунистического Интернационала в борьбе против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975. С.28–33.

Георги Димитров и И.В.Сталин.
Кремль 1936 г.
(bg.wikipedia.org)

Но вот парадокс. Взяв курс на сплочение всех политических сил в мире, способных противодействовать наступлению фашизма, Сталин развернул беспрецедентные репрессии против собственного народа, обвинив десятки тысяч людей в пособничестве фашизму, мировому империализму, в стремлении подорвать и развалить советский строй. В связи с этим интересны зафиксированные Димитровым впечатления Л.Фейхтвангера о процессе по делу троцкистско-зиновьевского «объединенного центра» (август 1936 г.). Встреча состоялась 18 декабря 1936 г. дома у главы Коминтерна и впечатления

даются без комментариев: «О процессе: 1. Непонятно, почему обвиняемые сделали такие преступления;

2. Непонятно, почему **все** обвиняемые **всё** признают, зная, что это будет стоить им жизни; 3. Непонятно, почему, кроме признаний обвиняемых, не приведено никаких доказательств; 4. Непонятно, почему такая строгая кара против политических противников, когда советский режим так могуч, что ему не могло угрожать ничего со стороны людей, сидящих в тюрьмах. Протоколы процесса небрежно составлены, полны противоречий, неубедительны. Процесс *ungeheuert* (чудовищно. – В.М.) проведен» (С.119). Скорее всего, эти оценки соответствовали впечатлениям от процесса самого Димитрова.

Репрессии не обошли стороной и Коминтерн. Позиция его Генерального секретаря в связи с этим в Дневнике отражена достаточно скупо. Здесь Димитров был очень осторожен. В целом, поддерживая кампанию против «врагов народа», Димитров касался этого вопроса конкретно, когда речь заходила о людях из его ближайшего окружения. При этом он иногда заступался за них (прежде всего, за болгар), большей же частью лишь констатировал факты арестов, а иногда и обосновывал необходимость репрессий обостряющейся «классовой борьбой». 11 февраля

1937 г., разговаривая в Большом театре со Сталиным о проекте постановления президиума ИККИ в связи с антитроцкистской кампанией, Димитров получил такие замечания: «1. Не учитывается, европейские рабочие думают, что все произошло из-за драки между мною и Троцким из-за плохого характера Сталина; 2. Надо указать, что эти люди боролись против Ленина, против партии при жизни Ленина; 3. Цитировать, что говорил Ленин об оппозиции: «Всякая оппозиция партии при советской власти, которая настаивает на своих ошибках, скатывается на белогвардейщину»; 4. Ссылка на стенограмму процесса. Цитировать показания обвиняемых; 5. Выставить их политику и работу на подготовку поражения Советского Союза. Постановление чепуховое. Вы все там в Коминтерне работаете на руку противника... не стоит делать постановления; постановление вещь обязательная. Лучше письмо к партиям...» (С.123). 17 февраля 1937 г. Димитров направил проект такого письма Сталину.

Как факт отмечается в Дневнике полученное от Сталина известие о раскрытии контрреволюционной деятельности в Коминтерне Х.Г.Раковского, И.А.Пятницкого, Б.Куна, то есть людей, которых Димитров достаточно хорошо знал. «С разъяснениями по вопросу о раскрытых фактах контрреволюционной деятельности (аресты и пр.) в ВКП (б) и Коминтерне надо еще подождать, – записано в Дневнике указание Сталина. – Не стоит давать по кусочкам информации. Кнорин – польский и немецкий шпион (давно и до последнего времени); Раковский – на службе Интеллидженс Сервис (английская разведка) еще до революции и до последнего времени; Пятницкий – троцкист. Все показывают на него...; Кун действовал с троцкистами против партии. По всей вероятности, замешан в шпионаже. Очень подозрительна его роль в подавлении венгерской революции». 26 мая после встречи с наркомом внутренних дел СССР Н.И.Ежовым Димитров записал его мнение: «крупнейшие шпионы работали в Коминтерне». После этого, 27 мая, короткая запись о проверке аппарата ИККИ (С.127). Следуя указаниям Сталина о борьбе за чистоту собственных рядов, ИККИ принял постановление о роспуске Польской коммунистической партии, руководство которой якобы попало в руки классовых врагов⁴.

Весьма подробно описан Димитровым обед у Ворошилова после демонстрации 7 ноября 1937 г. Один из тостов, произнесенных Стали-

⁴ В 1956 году это Постановление было признано необоснованным.

ным, касался деятельности русских царей, которые сделали «много плохого», но в то же время «одно хорошее дело – сколотили огромное государство – до Камчатки». Большевики получили его в наследство и сделали «единым и неделимым ... каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода! (Одобрительные возгласы: За великого Сталина!)».

Далее, судя по записи в Дневнике, Сталин продолжал «Я не кончил свой тост. Очень много говорится о великих вождях. Но дело не побеждает, если нет условий для этого. При этом – главное в средних кадрах – партийных, хозяйственных, военных. Они выбирают вождя, они разъясняют позиции массам, они обеспечивают успех дела. За эти средние кадры! Они не лезут, их не заметно». Димитров продолжил: «И за того, кто их вдохновляет, показывает им путь, их ведет – за товарища Сталина! ...Вы твердо и мудро продолжили его (Ленина. – *В.М.*) дело... Я не могу ничего прибавить к тому, что тов. Сталин сказал насчет беспощадной борьбы против врагов и насчет значения средних кадров. Это будет учтено в партии, и я сам сделаю все, что в моих силах, чтобы это было учтено и в рядах Коминтерна. Но я должен сказать... что величайшее счастье для социалистической революции и для международного пролетариата, что после Ленина товарищ Сталин продолжил его дело с такой непоколебимостью и гениальностью на всех крутых поворотах и обеспечил победу дела. Нельзя говорить о Ленине, не связывая его со Сталиным!» Сталин возразил: «Я очень уважаю товарища Димитрова. Мы друзья и останемся друзьями. Но я не согласен с ним. Он даже не помарксистски выразился. Для победы дела необходимы соответствующие условия, а вожди найдутся. Недостаточно показать только верный путь... Основное в средних кадрах. На это надо обратить внимание и никогда не забывать, что при других, равных условиях средние кадры

решают успех дела». Димитров зафиксировал и реплику Н.С.Хрущева: «У нас счастливое сочетание – и великий вождь, и средние кадры» (С.128–129).

Мир неотвратимо приближался к новой войне, о чем свидетельствовал захват Италией Эфиопии (Абиссинии), гитлеровский аншлюс Австрии, Мюнхен и последовавшее за ним через полгода расчленение Чехословакии. Кремлевские лидеры, видимо, полагали, что в обстановке усиливавшейся международной напряженности излишняя гласность в работе Коминтерна затруднит как внешнеполитическую деятельность СССР по организации коллективного отпора агрессорам, так и деятельность самой этой организации, секции которой были разбросаны по всему свету. После встречи со Сталиным и Молотовым 17 февраля 1938 г. Димитров записал в Дневнике: «реорганизация органов Коминтерна. Конгрессы, пленумы создавать полулегально (не печатать доклады, речи)».

24 августа 1938 г. Димитров получил разрешение (постановление Политбюро ЦК ВКП (б). – В.М.) на двухмесячный отпуск для лечения в Кисловодске. Находясь там, он внимательно следил за развитием событий в мире и особенно в Чехословакии. Так, в телеграмме, направленной в Москву 14 сентября 1938 г., Димитров писал: «По-видимому, путч генлейновцев⁵ является прелюдией к нападению на Чехословакию извне. Нам надо считаться с возможностью войны в ближайшее время и всячески усилить подготовку наших партий на этот случай». Мюнхенское соглашение Димитров оценил как «неслыханное предательство» (С.136, 141–142). В октябре он много внимания уделял конкретным указаниям компартии Чехословакии, касающимся ее действий в сложившейся ситуации, и высказывался за переправу руководящих деятелей КПЧ за границу: «Было бы безумием оставить эвентуально [К.]Готвальда заложником в руках реакции» (С.143–157).

Димитрова беспокоила и оценка Сталиным работы Коминтерна в это время, о чем свидетельствует его телеграмма Мануильскому и М.А.Москвину от 29 сентября: «Получили ли какие-то советы, указания, замечания со стороны тов. Сталина или товарищей из Политбюро насчет нашей работы в теперешней ситуации? Надеюсь, что вы информируете Сталина о важнейших мероприятиях, предпринимаемых нами».

⁵ Немецкая фашистская организация в Чехословакии, выступавшая за отторжение от нее и присоединение к Германии Судетской области.

Но, видимо, в отсутствие Димитрова никто из его аппарата не отважился выходить на прямую связь с советскими верхами, что следует из телеграммы, полученной им 30 сентября от Москвина: «До сих пор контакт по нашей работе в связи с ситуацией с Политбюро [ЦК ВКП (б)] мы не установили» (С.141–142).

В конце 1938 г. репрессии не ослабевали, продолжалась кадровая чистка и в аппарате ИККИ. 23 ноября Димитров записал в Дневнике: «М[осквина] пригласили в НКВД. Не вернулся!»⁶ На следующий день после его ареста Димитров на даче у Ежова получил следующее разъяснение: «М[осквин] был крепко связан со всей этой публикой. Поскольку он имел эти связи в последнее время, придется выяснить. Также не попал ли в ловушку какой-то иностранной разведки, которая давила на него, будет выяснено». 25 ноября Димитров принял дела Москвина, а вечером был у Л.П.Берии («Работали вместе с [А.Я.]Вышинским и [В.Н.]Меркуловым»⁷), рассматривая участь других сотрудников аппарата ИККИ: «Николаев – агент нескольких разведок; Волин – немецкий агент; [Л.М.]Полячек – польский шпион. Ряд случаев нужно пересмотреть. Выработать по поручению Сталина "новую инструкцию", инструмент насчет арестов». В тот же день Димитров написал письмо Сталину с просьбой как можно скорее пополнить делегацию ВКП (б) в ИККИ «новым товарищем» вместо Москвина: «арестованный враг народа несомненно много навредил в аппарате ИККИ, что теперь на ходу нужно безотлагательно исправить и перестраивать» (С.160). Димитров сетовал, что ему будет «не по силам продолжительное время» выполнять работу, за которую отвечал Москвин. Вместо «убывших» из аппарата ИККИ приходили новые сотрудники. 11 февраля 1939 г. Димитров записал: «В ЦК ВКП (б) ([А.А.]Андреев, [А.А.]Жданов, [Г.М.]Маленков) наметили необходимых для ИККИ людей» (С.166). Видимо, «сгущались тучи» и вокруг самого Димитрова. Во всяком случае, слухи на этот счет ходили, что следует и из Дневника (С.173).

⁶ М.А. Москвин (1883–1940), входивший в состав делегации ВКП (б) в ИККИ, был профессиональным разведчиком, являлся членом президиума и кандидатом в члены секретариата ИККИ. Он руководил службой связи, осуществлял надзор за Управлением делами ИККИ, занимался финансовыми вопросами.

⁷ А.Я.Вышинский – прокурор СССР. В.Н.Меркулов – зам. наркома внутренних дел, начальник Главного управления госбезопасности.

Но Генеральный секретарь ИККИ с его авторитетом в коммунистических кругах был пока необходим Сталину. Вождь ценил его как проводника нового курса Коминтерна и даже не стеснялся публично делать замечания своим соратникам, если они говорили что-то не так. Например, на обеде после демонстрации 7 ноября 1938 г. Сталин осадил Микояна, предложившего тост за Димитрова и пожелавшего, чтобы руководитель Коминтерна добивался, чтобы европейские рабочие «не только махали кулаками, но и научились сваливать этот кулак на врагов, на буржуазию». Сталин встрял: «Кто должен научиться? Микоян: Европейские рабочие. Сталин: Не совсем ясно» (С.158). Время всеобщего пролетарского штурма буржуазии тогда еще не настало, и Сталин своей репликой дал понять это.

В плане отношения Сталина к Димитрову примечательна также нарисованная в Дневнике картина встречи в Кремле 26 апреля 1939 г., во время которой обсуждалось первомайское воззвание КИ. Кроме Сталина и Димитрова, присутствовали Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Жданов.

На вопрос Сталина, видел ли Димитров текст возвания, тот ответил, что в последней редакции – нет, но что это – плод коллективного творчества, а Мануильский – главный редактор. Сталин обратил внимание на восхваляющие его места возвания («Да здравствует наш Сталин! Сталин – это мир! Сталин – это коммунизм! Сталин – наша победа!») и заметил: «Мануильский – подхалим! Он был троцкистом! Мы его критиковали, что он, когда шла чистка троцкистских бандитов, он молчал, не выступал, а он начал подхалимничать. Это что-то подозрительно! Его статья в "Правде" "Сталин и мировое коммунистическое движение" вредная, провокационная статья».

Включился Молотов: «Да, провокационная статья, опубликованная как раз в момент, когда ведем переговоры с Англией».

На вопрос Сталина, знает ли Димитров о статье, тот ответил утвердительно и добавил: «Он (Мануильский. – В.М.) хотел дать и полемическую часть против статьи Куусинена в "Правде" о 20-летию Коминтерна, на что я противопоставился, и он ее выкинул. Он считал, что статья Куусинена политически неправильна, потому что выдвигает роль Димитрова на VII конгрессе Коминтерна (поставил новые задачи)».

Сталин заметил: «Кто пишет о Димитрове – значит оппортунист, кто замалчивает – не оппортунист! Хорошее дело! Куусинен куда честнее Мануильского. Мы знаем Мануильского! Он человек настроения. От

одной крайности метается в другую крайность. Ветрогон! Он Вас "оседлал"»).

Димитров: «Не то что "оседлал", но он пользуется моей болезнью, тем, что я не в состоянии быть как нужно на своем посту». Сталин: «Да, он умет закручивать и интриговать». Димитров: «Он оставляет впечатление, что действует согласованно с ЦК ВКП(б)».

Сталин: «Какое тут согласование с ЦК? Вы его держите в руках! Не давайте ему волю! Он может напортить! После 1-го Мая подумаем послать в Коминтерн и другого нашего товарища!».

Димитров: «Мы просим Вашего мнения о поднятых нами французских вопросах».

Сталин: «Мы теперь очень заняты. Решайте эти вопросы сами. (Шутя) – Вы ведь, Димитров, "председатель Коминтерна". Мы – только секция Коминтерна».

«Иосиф Виссарионович, – записал Димитров, – не согласился оставить в воззвании "под знаменем Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина", а только "Маркса–Энгельса–Ленина"». На это Димитров заметил, что первая формулировка была опубликована в лозунгах ЦК ВКП(б) к 1 Мая. Сталин: «Это не вопрос престижа, а принципиальный вопрос. Лозунги – это наше "национальное дело". И тут мы просмотрели, не нужно было так писать! А воззвание – интернациональное – здесь нужно сказать точнее!» (С.171–172).

Рассказывая о параде и демонстрации на Красной площади 1 Мая, Димитров с удовлетворением отмечает, что наряду с портретами членов Политбюро был и его портрет, а в числе лозунгов – «Да здравствует рулевой Коминтерна Димитров!». «Полностью ликвидированы различные слухи о Димитрове – здесь и за границей!» – с облегчением подчеркивает автор (С.173).

Смена курса и лозунгов

Выше уже говорилось, что Димитров избегал оценок и эмоций по поводу политики советского государства. Ничего подобного нет в Дневнике и в связи с заключением 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Хотя на заседании Секретариата ИККИ 22 августа 1939 г.⁸, обсудившего вопрос «Об антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и

⁸ Присутствовали Готвальд, Димитров, Куусинен, Мануильский, А.Марти, В.Флорин.

Германией», подчеркивалось: «Своей готовностью заключить с Германией пакт о ненападении СССР... действует в защиту всеобщего мира»⁹. В плане констатации подается в Дневнике и агрессия Германии против Польши. Зато развернуто излагается оценка случившегося, данная Сталиным 7 сентября во время встречи с Димитровым в Кремле в присутствии Молотова и Жданова. Указания, как действовать в сложившейся обстановке, были получены, и на основании этой беседы 8 сентября была выработана директива Секретариата ИККИ компартиям об отношении к начавшейся войне (С.88–89). Литературно обработанная и стилизованная в духе документов Коминтерна директива по сути отражала сказанное Сталиным, но в беседе эти мысли были изложены в более свободной форме. Поэтому приведем запись беседы так, как это выглядело в Дневнике Димитрова.

«Сталин: Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.п.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Не плохо, если руками Германии было [бы] расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. Позиция коммунистов у власти иная, чем коммунистов в оппозиции. Мы хозяева у себя дома. Коммунисты в капиталистических странах – в оппозиции, там буржуазия хозяин. Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в известной степени помогает Германии. В следующий момент подталкиваем другую сторону.

Коммунисты капиталистических стран должны решительно выступить против своих правительств, против войны. До войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильно.

Во время войны между империалистическими державами это уже неправильно. Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл. Война вызвала коренной перелом. Единый народный фронт вчерашнего дня был для облегчения положения рабов при капиталистическом режиме. В условиях империалистической войны поставлен вопрос об уничтожении рабства!

⁹ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С.69.*

Стоять сегодня на позициях вчерашнего дня (единый народный фронт, единство нации) означает скатываться на позиции буржуазии. Этот лозунг снимается.

Польское государство раньше (в истории) было национальным государством. Поэтому революционеры защищали его против раздела и порабощения.

Сегодня фашистское государство угнетает украинцев, белорусов и т.д. Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население.

Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и, тем более, ничего не получая! Ничего!

Надо сказать рабочему классу:

Война идет за господство над миром. Воюют хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы. Эта война ничего не даст рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений. Выступить решительно против войны и ее виновников. Разоблачать нейтралитет, буржуазную нейтральность стран, которые, объявив о собственном нейтралитете, поддерживают войну других государств в целях наживы. Необходимо подготовить и опубликовать тезисы ИККИ» (С.181–182)¹⁰.

С 19 по 27 сентября Димитров вместе с другими членами Исполкома Коминтерна работал над Тезисами ИККИ о войне и задачах коммунистов. Сталин нетерпелив и торопит, о чем свидетельствовал звонок Жданова со сталинской дачи 24 сентября: «За это время товарищ Сталин написал бы целую книгу». 27 сентября проект Тезисов¹¹ был направлен Сталину, Молотову и Жданову (С.183), однако Тезисы так и не были ни разосланы компартиям, ни опубликованы. На их основе Димитров подготовил статью «Война и рабочий класс в капиталистических странах», которая 16–17 октября была направлена Сталину и Жданову. 24 октября Жданов позвонил Димитрову по поводу этой статьи:

¹⁰ См. также: Фирсов Ф.И. Коминтерн: опыт, традиции, уроки – нерешенные задачи исследования // Коминтерн: опыт, традиции, уроки. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989. С.21–22.

¹¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.108–120.

«Говорил с т.Сталиным, он читал статью, правил ее. Статья хорошая. Сегодня ночью [он] хотел вместе с Вами просмотреть исправления, но у него не было текста статьи. Сказал – он Вам позвонит» (С.183–184).

25 октября в Кремле состоялся разговор Димитрова со Сталиным и Ждановым по поводу статьи. Димитров так записал полученные указания:

«1. Не забегать вперед. Не все лозунги сразу ставить. Надо выдвигать лозунги, соответствующие данному этапу войны. Надо ставить лозунги, которые назрели, понятные и восприимчивые для масс. Надо постепенно подводить массы к революционным лозунгам. Надо выдвигать лозунги, которые помогли бы массам отколоться от социал-демократических лидеров!

2. Пока главное – негативные лозунги!

Долой империалистическую войну! Прекращение войны, прекращение кровопролития! Прогнать правительства, которые за войну! (Мы не будем выступать против правительств, которые за мир!) Ставить сейчас вопрос о мире на основе уничтожения капитала – значит помогать Чемберлену, поджигателям войны. Значит изолировать себя от масс!

В первую империалистическую войну у большевиков была переоценка ситуации! Мы все забежали вперед, делали ошибки! Это можно объяснить тогдашними условиями, но нельзя оправдать! Нельзя теперь копировать тогдашние позиции большевиков. С тех пор чему-то научились, умнее стали! Надо также учитывать, что теперь обстановка другая – тогда коммунисты нигде не были у власти. Теперь – Советский Союз!

Коммунистические партии должны быть не пропагандистскими группами, а политическими партиями рабочего класса. Сегодня – не время для теорий! Необходима мобилизация масс на борьбу. Мы думаем, что в пактах взаимопомощи (Эстония, Литва, Латвия) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают» (С.184–185).

Димитров доработал статью и 29 октября направил ее Сталину и Жданову. 31 октября Жданов сообщил мнение Сталина: «Можете ее печатать». 3 ноября Димитров передал статью в журналы «Коммунистический Интернационал»¹² и «Большевик».

¹² Димитров Г. Война и рабочий класс // Коммунистический интернационал. 1939. №8–9.

7 ноября Димитров на Красной площади и опять с удовлетворением констатирует, что среди прочих демонстранты несли и его портрет. Затем обед у Сталина, на котором присутствовали Каганович, Молотов, Андреев, Микоян, Буденный, Кулик, Димитров. Сталин, согласно записи Димитрова, заявил: «Лозунг "Соединенных Штатов Европы" был ошибочный. Владимир Ильич спохватился и снял лозунг... Я считаю, что лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую (в первую империалистическую войну) подходил только для России, где рабочие были связаны с крестьянами и в условиях царизма могли идти на штурм против буржуазии. Для европейских стран этот лозунг не был подходящим, так как там рабочие получили от буржуазии некоторые демократические реформы и цеплялись за них, не были готовы пойти на гражданскую войну (революцию) против буржуазии. (Иначе нужно было подойти к европейским рабочим.) Надо было учесть эти особенности европейского рабочего и иначе поставить вопрос, другие лозунги для них выдвинуть» (С.185).

Советско-финская война воспринималась Димитровым, по-видимому, как справедливая акция со стороны СССР. Во всяком случае, ни оценки ее начала, ни каких-либо комментариев по этому поводу Дневник не содержит. Констатируется только посещение Сталина О.Куусиненом 10 ноября, создание народного правительства во главе с ним и установление дипломатических отношений СССР с этим правительством (С.185). Приближалось 60-летие со дня рождения Сталина. 12–19 декабря Димитров работал над статьей, посвященной этому событию, а 20 декабря провел заседание секретариата ИККИ, принявшего приветствие вождю. 21 декабря Димитров – участник «дружеского вечера» в Кремле, продолжавшегося до 8 часов утра. «Незабываемый вечер», – констатирует Димитров. Он перечисляет присутствовавших и произнесенные тосты, в том числе Сталиным: за летчиков, за танкистов, за рабочих, за крестьян, за интеллигенцию, за молодежь и т.д.; записывает слова Молотова: «Сталин превзошел Ленина». А через день выделяет фразу из выступления Е.Ярославского на торжественном собрании ВЛКСМ, посвященном 60-летию Сталина: «Нельзя быть марксистом, и не быть ленинцем, нельзя быть ленинцем, и не быть сталинцем». 24 декабря Димитров переписывает в Дневник опубликованные «Правдой» ответы Сталина на присланные ему поздравления Гитлера и Риббентропа. В ответе последнему значилось: «Дружба народов Германии

и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» (С.187).

Все сколько-нибудь значащие документы, исходящие из ИККИ, Димитров направлял в Кремль. В частности, 7 января 1940 г. Димитров и Мануильский «ввиду особой сложности и важности вопроса» просили у Сталина совета и указаний относительно новой Политической платформы компартии Германии¹³. 13 января Молотов получил от Димитрова аналогичное письмо, в котором тактическая позиция КПГ оценивалась как правильная¹⁴. 21 января на вечере в Большом театре, посвященном 16 годовщине со дня смерти Ленина, Молотов в разговоре с Димитровым по поводу документа о тактике компартии Германии заметил: «Да, обратил внимание. Вы не решаетесь назвать войну империалистической со стороны Германии. Надо обменяться мнениями по тактике германской партии». Сталин же сказал: «Мировая революция как единый акт – ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии – это также дело мировой революции». Произнесенный им тост (в соседнем с ложей помещении накрывался стол), по свидетельству Дневника, был посвящен Красной Армии, ведущей тяжелые бои в Финляндии: «За бойцов Красной Армии, которую недостаточно подготовили, плохо одели и обули ...которая борется за свою честь – в некоторой степени подмоченную, – борется за свою славу!».

Сталин не любил, когда ему сообщали неприятные вещи, и свои негативные эмоции тут же выплескивал на собеседника. «Пришел Кулик, информирует о неприятном», – записал Димитров. Последовала реакция Сталина: «Вы впадаете в панику. Я вам pošлю книгу [Г.И.]Челпанова об основах психологии. Греческие жрецы были умные люди, когда они получали тревожную информацию – шли в баню, выкупались, вымывались и тогда оценивали события и принимали решения. Человек получает через свои органы разные впечатления и ощущения и всякое г... Есть задерживающие центры (эти центры у Кулика слабы). Нужно отбросить всю дрянь и решать на основании основных фактов, а не под влиянием моментных настроений и страшных несуществующих вещей» (С.188–189).

Состояние советских вооруженных сил в это время, естественно, находилось в центре внимания советского руководства. 26–28 марта

¹³ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.218–236, 239.*

¹⁴ *Там же. С.237.*

1940 г. занимался этим вопросом и Пленум ЦК ВКП (б), на котором присутствовал и Димитров. Помимо доклада Молотова о внешней политике на пленуме был заслушан и доклад Ворошилова об уроках войны с Финляндией, который по тем временам был достаточно самокритичен. В нем, судя по записям Димитрова, отмечались незнание фактического положения дел в Финляндии, наша неподготовленность к такой войне, слабость части командного состава Красной Армии, плохая ее экипировка. Были приведены цифры «наших» потерь: 233 тыс., в том числе 52 тыс. убитых, и потерь Финляндии: 70 тыс. убитых и 200 тыс. раненых. Ворошилов подчеркивал необходимость иметь кадровую армию, прекратить текучку командного состава, улучшить работу железнодорожного транспорта, изучить укрепления линии Маннергейма.

По докладу наркома обороны развернулась оживленная дискуссия. Резко критически выступили его заместители Л.З.Мехлис, Е.А.Щаденко, Кулик. Димитров записал: «Нападают на народного комиссара и Генеральный штаб. Утверждают: неправильная информация о силах и обороноспособности противника, о его укреплениях, базах и территории – это основные ошибки в финской войне». В защиту своего старого, верного друга выступил Сталин, который посчитал доклад необычно самокритичным и говорил об исправлении ошибок и преодолении недостатков. В частности, он сказал: «Мы поставим на колени не только белофиннов, но и их учителей – французов, англичан, итальянцев, немцев!» (С.191–192)¹⁵.

Далее – до 15 сентября 1940 г. – перерыв в записях, связанный с отсутствием (потерей) части Дневника. В каком направлении велась в эти месяцы работа ИККИ и его Генерального секретаря, можно восстановить по ныне опубликованным документам Коминтерна. Остановимся на некоторых из них. 14 марта, например, были приняты директивы о работе КП Венгрии на Закарпатской Украине. Следует отметить, что эта область, с 1918 г. входившая в состав Чехословакии под названием Подкарпатская Русь и оккупированная Венгрией в марте 1939 г., в документах Коминтерна всегда именовалась Закарпатской Украиной, а ее население – украинцами, что не вызывало возражений советских вер-

¹⁵ Интересно отметить, что в конце марта 1940 года в распоряжение Димитрова была передана дача арестованного наркома внутренних дел Н.И.Ежова, который к тому времени сам был объявлен «врагом народа». Ранее Димитров с семьей жил на бывшей даче Молотова в Межерино.

хов. В директивах отмечалось, что освобождение Западной Украины Красной Армией «потрясло до основ Закарпатскую Украину и пробудило в народных массах светлые надежды на их освобождение от ярма венгерских господствующих классов», что «народ Закарпатской Украины жаждет присоединения к Советскому Союзу» и что там очень популярны идеи коммунизма. Компартия Закарпатья упрекалась в том, что не смогла организовать массы на борьбу против угнетателей и эксплуататоров, что многие ее кадры дезертировали, перейдя венгеро-советскую границу. ИККИ рекомендовал «вести пропаганду за право национального самоопределения, включая и право на отделение»¹⁶. Эта позиция Коминтерна оставалась неизменной вплоть до его роспуска и в целом отражала настроения советского руководства на завершающем этапе войны¹⁷.

Было подготовлено отредактированное Ждановым первомайское воззвание Коминтерна, в котором, несмотря на вышеозначенное «недовольство» Сталина этим, рабочие призывались встать «под великое знамя Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина» (выделено. – *В.М.*), чтобы одержать победу. В мае Димитров вел переписку со Сталиным и Молотовым, прося разъяснить, «возможно и целесообразно ли с точки зрения балканской политики Советского правительства ставить в настоящий момент вопрос о заключении пакта взаимопомощи между Болгарией и СССР, как это делает болгарская компартия»¹⁸.

В связи с оккупацией части Франции германскими войсками и капитуляцией французского правительства с советским руководством обсуждались вопросы о деятельности французской компартии в новых условиях¹⁹. ИККИ оказывал всяческое содействие советским акциям в отношении Бессарабии и Северной Буковины, давал рекомендации компартиям Италии (после объявления ею войны Англии и Франции) и Финляндии (после прекращения советско-финской войны). Все это строго согласовывалось с позицией Кремля по соответствующим вопросам. На заседании секретариата ИККИ 17 июля 1940 г. было принято решение: «Все докладчики обязаны в своих выступлениях держаться в

¹⁶ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.299–303.*

¹⁷ *См. подробнее: Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.*

¹⁸ *Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.332–339, 343.*

¹⁹ *Там же. С.357–365, 371–373, 394–396, 401–411.*

рамках официальных документов ВКП (б) и принятых политических установок, строго воздерживаясь делать собственные, безответственные заявления и прогнозы»²⁰.

3 сентября Политбюро за подписью секретаря ЦК Сталина разрешило Димитрову полуторамесячный отпуск для лечения в Сочи, куда он и уехал 22 сентября. Пребывая там, Димитров находился в постоянной связи с Москвой и следил за изменениями в международной обстановке. 28 сентября он так комментировал заключение Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией, которые договорились о разделе мира на сферы влияния: «Исключительное значение. Дальнейшее расширение войны до мировой войны», а 28 октября фиксирует получение указания от ЦК ВКП (б): «В этом году²¹ не рекомендуется выступление с воззванием ИККИ. Вместо воззвания – статья!» (С.194, 199). Мотивировка такой рекомендации отсутствовала. Известно, что проект воззвания был подготовлен Мануильским и направлен Сталину, Молотову и Жданову с просьбой дать советы и указания. «Мы старались обойти в связи с международной обстановкой острые вопросы, которые могли бы быть использованы буржуазной прессой за границей» (С.199)²². Видимо, в преддверии поездки Молотова в Берлин (она состоялась 12–13 ноября 1940 г.) советские лидеры сочли нецелесообразным лишний раз афишировать деятельность Коминтерна и проводимую им политику.

К празднику Димитров возвратился в Москву и 7 ноября присутствовал на обеде у Сталина. Вероятно, на обеде не было ничего необычного, кроме сцены, описанной Димитровым. Когда уже все собрались уходить, Сталин взял слово и очень жестко заявил о том, что никто не хочет учиться, «работать над собой», что он сам должен заниматься всеми вопросами: «Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения (вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит. Я пью за тех коммунистов, за тех большевиков – партийных и беспартийных (беспартийные большевики обычно менее самодовольны), которые понимают, что надо учиться и переучиваться». «Все стояли напряженно, – продолжает Димитров, – и слушали молчаливо, видимо, никак не ожидая от Иосифа Виссарионо-

²⁰ Там же. С.393.

²¹ Речь шла о 23-й годовщине Октябрьской революции.

²² Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.443–452.

вича таких Leviten²³. В глазах Ворошилова показались слезы. Во время своего выступления Иосиф Виссарионович особенно обращался к Кагановичу и Берии. Никогда я не видел и не слышал Иосифа Виссарионовича таким, как в этот вечер. Памятный вечер» (С.200–201).

25 ноября, т.е. после поездки Молотова в Берлин, Димитров встретился с ним, а затем со Сталиным. «Мы ведем курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах и эту работу, не крича об этом, хотим еще более усилить. Не помешает ли это советской политике?» – спросил руководитель Коминтерна у наркома иностранных дел. «Конечно, это надо делать, – ответил тот. – Мы не были бы коммунисты, если не вели бы такой курс. Только делать это надо бесшумно» (С.202). Сталин же заметил: «Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения» (С.202–203).

(Окончание следует)

²³ «Отчитывать», «журишь» (немецкий яз.).

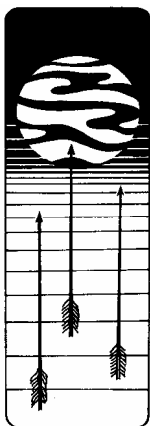
Вот вечный источник искусства: образ, представший человеку, хочет стать через него произведением. Этот образ – не порождение души его, но то, что явилось пред ним, подступило к нему и взыскует его созидающей силы. Здесь все зависит от сущностного деяния человека: если он осуществит его, если изречет всем существом основное слово явившемуся образу, то изольется поток созидающей силы, возникнет произведение. <...>

Завершенное произведение есть вещь среди вещей, как сумма свойств, оно доступно объективному опыту и поддается описанию. Но тому, кто созерцает, восприемля и зачиная, оно вновь и вновь может предстать телесно.

Мартин Бубер

Андрей Каравашкин

СТРОГОЕ ТВОРЧЕСТВО

О ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ
АЛЕКСАНДРА АЙЗЕНШТАТА

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

The review is devoted to creative works of Alexander Aizenstat, a contemporary artist from Jerusalem. Every visitor of his exhibition will see a spontaneous narrative, a meta-story of a nation's destine, of spiritual life secrets as well as of what is close not just to the artist's milieu but what is in consonance with the destiny of the Motherland, the country the artist is connected to by his biography, by his creative work and by his religious activities. However there is no need to indulge in interpretation, second-guessing, play of imagination and to transform associations into a well-thought-out scheme. As it is the case with any authentic creative work Aizenstat's pictures demand an explanation but at the same time they are elusive for description with the subsequent interpretation of images' meaning. Let what is expressed by the language of painting be the property of the pictorial arts. Any translation, any verbalization will not help to a spectator because Aizenstat's works, despite their intimate connection with the Jewish tradition, do not put a claim to be just an encyclopedia of symbols. The author of the review writes about religious and moral panhuman intentions of the artist whose creative work is formed by belonging to the supreme spiritual intentions of the traditional culture.

Встреча с подлинным искусством всегда неожиданна. Она сродни озарению, мгновенной вспышке интуитивного прозрения.

Исходящая из глубин духа, эта подлинность отмечена необратимой силой и полнотой энергичного вызова, которые нельзя взять взаймы. Творческий порыв не возникает намеренно, его невозможно запланировать. Или он дан тебе, или его нет.

Наверное, в жизни Александра Айзенштата, художника из Иерусалима, было много событий, которые так или иначе могли повлиять на его выбор, увести в сторону от предначертанной ему стези живописца. Тем более что это призвание не единственное и, может быть, не самое главное в его жизни. Когда что-то не удается, когда творческая энергия, подобно ручью в знойное время, мелеет, становится скудной и тает на глазах, нет ничего более обыденного и психологически понятного, чем ссылки на неблагоприятные обстоятельства ...

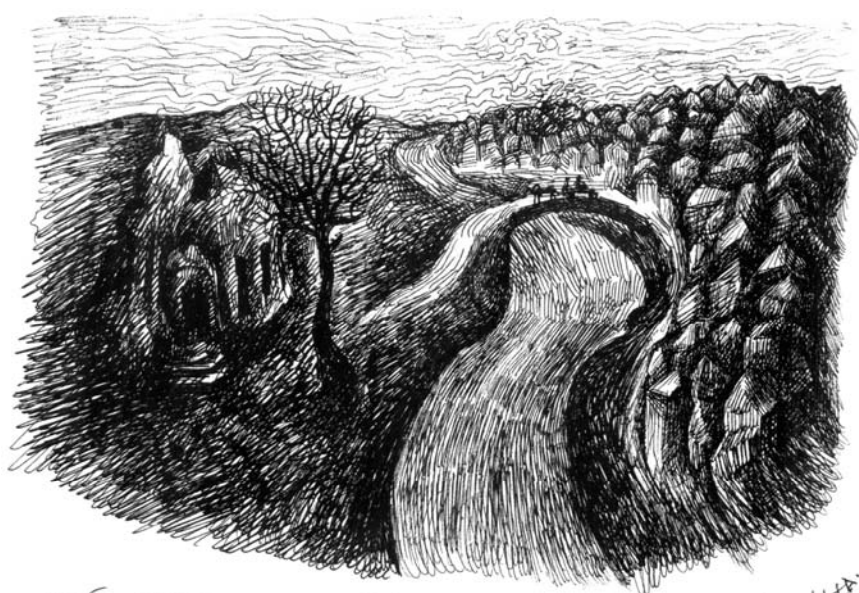
Как часто мы слышим похожие жалобы, и как часто они служат подтверждением того, что дар не был даром, а будущность, о которой много говорилось, вовсе не оправдала себя...

В случае с Александром Айзенштатом все наоборот. Это состоявшаяся жизнь, не черновик, не подготовительный набросок, а твердая осуществившаяся идея. Источник ее – в самобытной личности, которая прежде обрела четкие нравственные, духовные контуры. В этом залог творческой силы художника, хотя в его настоящем нет ни шумного успеха, ни суеты, ни рекламы, ни назойливых самопрезентаций.

Александр учился в мастерской художника Скульского. В 1974 году уехал из России. Он гражданин Франции, живущий в Иерусалиме и работающий в Москве в еврейской духовной академии. В Интернете можно познакомиться с первыми отзывами о его полотнах. Их сравнивают то с произведениями Мунка, то с живописью Давида Штеренберга. Отмечают явную традиционность его творчества, сориентированного на еврейскую школу живописи.

С картинами Айзенштата московская публика познакомилась совсем недавно (первая выставка состоялась в Музейном центре Российского государственного гуманитарного университета в сентябре 2006 года). Мне трудно припомнить более неожиданную встречу с художником, который сознательно не хочет и, думаю, ни при каких обстоятельствах не станет говорить о себе прилюдно.

Однако он явно привлекает внимание зрителей тем, что в его руке оказывается не только молитвенник, но и кисть как важнейшее средство общения с внешним миром.

май 2005

„Старая синагога за рекой Айзенштата“

Старая синагога за рекой. 2006, бумага, перо, тушь, 17,7x12,7.

Тот внутренний монолог, который он ведет в мастерской своего художественного Я, неведом никому и не запланирован заранее, но подобен потоку образов, не хаотичных, но спаянных в сложные взаимоотношения отдельных сюжетов, внутри которых живут ощущения еще не раскрывшегося полностью, но уже угаданного художественного смысла.

Конечно, перед каждым, кто придет на выставку работ Айзенштата, предстанет стихийное повествование, метарассказ и о судьбе народа, и о тайнах духовной жизни, и о том, что близко не только окружению автора, но и созвучно судьбе России, той страны, с которой живописца связывает и биография, и творчество, и религиозная деятельность. Впрочем, меньше всего следовало бы увлекаться интерпретаторством, домысливанием, игрой воображения, искусственно превращая ассоциации в продуманную схему. Как всякое подлинное творчество, картины Айзенштата побуждают к объяснению, но в то же время неуловимы для описания с последующим толкованием

смысла образов. Пусть то, что высказано на языке живописи, останется ее собственным достоянием. Любой перевод, любая вербализация не помогут зрителю, поскольку работы Айзенштата, несмотря на свою тесную связь с еврейской традицией, не претендуют на то, чтобы быть энциклопедией символов.

В картинах художника меньше всего трансляции культурного опыта, реалистического историзма, бытового и жанрового натурализма, которым так грешат некоторые национальные школы живописи и который так часто ограничивается пафосом этнографического собирательства. В работах Айзенштата больше искусства, чем поисков идентичности. Отчего это происходит? Может быть, автору и не требуется публичное самоутверждение? То, о чем думает художник и что составляет достояние его внутренней жизни, не высказано, остается уделом личных переживаний и не навязывается публике. И в то же время именно эта цельность и религиозная устремленность мастера сделали возможным подобное искусство. О том, что оно значит как явление современного мира, стоило бы поразмыслить особо.

Первое, что чувствуешь, глядя на пейзажи, натюрморты, жанровые сцены, композиции символов на полотнах Айзенштата, это непосредственность и намеренная аскетичность живописи. Чрезвычайно важны не только сами изображения, но и те границы (рама картины, поля графических работ), в которых предметы не разлетаются в стороны, не распадаются в хаосе какого-то причудливого движения, но именно собираются в фокусе направленного взгляда.

Вещи соотносятся с вещами, как идеи с идеями, они или движутся навстречу друг другу («Натюрморт с самоваром», «Два начала»), или переплетаются («Красные цветы», «Цветочная лавка», «Дерево во дворе», «Двое в городе», «Дерево в переулке»), или скользят друг над другом («Голубь, домик и ворон», «Ворон и воронок»), или заключают друг друга («Триптих: рыба, бык и птица»).

Сосредоточенность на конкретном и вещном приводит художника к тайне метафизического присутствия. Отказ от этого принципа во многом определяет современное постмодернистское творчество.

Словно игнорируя разнообразие и пестроту мира, автор постоянно возвращается к излюбленным темам (трапеза, чаепитие, смиренное одиночество гостя за столом) и тем самым еще больше подчеркивает материальность и весомость, жизненную поэтичность простейших предметов, постоянно соотнося вещи с тем смыслом, который предшествует им. Он сам приоткрывает стихийную природу своего искусства:

«В некоторых моих работах повторяются те же самые предметы, или дома, или что-то другое. Обычно процесс проходит так. Я ищу какие-то сюжеты опять же в воображении, которые должны лечь в одно русло с некоей внутренней идеей. Обычно это идея неопределенного свойства. Она или цветовая или же философско-жизненная. Часто вместе и то и другое. Потом, найдя этот сюжет, я проверяю, насколько он подходит для этой темы. Наблюдая какие-то предметы в реальности, я тоже пытаюсь примерить их для этой цели. Иногда какой-то обобщенный образ этих предметов подходит, иногда он повторяется в нескольких работах»¹.

Смысл человечен: живописец или изображает людей как часть целого, или намекает на их постоянное присутствие. Непременными метафорами-символами натюрмортов (излюбленный жанр художника) становятся сложный рисунок то переплетающихся, то обращенных друг к другу рук («Баланда», «Пир в зоне», «Субботний стол»), раскрытая ладонь («Летняя ночь»), перчатки («Частная собственность»), лица («В поезде № 2»), согбенные фигуры («Ребе кушает рыбу», «После еды»), контуры идущих людей («Дачный стол», «Вид из окна», «Человек за чашкой кофе», «Молодой человек»). Отсюда и столь зыбкие жанровые границы некоторых полотен, представляющих своеобразный синтез натюрморта, пейзажа, портрета, аллегории. С этой точки зрения показательна картина «Партия в шахматы», в которой к тому же техника живописи на холсте приближается к графическому эффекту рисунка тушью.

Частью тонкой поэтической системы становится, безусловно, развернутая идея ожидания, итогов пути, предстоящего великого часа, когда станет явной тайна предназначения каждого человека.

Во многих картинах присутствует эта тема финала, завершения, исчерпанности, развязки: застывшая как бы в оцепенении пожилая пара; яркий закат, служащий фоном роскошных букетов; цветы, стебли которых оказываются в тисках садовых ножниц; созревшие и разрезанные фрукты; письмо, в котором, может быть, говорится о свершившемся и самом главном; тишина улицы и приветливо ожидающий свет окон; не знающие надежды лица заключенных; разделенный светом и тенью, обезображенный пустой глазницей лик еретика; старик, созерцающий хитросплетения древа жизни.

¹ Из беседы А.Юрганова с Александром Айзенштамом. (См.: Александр Айзенштам. Живопись, графика. М., 2006. С.7).

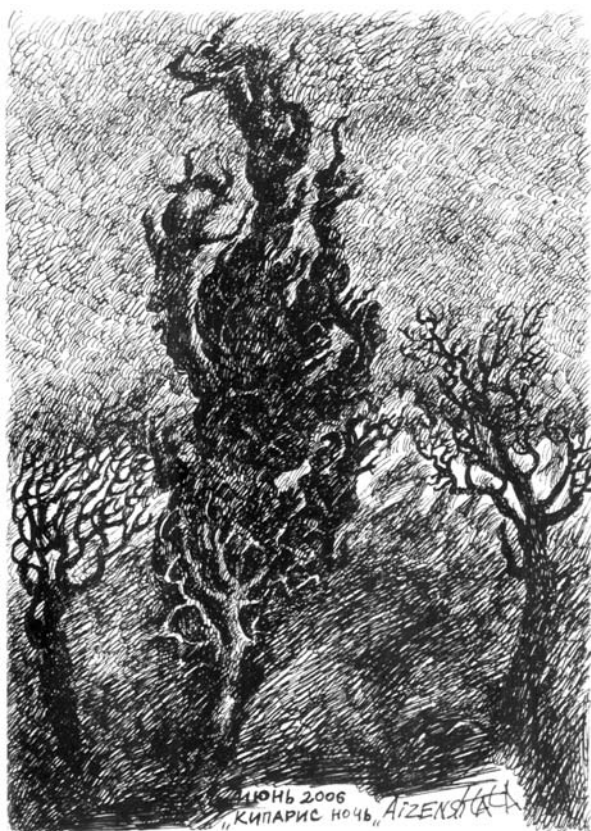
май 2006.

Частная собственность Афанасьева

Частная собственность. 2006, бумага, перо, тушь, 17,7x12,7.

Полнота бытия соединилась с неизбывной грустью, которая, не превращаясь в тоску и отчаяние, свидетельствует, скорее, о личной ответственности и о серьезности проходящей, но не суетной жизни.

Одиночество торговца, женщины в лавке, дерева во дворе, заключенных людей, птицы, клюющей под ногами у прохожих хлеб, одиночество молитвенное и одиночество мирское («Сумасшедший сын») – все это лишь разные ступени иерархии предстояния низшего высшему, но без него невозможно дальнейшее постижение и раскрытие новых горизонтов предданного смысла.

Кипарис ночью. 2006, бумага, перо, тушь, 17,7x12,7.

Чуждое притворству и фантазийным галлюцинациям творчество Айзенштата нарочито плоско, и в часто повторяющихся мотивах натюрмортов и символических трапез, участников которых мы не видим целиком, заметно стремление к незыблемости фона, когда предметы не уменьшаются в обманчивом ускользании к горизонту, но властно наступают на зрителя, фронтально и упрямо заявляя о своей онтологической значимости. Эта приверженность к традициям нелинейной перспективы во многих случаях обеспечивает эффект высшей достоверности, той правды вещей, которая раскрывается не в рабской визуальной похожести, но в своей смысловой, изначальной сути («Пир в зоне», «Письмо», «Хлеб с вареньем и чай»).

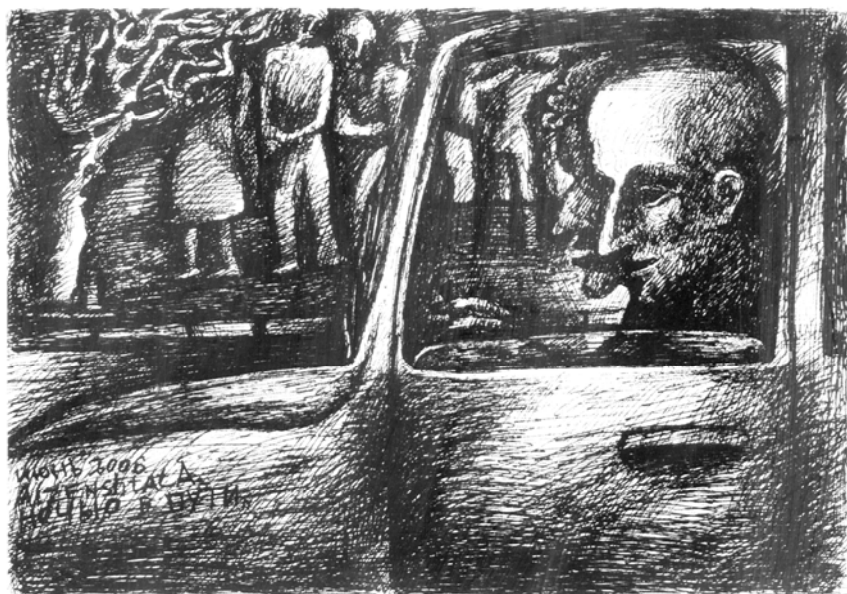
Отсюда столь широкая и по-настоящему символическая подоснова многих сюжетов — мотив соотнесенности индивидуума с высшим началом, которое лишь подразумевается, но не присутствует непосредственно, лицом к лицу («Музыкант», «Ожидание», «Последний крик», «Пожилая пара»).

Впрочем, художник не навязывает зрителю эту смысловую многомерность своего творчества. Его картины можно воспринимать и по-другому, как чистое искусство, без метафизической глубины, без игры смыслов, без того, что, в сущности, автору дорого и важно. В этом также одна из загадок этого строгого творчества, всегда способного к самоограничению, к отказу от единственно верного прочтения. Портрет можно воспринимать как портрет, натюрморт как натюрморт, жанровую сцену как жанровую сцену. Несмотря на высокую степень символизации, вещь остается вещью: художник мастерски, но совершенно нереалистично передает холод снега и металлического лезвия, тепло человеческих рук, мягкую фактуру тканей, плотность дерева, колористическую насыщенность и аромат осеннего букета.

Поэтому, наверное, его картины доступны всем, они легки и даже в грусти неожиданно радостны, чувственно непосредственны, при том, что в них нет ни фотографической точности, ни иллюзорности трехмерного пространства, ни заигрывания со вкусами уставшей публики, ни модного снобизма, ни нарочитого отвержения традиций. Парадоксальным образом в работах Айзенштата соединяется неповторимость авторского мировидения и поэтизация быта, домашней жизни, семейных ценностей, эзотерические аллюзии и простота, граничащая с подлинным аскетизмом, но не переходящая в примитивность.

Осталось выяснить одно, почему на выставках Айзенштата погружаешься в ту атмосферу теплоты и непосредственности, которая зачастую

и является самой верной приметой, опознавательным признаком подлинного искусства. Почему душевная опустошенность и пресыщенность впечатлениями, столь характерные для современного мира, в том числе и для современного художнического самоутверждения, отступают под напором свежих переживаний и ощущения сопричастности высокому творчеству (знакомясь с поэтическим миром Айзенштата, ловишь себя на мысли, что знал автора всю жизнь).

Ночь в пути. 2006, бумага, перо, тушь, 17,7x12,7.

Самым поверхностным объяснением этого феномена была бы апелляция к той самой традиционности, которая предполагает идеализацию быта, а вместе с ним и общечеловеческих ценностей, в равной мере объединяющих феномены искусства, отмеченные ярко выраженными национальными чертами. Однако этого явно недостаточно. Ведь за поисками автора просматриваются куда более глубокие и серьезные начала.

Думаю, что все типичное для парижской школы еврейской живописи и для Шагала, который первым приходит на ум, когда подыскивают ассоциации с творчеством Айзенштата, в значительной мере отмечено склонностью к условности и формализации. Ничего подобного мы не находим в его работах.

Они в меру гедонистичны, в меру наивны, в меру формалистичны и абстрактны. В обнаруженной золотой середине остается та приверженность к созерцательности и воспитанный строгий вкус к жизни, которые приходят к современному зрителю из иной, необычной для него среды, не знающей компромиссов, политкорректности, толерантности, всего того, что в измерении потребительской культуры оборачивается вседозволенностью.

Именно ее как ложную этическую и псевдоэстетическую установку художник изживает внутренне присущими искусству путями невольно и ненамеренно.

Парадокс искусства Нового времени заключается, быть может, в том, что по мере развития образного иллюзионизма натура, становясь все более жизнеподобной и типично-реалистической, оказывалась и все более придуманной, нереальной. Чем выше притворство, тем оно условнее. При этом наш взгляд на художественную выдумку постепенно приобрел какую-то неонтологическую, капризную оптику, перестал улавливать существенное, растворяясь в массе подробностей, деталей, частных. Только революция искусства XX века отвратила нас от канонов академичности, научила понимать средневековое искусство, архаичную абстракцию, культуру народов Древнего мира, живопись пещерных людей. Однако, усовершенствовавшись формально, наш художественный вкус утратил тягу к смысловой реальности, стоящей за теми феноменами, которые в изначальном своем виде отнюдь не предполагали чистого любования, но были частью сложного этико-эстетического комплекса. Иными словами, искусство требовало веры, которая теперь перегружена рефлексией и куда менее чувственно-наивна, чем в былые времена.

Виртуализация пространства нашей культуры не проходит незамеченной. Чем больше у нас возможностей, чем больше информации стекается к каждому потребителю новостей искусства, тем менее мы любопытны и тем меньше нам требуется настоящая, невыдуманная, строгая жизнь.

Встреча с подлинным застает врасплох, мы теряемся перед его напором, перестаем понимать себя. Мы задаемся нескончаемыми вопросами.

В чем источник этого мастерства? В чем причина такой спокойной уверенности? Где основания для этого умиротворенного и зрелого взгляда на жизнь? В эпоху тотальной инфантилизации общества встреча с непосредственностью религиозного взгляда пугает. Аскеза страшна. Самоограничение в жизни и в мыслях отвращает.

Малый бизнес. 2006, бумага, перо, тушь, 17,7x12,7.

Айзенштат сумел вернуть искусству эту непосредственность без претензий на головокружительное художественное открытие, без желания покорить внешний мир своим талантом. Он подобен спон-

танному творцу, который, накапливая духовную энергию, отдает ее людям. Он строг и разборчив, неприметен, художнически одинок. И в этом смирении залог нестарения его живописи, которая уже стала явлением современного пространства культуры и, думаю, надолго останется в нем.

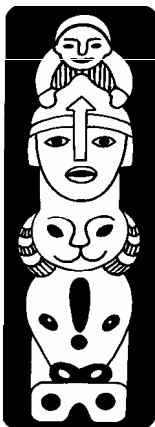
Применительно к творчеству Айзенштата уместно вспомнить замечательную мысль Льва Толстого, который, определяя природу всякого настоящего искусства, заметил, что оно начинается со способности заразить зрителя эмоциями и образами, собственными глубинными переживаниями, до основания изменяя и в очищающем аффекте высокого переживания объединяя людей.

Зло оказалось бы бездейственным, если бы не прикрасилось никаким добром, которое привлекает обольщаемого к пожеланию зла. А так природа зла – смешанная, в глубине имеет спрятанный обман пагубы, а лживостью своей внешности показывает какую-нибудь иллюзию добра. <...> А тем самым только что не прямо кричит учение, что истинное благо просто и единовидно по природе и чуждо всякой двойственности и сопряженности с противоположным. А зло разнообразно и изменяет вид, чтобы его считали чем-то иным, а на опыте выяснилось бы, что оно не таково... <...>

Но зло не настолько крепко... Ведь невозможно извращенному и измененному быть сильнее и постояннее Того, Кто всегда один и тот же утвердился в благе.

Григорий Нисский

Дмитрий Антонов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

«БЕЗОБРАЗНЫЕ ОБРАЗЫ»:

К ЭВОЛЮЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АНГЕЛАХ
И ДЕМОНАХ В XVII в.

The author studies medieval Russian concepts that concern the world of angels and demons – nature, origin, abilities of the immaterial spirits and their influence upon the world of men. The relevant notions of medieval authors are researched in their evolution from the Middle Ages to the Early Modern Time. The author reconstructs significant ideas of ancient Russian literature in the context of works of early-Christian authors that were popular in Russia and traces the evolution of those ideas in the “transitional” XVII century. Can a demon kill, create or alter material things? What are the limits of demonic power in the earthy world? Can an angel err, sin or not obey the will of God? What are the limits of his freedom? Medieval scribes and authors of the XVII century found different answers to the questions that were of principal importance for the culture. Modifications that penetrated in traditional concepts in the XVII century appear to be very interesting and often unforeseen. The study of these themes helps deeper understanding of the originality of the epoch that lies between the Middle Ages and the Modern Time.

«Переходное» XVII столетие знаменуется многоаспектными изменениями культурного пространства средневековой Руси: растущее влияние западноевропейской науки, богословия и искусства играет здесь важную роль, однако говорить приходится о глубинных, сущностных сдвигах, подготовивших саму возможность адаптации «еретических» моделей в древнерусскую культуру. Как известно, одним из ключевых моментов происходящей эволюции становится принципиальное изменение отношения к слову (знаку), произошедшее вскоре после Раскола: древнерусский синкретизм символа и обозначаемого им феномена, «иконическое» отношение к слову и изображению к концу века все больше заменяется конвенциональным (условным). Если для старообрядцев, отвергающих нововведения, добавление одной буквы к имени Бога (Иисус вместо Иус) или удаление союза «а» из Символа веры («рожденна, а не сотворенна»), изменение грамматических форм («во веки веков» вместо «во веки веком» и др.), формы перстосложения (троеперстие вместо «пяти-, двуперстия») и т.п. тождественны отступлению от веры, поклонению антихристу, то для сторонников реформы к началу XVIII в. ситуация оказывалась принципиально иной. Проиграв староверам в попытках доказать старину вводимых норм¹, православные богословы прямо засвидетельствовали новое отношение к написанному и изображенному: форма не тождественна содержанию, один феномен можно обозначать разными способами и суть от этого не меняется, вера есть уверенность в невидимом, а не следование обрядовым нормам старины. Форма и содержание резко разводятся, изменения вторгаются в область важнейших оснований древнерусской культуры, сомнению подвергается само отношение к старославянскому языку как «иконе православия».

Аналогичные процессы происходят в других областях: храмовые и домовые иконы начинают писать на западный манер; появляется театр, в котором актеры разыгрывают сцены священной истории; символика изображения Святого обогащается новыми, неканоничными формами. На рубеже XVII – XVIII веков эти процессы интенсифицируются государственной властью. Если синкретизм древнерусской культуры освящал быт не в меньшей степени, чем предметы церковного обихода², то

¹ Некоторые сторонники реформ, как известно, дошли до прямой фальсификации текстов, отнесенных ими к эпохе Киевской Руси и говорящих о закономерности нововведений.

² О приверженности / чуждости православию свидетельствовало наличие или отсутствие бороды, ношение русского или иноземного платья и т.п.

петровские реформы изменяют практически все – от поведенческих норм и внешнего вида подданных до календаря и государственного письменного языка (русский вместо старославянского). В глазах реформаторов речь не идет при этом о смене веры, в то время как для защитников старины, апеллирующих к средневековым нормам, происходящее тождественно отступничеству последних дней.

Характерно, что церковь, лишившаяся при Петре I патриарха, подчиненная светской власти и включенная через практику «исповедально-го доносительства» в систему государственного контроля над подданными, далее не идет по пути секуляризации. Приняв произошедшие в XVII столетии изменения, русское православие возвращается к традиционализму. Языком литургии остается старославянский, иконописание не вытесняется религиозной живописью западноевропейского типа, но продолжает свое бытование, доминируя в большинстве храмов, и т.п. В то же время изменения XVII в. сыграли свою роль, ограниченно впустив в церковную практику новые формы и идеи.

Церковный раскол 1653 – 1666 годов и петровские преобразования наиболее ярко эксплицитировали общие процессы, оказавшие многогранное влияние на культуру «переходного» XVII в. Разрушение древнерусского синкретизма, эволюция канонов и общезначимых мифологем в «допетровскую» эпоху становились предметом изучения в массе исследований, однако происходившие изменения затрагивали такое количество конвенциональных моделей³ русского Средневековья, что говорить об их исчерпывающем рассмотрении на сегодня вряд ли возможно.

Представления о природе светлых и темных духов, Небесных ангелов и ангелов, павших с сатаной и обратившихся в бесов, – один из

³ Под конвенциональными моделями понимаются здесь системы общезначимых объяснений, существовавших в книжности и выражавших актуальные мифологемы эпохи. Конвенциональную модель как устоявшуюся систему объяснений, позволяющую книжникам воплощать свои идеи в рамках общепринятых культурных стереотипов, следует отличать от конвенционального (условного) отношения к знаку. В последнем случае конвенциональное отношение предполагает возможность свободного продуцирования разных обозначений одного феномена и противостоит иконическому отождествлению формы и содержания, не допускающему произвольного изменения как догматического представления, так и его знакового отображения (О конвенциональных моделях см.: Каравашкин А.В. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории // Россия XXI. 2006. № 4. С.64–66. О конвенциональном / неконвенциональном отношении к знаку см., напр.: Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С.313–360).

важнейших мировоззренческих аспектов, претерпевших характерную эволюцию в XVII веке. В «переходное» столетие канонические идеи о бестелесных силах, действующих в мире людей, вступали в необычное взаимодействие со смыслами, порожденными новой культурной средой. Этому характерному для эпохи феномену посвящена настоящая статья.

Природа бесов: традиция и изменения XVII века

Воззрения на природу бесов, характерные для агиографии и оказавшие влияние на широкий корпус древнерусских памятников, были недавно изучены А.Л. Юргановым в книге «Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени» (М., 2006)⁴. В монографии, посвященной Чуду о Соломонии бесноватой, историк реконструировал ряд ключевых древнерусских идей, связанных с природой нечистых духов, и продемонстрировал характерный «слово» традиционных представлений в памятниках XVII столетия. Чтобы очертить общий вектор эволюции, рассмотрим вкратце изменения, выявленные в книге на основании изучения чуда, входившего в Житие Прокопия Устюжского.

Божье попущение / «самовластие» бесов

В средневековой русской культуре пределы власти нечистых духов над людьми в большинстве случаев прямо определялись как очерченные Всевышним. Благое Божье попущение определяет события как массового масштаба, так и личного плана⁵, в том числе и нападение бесов, служащее наказанием или испытанием. Праведник, подвижник, непременно оказывается искушаем бесами: нечистые духи стремятся «со-

⁴ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.

⁵ Стихийные бедствия, нашествия и тому подобные несчастья мыслились как казни, ведущие к спасительному покаянию через страдания за грехи. Болезни и прижизненные муки «конечных грешников» знаменуют их будущие страдания и, устрашая, наставляют окружающих на правый путь; муки праведников посылаются во искупление незначительных грехов до смерти (См. также: Мильков В.В. Осмысление истории в средневековой Руси. М., 2000. С.50–61; 92–106; Антонов Д.И. Самосознание древнерусского книжника в эпоху Смуты: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. С.11–12). По словам Авраамия Палицына, наказания бывают «трех ради вин: или настоящих, или будущих, или прежних ради согрешений наших, да искусни явимся, яко злато в горниле, якоже златый языком и усты Иоанн глаголет: злато во огни искушается, а человек скорби и бедами спасается», «весть бо Господь полезная наша паче нас» (См.: Кедров С.И. Авраамий Палицын. М., 1880. Приложения. С.199–200).

блазнить и избранных», пугая отшельников, устраивая призрачные «клюки», цель которых – заставить человека согрешить и пасть (демоны предстают в образе святых и самого Христа, призывая поклониться себе, прикидываются нищими и больными, являют призрачные груды золота, принимают личины монстров, пытаясь вселить в душу подвижника страх и забвение Бога и т.п.) Не поддаваясь искушениям и памятуя о Господе, праведники ведут борьбу с сатаной, изгоняя падших духов молитвой, «насмехаясь» над бессилием дьявола (юродивые)⁶ и помогая людям, одержимым бесами. Смысл подобной борьбы не раз описывался в патристике: она прославляет Бога чудесами, явленными через святых, напоминает людям об истинной силе веры и упования на Господа и помогает самим праведникам стяжать духовную силу⁷. Нападение бесов на простых людей чаще всего выражается в феномене бесноватости, от которой излечивает обращение к святым (через молитву, припадение к иконам или мощам) либо изгнание бесов священниками и праведниками. Объяснение причин, по которым простой человек оказался подвержен нападению духов, может быть разным (в первую очередь это совершенный ранее грех), однако важно, что подобное нападение всегда *попускается* Господом: власть «темного миродержца» простирается над миром только в границах, начертанных Всевышним, что очевидно для христиан, многие века ведущих борьбу с разными «изводами» манихейства⁸. Тем не менее, в рамках общей концепции, в восточном и западном христианстве существуют различные представления о конкретных возможностях дьявола и разнообразных причинах его нападений на человека. Для древнерусской книжности характерны ясные указания на попустительство Богом дьявольских козней, направленных на простых людей⁹ (С.232–243) (борьба сатаны с праведниками имеет несколько иные обоснования).

⁶ Ср. в Киево-Печерском Патерике: «И се ныне уродствуеть: бесом велит молоти и з берега древо носити, – и бывает тако...» (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С.65).

⁷ Власть над духами была, как известно, дарована Христом своим ученикам. Слова Спасителя из Евангелия от Луки (Лк. 10:17–20) часто цитировались книжниками: «сбытся речено въ Евангелии: "И беси повинуются вам о именем Моим"..."» (Древнерусские патерики. С.63).

⁸ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 2004. С.50.

⁹ См., напр., у Нила Сорского: «Враг же никакo может нам что сотворити кроме поупущения Божсiа. Не елико бо оному хотение опечалает душу, но елико тому попустится от Бога» (Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб., 2005.

Яркий отход от традиции был зафиксирован Юргановым в редакциях Повести о Соломонии бесноватой, относящихся к XVII веку: здесь не говорится о Божественном пощении, многочисленные и страшные издевательства бесов над девушкой описаны без традиционного контекста, в результате чего дьявол получает в памятнике «самовластие», несвойственное древнерусской агиографической традиции. Соломония страдает не из-за своих прегрешений, но из-за неверно совершенного над ней обряда крещения: традиционная модель пощения беса за грехи человека оказывается нарушенной, дьявол нападает на девушку, о вине которой не говорится ничего. «Самовластное» зло, не исполняющее Божью волю, но действующее по собственному «хотению» – свидетельство вторгающейся в агиографию апостасии, нарушения конвенциональных моделей, изменения причинно-следственных связей, общезначимых для средневековой культуры (С.230–243).

Бестелесность / материальность

Бестелесная природа падших ангелов – важный постулат восточно-христианской мысли. Если в рамках католической традиции с определенного времени развивались представления об инкубах и суккубах, особой «плотскости» демонов, совокуплении сатаны с девушками и т.п.¹⁰, то для древнерусской книжности общезначимыми являлись представления о бестелесной природе бесов, что, в свою очередь, определяло природу дьявольских искушений. Явления бесов часто происходят в «тонком» сне,

С.150. Ср.: Библиотека литературы древней Руси (далее – БЛДР). Т.5. СПб., 2000. С.380; Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006. С.228, 265, 266).

¹⁰ Идея имела как сторонников, так и противников. В XVI столетии велись ожесточенные споры о реальности / призрачности дьявольских проявлений в мире, шабашей ведьм и т.п. Противники «материалистической» трактовки, сформулированной в «Молоте ведьм», настаивали на том, что дьяволу не дана от Бога власть над плотью, шабаши и рождение монстров от совокупления с суккубами – не более чем галлюцинации, посылаемые сатаной, и соответственно «ведьм» не нужно жечь на кострах. Как и в рамках древнерусской книжной традиции, утверждалось, что все проявления дьявола призрачны; что демон, не имеющий плоти, не способен породить какое-либо живое существо; что дьявол – бессмертный дух, который не нуждается в размножении, подобно смертным тварям. Идеи были ярко обоснованы, в частности, в трактате Амбруаза Паре (1510–1590) «О монстрах и знаменях» (См.: Бергер Е.Е. «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Паре о причинах врожденных аномалий) // Средние века. М., 2004. Вып.65. С.147–165).

пограничном состоянии, когда искушаемый видит темных духов; в это время легионы демонов могут пугать, истязать человека, он может терпеть мучения, подобные физическим и более страшные, может оказаться соблазненным, пасть, страдать многие годы, может умереть, поддавшись искушению и окончательно попав под власть сатаны¹¹. Будучи пораженным бесом, человек приходит в смятенный, иступленный ум, «немыслие», теряет возможность правильно судить о мире, подвергается смертельной опасности. Бесноватость – крайняя степень подобного поражения: человек полностью теряет контроль над собой, становясь проводником чужой (бесовской) воли. В то же время бес не может явиться человеку во плоти, вступив с ним в прямой физический контакт: реальной плоти у нечистого духа нет; тысячи монстров, устрашающих отшельников в пустыне, страшные орудия пыток, демонстрируемые бесами, рассеиваются как дым от креста и молитвы¹² (С.247–280).

Важно тем не менее отметить, что бесы предстают в различном облике не только во сне, но и в реальности, желая обмануть, искушить или утратить людей. Нечистые духи наделены возможностью действовать в материальном мире: «превращаться» в какое-либо животное или предмет, поднимать ветер, грозу, «запирать» реку, насыпать болезни; служа праведнику, они могут выполнять физическую работу, демонстрируя при этом фантастическую силу, могут возить человека на себе в образе летающего

¹¹ Ср., напр., описания разных видов смертей в Волоколамском патерике. Один из иноков повинуетя нечистому духу (являющемуся ему в образе апостола Фомы), не слушает увещевания братии и умирает, «удавленный» бесом. Смысл рассказа, сформулированный книжником, – сила «самосмысления», протекающего из первогреха гордыни: самовольное подчинение дьяволу ведет к гибели, если человек не принимает помощи и не обращается ко Христу. Родственной является смерть, постигающая искушенного бесом (внезапная кончина человека, занявшегося скотоложством в Великий Четверг, монаха, презревшего обет безбрачия). Подобная гибель свидетельствует о «конечном падении» человека: «и Господь, прогневався, не дасть ему дождати урока жизни своеа канечнаго ради небрежения, срьпом смертным посекает». Эта мысль, в свою очередь, связывается с распространенной идеей о том, что дьявол «улавливает» человека на пороге «естественной» смерти и сводит его во грех: сатана «зрит пяту человека, сиречь конец жизни его, и в той час улавляет» (Древнерусские патерики. С.103–104). Как известно, в древнерусской культуре внезапная смерть определялась как «злая» кончина, посылаемая грешникам.

¹² Более сильные демоны, по утверждению книжников, могут бояться только праведников и, по Божьему попущению, способны противостоять простым христианам. Это связано с тем, что сила экзорциста пропорциональна глубине его смирения и силе его веры.

коня и т.п. Наконец, они могут наносить человеку физический вред и убивать людей¹³ – последнее происходит по Божьей воле и объясняется ни-спосланной свыше казнью. В то же время в традиционных агиографических описаниях материальные дела бесов разрушаются, не будучи способными навредить человеку, сохраняющему веру в душе. Цель всех бесовских действий – поразить не тело, но душу, доставляемые же ими муки – искушение, призванное повергнуть человека в отчаяние, заставить забыть о Боге или возроптать на Него¹⁴. Рассказы о «материальных» проявлениях демонов часто подчинены идее их безусловного повиновения истинным христианам (святой изгоняет дьявола, заставляет беса служить ему, и дух осуществляет повеление по воле праведника, а соответственно, по воле Бога). Несмотря на способность принимать разные облики и действовать не только в реальности призрачных видений, но и в мире, бес не обладает самодостаточной субстанциональностью, тем более плотской материальностью, являясь, в конечном счете, пустотой, отсутствием благодати, тщетно претендующим на бытийность, так как вся и всякая бытийность происходит от Творца¹⁵.

Изменения, произошедшие в XVII столетии, весьма характерны: бес «материализуется», получает плоть, превращается из бестелесного духа в «монстра», физически терзающего человека и способного к сожительству с женщиной. Предметы, орудия пыток, полученные от нечистых, не исчезают после их ухода, но оказываются подлинными «истинно, а не привидением». Бесы, обитающие на болоте, едят, пьют и имеют семьи, подобно людям или зверям, причем речь не идет о призрачных

¹³ См., напр., о грозе, поднятой бесами в Житии Симеона Столпника (Соборник Нила Сорского. Ч.1. М., 2000. С.56); о превращении духа в летающего коня в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» (из «Жития» святого: БЛДР Т.6. СПб., 2000. С.450–458); о похищении человека бесом в Житии свв. Зосимы и Савватия Соловецких (БЛДР. Т.13. СПб., 2005. С.112); о нанесении бесом увечий в редакциях Повести об Антонии Галичанине (Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С.123–154). Ср. пример в книге А.Л.Юрганова (С.257–258). Массовое убийство людей бесами описано в Повести временных лет (БЛДР. Т.1. СПб., 2004. С.248); см. об этом ниже.

¹⁴ Изначальная ограниченность бесовского нападения заключается в том, что выдержать искушение или пасть всегда остается во власти человека (См.: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С.50–51).

¹⁵ Как отмечает А.Л.Юрганов, «природа беса сочетает онтологическую пустоту и присутствие силы, которая, не имея собственного начала, попускается Богом и ограничивается Им» (С.268).

«мечтаниях»: описывается реальное пространство, заселенное демонами. Произошедшее изменение принципиально: «бытию несуществующему, иллюзорному, придается *статус* материального объекта», нечистый дух материализуется в плотском, земном мире (С.244–283).

Немощь / сила

Противопоставление кажущейся силы бесов и реального бессилия духов, исчезающих перед лицом святых, бегущих от священных предметов и символов, вынужденных служить праведникам¹⁶, онтологически лишенных бытия и властвующих лишь над людьми, поддавшимися искушению, – важнейшая идея древнерусской культуры. Юродивые, «посмехатели сатанины», борются с дьяволом в миру, побеждая его и доставляя мучения «высмеиваемым» духам (С.147–200). Стремясь к власти над миром и воплощая полноту гордыни, дьявол сам признает свою немощь и бессилие перед лицом твердых в вере христиан¹⁷. Характерное описание сатаны встречается в Житии Антония Великого. Нечистый явился перед монастырем в некоем «высоком» образе, постучал в ворота «и рече аз есмь сатана. Мне же рекшу да что семо прииде. Глаголаше он что ми зазирають в поустошь иноци, и инии си христиане. Почто мя кленут по вся дни. Мне же рекшу, не понежели им стужаеши. И рече несмь аз виновен, сами ся мятутся. Аз бо немощен бых <...> Слышав же он Спасово имя, не терпя от того жжения, без вести бысть. Аще оубо и тьи диавол исповедует о себе яко ничтоже могьии. Должны есмы до конца преобидети того, и бесы его»¹⁸. Суть борьбы – помнить о немощи сатаны, не поддаваться искуше-

¹⁶ Каноническая идея о том, что бес, по воле праведника, вынужден бывает служить благому делу, принимала порой весьма оригинальное воплощение. Ср., напр., европейскую проповедь-ехемплит «Яко не присно нам виновен бес бывает», вошедшую в «Великое Зерцало» (памятник переведен в XVII в., восходит к латинскому сборнику конца XV в. «Magnus Speculum Exemplorum»): «Некоего пустытника молитвою связан бысть бес, стрележише репы его, и некогда прииде человек к старцу репы красти <...> И бес его окликал, дабы не рвал репы, и хотел сказати пустынику. Он же мнє, яко привидение чудится, а не истинное глаголанье, и егда хотяще отити, не можаше подняти, но сила от множества репы исчезе. Шед бес, сказа пустынику о нем. Изшед пустыник, потяжа его о крадени репы, он же прося прощение и рече: Прости мя, отче, рече, прости, свяоче Божий, бес научил мя се творити. Абие воскрича бес: о, неправедне, не трижды ли оглашах тя: не рви репы, скажю старцу! <...> И яко невинен нам бес делом, но мыслию». (Памятники литературы древней Руси (далее – ПЛДР). XVII век. Кн. 2. М., 1989. С.84–85).

¹⁷ Ср. описание бесовской немощи в Повести временных лет: БЛДР. Т.1. С.218.

¹⁸ Сборник Нила Сорского. Ч.III. М., 2004. С.193 – 194.

ниям и не бояться бесовских нападений; идея находит самое разное выражение в патристике и агиографии.

Изучая Повесть о Соломонии бесноватой, А.Л.Юрганов фиксирует принципиальное изменение канонических представлений о бессилии сатаны перед лицом святых, перед самим именем Христа и крестным знамением. Материализованный бес, обладающий как субстанциональностью, так и значительной свободой действий, бес, занимающий вполне реальное место в материальном мире, не исчезает как дым при виде святого и *не подчиняется его воле*. Изменения вторгаются на этот раз в основополагающий принцип взаимоотношения добра и зла, прямо восходящий к священному Писанию, к словам самого Христа (Лк. 10:18–20). Бесы не покоряются не только священникам и праведникам, но и святым, прославленным Богом после смерти и являющимся в мир, чтобы творить чудеса; подобное возможно в рамках дуалистической ереси, но неммыслимо для христианства. Примечательно, что «сила бесовская» многократно упоминается в редакциях Чуда о Соломонии бесноватой, «немощь» – не более одного раза¹⁹ (С.283–299).

Сотворенность и бессмертие / рождение и смерть

В соответствии с каноническими представлениями бесы суть ангелы, последовавшие за Денницей (Сатанаилом²⁰) и падшие вместе с ним²¹; ангелы, утратившие благодать и бытийность в Боге, воплотившие гордыню и стремление к невозможной, самодостаточной и независимой от

¹⁹ Ср. замечания О.Д.Горелкиной о том, что в повестях XVII столетия бесы наделяются широкими возможностями и мудростью, что нехарактерно для древнерусской литературы (Горелкина О.Д. Мотив беса-слуги в рукописных повестях конца XVII – начала XVIII в. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С.250–251).

²⁰ Такое имя вознесшегося ангела встречается в древнерусских памятниках (см., напр., в «Соборе на архангела Михаила»: Григорьев А.В. Указ. соч. С.229). Максим Грек (в своей критике популярного европейского сборника «Луцинариус») оспаривал это наименование как неверное: «сатанас» – еврейское «отступник», дьявол же, до своего отпадения, прозывался Еосфорос, светоносец, по пророчеству Исаи («Послание к некоему мужу поучительно на обеты некоего латынина мудреца» // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч.3. Казань, 1862. С.226–236. См. также: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т.1. Отд.II. М., 1859. С.39–40).

²¹ В качестве времени отпадения ангелов мог указываться четвертый день творения, третий день до создания Адама, при этом отмечалось, что апокрифические представления об отпадении Денницы из-за нежелания поклониться человеку неверны (см., напр.: Григорьев А.В. Указ. соч. С.190, 243).

Творца власти над миром. Природа отторгшихся от Господа ангелов оказалась навеки искажена, но важнейшие качества духов, в числе которых – бессмертие, остается с бесами и после их падения. Смерть беса так же невозможна, как и смерть ангела: умереть может тело, но дух не погибает, его «смерть» имеет иную природу – это не разложение и исчезновение, но отпадение от Бога и вечная мука в пустоте и ужасе преисподней, которая ожидает души грешников, а равно и падших ангелов после Страшного Суда.

Чудо о Соломонии бесноватой представляет совершенно иную картину: бесы не просто *рождаются* в утробе смертной женщины после соития с демоном, но и *погибают*. В одном из эпизодов Повести бесов убивает молния на болоте, а в конечном итоге бесов, живущих в утробе Соломонии, одного за одним уничтожают святые, причем называется точное количество извлеченных существ, а расправа носит физический характер (монстры не бегут от святого, их приходится умерщвлять ударами кочерги или ноги, не за раз, но в два приема). Из бесплотных сил, сотворенных Господом в начале времен и обрекших себя на бесконечность страданий, бесы превращаются в тварей, рождающихся и умирающих, подобно человеку. Это безусловно расходится с традицией, абсурдно не соответствует представлениям о духах, но оказывается закономерным в рассказе, допускающем материальную природу демона (С.299–306).

Все изменения, вторгающиеся в традиционные представления о природе дьявола в Чуде XVII века и ряде иных памятников эпохи²², имеют свою логику. Бес материализуется, превращаясь в телесную и смертную тварь и, соответственно, наделяется возможностью действовать по своей воле, физически истязать людей, выносить присутствие не только праведников, но и святых. Ему приписывается способность творить, устанавливая свой порядок на земле, что немислимо для древнерусской книжности, не отступавшей от представления о том, что лишь Бог – благой устроитель всего и вся. В определенных аспектах возможно проследить влияние европейской культуры, где существовала тенденция наделения бесов большей материальностью, нежели допускала восточно-христианская мысль (С.309–318), однако принципиальным оказывается сам факт резкого отхода от конвенциональных для культуры представлений и создания пространства самодостаточной *художественной* реальности; «воздействие европейской демонологии на русскую

²² В редакциях *Жития Петра и Февроньи*, апокрифа о Тивериадском море, в *Видении инока Исайи*, *Повести о Савве Грудцыне* и др.

стало возможным, потому что в средневековой книжной культуре... уже конструировалось художественное воображение как самостоятельный источник творчества, ставший фактом сознания» (С.317–318).

Идеи о власти и материальности сил зла в древнерусской культуре

Отход от общезначимых агиографических представлений, выявленный А.Л.Юргановым в ряде источников XVII в., является важным феноменом эпохи и составной частью целого комплекса характерных изменений, затронувших традиционные для Средневековья представления о природе ангелов и бесов. Прежде чем обратиться к иным сюжетам этого ряда, рассмотрим некоторые примеры бытования очерченных идей в древнерусской культуре.

Плоть антихриста

Вопрос о телесности нечистых духов неоднозначно решался в трудах христианских авторов²³, неоднозначные представления обнаруживаются и в корпусе сочинений, распространенных на Руси.

Проблема плотского воплощения сил зла находила интересное выражение в описаниях антихриста, «сына погибели», которого дьявол явит миру как свое порождение, притворяющееся Сыном Божиим в последние дни мира. В то время как большинство отцов Церкви утверждали, что антихрист будет человеком (евреем, происходящим из колена Данова), некоторые (Викторин Патавийский, Василий Великий, Григорий Богослов) видели в нем «некую эманацию Сатаны или даже самого дьявола»²⁴. Мысль о том, что сын погибели во всем будет подобен

²³ В католической традиции многими богословами развивалось представление Августина Блаженного об особой телесности нечистых духов, хотя, как было отмечено выше, идея не являлась общезначимой. Ср. рассуждения о телесности падших духов преп. Григория Синаита: «Уми некогда сущи и ти [демоны], и безвещества онаго и тонкости отпадшее, вещественную некую дебелость кийждо имать, по чину или действу втелесеваем, по немуже действу укачествися ... вещественни некако и ти бывшее вещественных страстей навывковеньми» (Цит. по: Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Ставропольский и Казанский. Жизнь и смерть: Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2005. С.387. См. также: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С.447, примечания; Деревенский Б.Г. Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб., 2000. С.182–183; Юрганов А.Л. Указ. соч. С.315–316).

²⁴ Деревенский Б.Г. Указ. соч. С.182 – 183.

Христу, но подобие это будет не подлинным, а иллюзорным, причем все чудеса, творимые антихристом, останутся лишь призрачными видениями, крайне важна в большинстве эсхатологических описаний, однако и она разделялась не всеми (иного взгляда придерживался Блаженный Августин)²⁵. В ряде сочинений высказывались весьма оригинальные и неканонические идеи о «сыне» дьявола. Подобная картина естественным образом отразилась в популярных на Руси переводных источниках, где сосуществовали разные трактовки.

В соответствии с одной из них антихрист представлялся как призрачная плоть сатаны – не человек, но иллюзия человека. Автор «Сказания о скончании мира и антихристе», греческого сочинения, приписывавшегося в рукописной традиции Ипполиту Римскому, весьма оригинально противопоставлял рождение Иисуса Христа от Девы Марии рождению сына погибели. Так как только Господь может создать всякую плоть, рождение антихриста будет не подлинным – оно тоже произойдет от девы, однако дьявол не способен творить, подобно Богу: «родит же съ» сатана «по привидению от девица»; «дьявол же аще и плоть примет, и ту во привидении како бо ю же не созда плоть» (здесь и далее выделения в тексте источников мои. – Д.А.). В антихристе падший ангел «мечтателен плоти своему существу восприит сосуд»²⁶.

Идея о том, что нечистый дух не может сотворить тела для своего сына, легла в основу еще одного представления – о том, что плоть антихриста создал сам Господь. До конца времен «скаредная и скверная» оболочка хранится связанной в аду; пред концом света, когда придет время исполнения древних пророчеств, сын погибели войдет в нее и воцарится на земле. Эта трактовка читается в тексте популярного на Руси Жития Андрея Юродивого²⁷.

Представления о бессилии дьявола в сотворении плоти далеко не всегда переносились на антихриста. Третья, наиболее распространенная трактовка представляет сына погибели человеком, рожденным женщи-

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по сборнику: «Просветитель Литовский II» (XVII в.) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.98 № 355. Л.505 об. (Описание сборника см.: Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С.174–186). Ср. в издании памятника И.И.Срезневским: Срезневский И.И. Сказания об Антихристе в славянских переводах. СПб., 1874. С.39. См. также: Сахаров В.А. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности. Тула, 1879. С.119.

²⁷ Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С.419.

ной: искушитель будет одним из смертных, но вберет в себя все зло мира и получит силу сатаны. Идею о том, что дьявол не может *воплотиться*, подобно Христу, поэтому антихрист не более чем человек, утверждали многие отцы Церкви, чьи творения были широко распространены на Руси. Мысль о «вочеловечевнии сатаны» категорически отвергал Иоанн Дамаскин²⁸; рассуждая об именах антихриста, Иоанн Златоуст писал: «и человека греха нарицает Иисус: бесчисленная бо съделает, и приуготовит иных да делают лютая. Сына же погибели глаголет Иисус, зане и той погибнет. Кто же есть сей; оубо ли сатана; никако же: но человек некий всякое егово приемляй действо»²⁹. В «Сказании о Христе и антихристе» Ипполита Римского сын погибели трактуется не как ипостась нечистого, но как «сын дьявола», «сосуд сатанин»³⁰. В не менее распространенном в древнерусских сборниках «Слове Ефрема Сирина на второе Пришествие» представление о плоти антихриста получает весьма характерное оформление: «родит же ся воистину от скверны жены *съсуд* емоу. *Не сам же ся раждает*, нь образ его придет прескверным яко тать»³¹. Представление о рождении сына погибели от женщины дополняется специальным отрицанием идеи «воплощения» как самостоятельного творения плоти дьяволом (мысль четко формулируется в современных переводах «Слова»³²). Речь идет, таким образом, о том, что рожденный человек станет *вместилищем* сатаны и тем самым рождение антихриста в свою очередь не будет подобно воплощению Христа (в каноническом представлении о Боговоплощении, утвердившемся после Эфесского и Халкидонского соборов, осудивших несторианство и монофизитство).

Подобным образом вопрос решался и славянскими авторами. В «Казаньи об антихристе» Стефана Зизания (конец XVI в.) задается прямой вопрос об антихристе: «Кто же сей есть»? Ответ каноничен: человек, которого «сатана себе оученика себе оучинит, иже по оного воли сам собою начнет действовать»³³. В начале «переходного» века мысль о природе сына погибели как «сосуда дьявола» находит воплощение в

²⁸ См. в *Слове Иоанна Дамаскина об антихристе*: Срезневский И.И. Указ. соч. С.58.

²⁹ Иоанн Златоуст. *Беседы на 14 посланий*. Киев, 1624. Л.2333 – 2334.

³⁰ Срезневский И.И. Указ. соч. С.24.

³¹ Цит. по рукописному сборнику XVI в.: ОР РГБ. Ф.113. №464. Л.410.

³² «Действительно, от оскверненной девы родится его орудие, – но сие не значит, что он воплотится; придет же скверный, как тать, в таком образе...» (Преподобный Ефрем Сирин. *Беседы*. М., 2003. С.256–257).

³³ Кириллова книга. М., 1644. Л.49 об.

памятниках, описывающих коронованного самозванца, Лжедмитрия I. Автор «Повести об избавлении Устюга Великого» прямо утверждает, что дьявол *вселился* в чернеца Григория, который собирался уничтожить православную веру во всей России³⁴. В «Утвержденной грамоте» Михаила Романова Отрепьев, подобно сатане, прельщает людей *бесовскими мечтаниями*³⁵. Подобные описания соответствуют наиболее распространенным представлениям о погибельном сыне: личность и имя царя известны современникам, однако имя будет иметь и антихрист, и до последних времен оно останется в тайне; все зло мира и вся ненависть ада могут воплотиться в беглом монахе-расстриге либо последующих самозванцах³⁶.

«Обиталища» бесов

Пределы власти бесов, нападающих на людей в земном мире, по-разному представлены в источниках. Помимо идеи о «сильных» духах, которым могут противостоять лишь праведники, в древнерусской культуре существуют представления об особых «местах обитания» бесов (такowymi могут быть, прежде всего, языческие капища), опасных для людей не падших духовно, но приблизившихся к определенной территории. Описания языческих «богов»-демонов, смертельно опасных для простых людей (как язычников, так и христиан, одержимых грехами), но легко побеждаемых святыми, распространены в христианской литературе. В Житии Федора Сикеота рассказывается о «некоем месте», «на нем же бе кумир артемидин и беси многи живяху ту яко же не мощи человеком приближатися к месту тому, ради пакости бесовския»³⁷. В «Казанской истории» имеется яркий эпизод, посвященный демону, жившему на «бесовском градище» недалеко от татарской столицы, «и то бе еще старых болгар молбище жертвенное. И схожахуса ту людие мнози со всея земля казанския». Описания силы беса весьма примечательны: «мечты творя от много лет», дух не только предсказывает будущее, но «аки овех от недуг исцеляше, и овех, с нерадением минуую-

³⁴ Кукушкина М.В. *Новая повесть о событиях начала XVII века* // Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). М.; Л., 1961. Т.17. С.381.

³⁵ ААЭ. Т.2. С.605.

³⁶ См. также: Антонов Д.И. «Сын тьмы, сродник погибели»: Феномен Лжедмитрия // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С.158 – 184.

³⁷ Сборник Нила Сорского. Ч.III. С.397 – 398.

щих его, *умаряше*, не пометнувших ему ничтоже и плавающих рекою опроверзаше и потопляше в реце, *чюдо же, и от кристьян неких погубляше*, тем никто же смеяше проехати его, не повергши мало что от рухла своего»³⁸. Таким образом, сатана имеет власть не только над поклоняющимися ему людьми, но и над православными, убивая путников, не принесших ему жертвы. Казалось бы, подобное утверждение уникально, однако контекст «Истории» не представляет дьявола существом, действующим по своей воле и обладающим самодостаточной властью; смерть некоторых христиан от беса «удивляет» книжника, но в логике его объяснений этому эпизоду находится непротиворечивое каноническое объяснение в теории Божьих казней. Характерно, что в начале памятника особо утверждается евангельская мысль: «не един влас главы наша без веления Его (Господа) не погибнет, неже человек или кая земля или град»³⁹. Аналогичные объяснения встречаются в иных источниках⁴⁰. Смысл рассказа «Истории» – бегство демона от наступления христианской силы, утверждающейся на новых землях, при этом речь беса, обращенная к его служителям, напоминает слова молитвы Василия Великого на изгнание сатаны⁴¹: «отхожу бо от вас в пустая места, непроходная, прогнан христовою силою»; дух покидает капище в виде дыма, из которого изошел «змий велик, огнен, и на запад полете»⁴².

Идея «обиталища» бесов не противоречит каноническим представлениям, в то же время нападение демонов может не объясняться в подобных описаниях Божьим попущением, что создает иллюзию некоторого «самоволия» нечистых духов, атакующих неосторожно приблизившихся людей. Важно, однако, что приведенные рассказы подчинены вполне определенной идее – прославлению силы христианства, повсюду

³⁸ Казанская история. М.; Л., 1954. С.91.

³⁹ Там же. С.46.

⁴⁰ Ср. характерный пример из Повести временных лет о событиях 1092 года в Полоцке: «в ноци быиши тутень стонавише полуноци, яко человеци рыцють беси по улицы. Аще кто вылезяще ис хоромины, хотя видети, и абье уязвен бяше невидимо от бесов, и с того умираху, и не смеяху излазити ис хором. По сем же начаша во дне являтися на конех, и не бе их видети самех, но кони их видити копыта и тако уязвляху люди полотскыя и его область ... Се же наведе на ны Бог, веля нам имети покаание и вьстагнутиися от греха» (БЛДР. Т.1. С.248).

⁴¹ Ср. об использовании этой молитвы в «Житиях» Аввакума и Епифания: Робинсон А.Н. Житиеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963. С.291 – 292.

⁴² Казанская история. С.91 – 92.

изгоняющей сатану. Описание действий бесов вписано в данном случае в контекст, демонстрирующий бессилие духов перед последователями Христа, что может делать излишним специальные разъяснения природы бесовских нападений.

В Повести временных лет кудесник из чудской земли рассказывает новгородцу о своих «богах», т.е. бесах, следующее: «Бози наши живут в безднах. Суть же образом черни, крилати, хвост имуши, вьсходят же и под небо, слушающее ваших богов»⁴³. Ад, преисподняя (зачастую имеющая сложную топографию) является постоянным «местом обитания» бесов, куда попадают грешные души, не прошедшие посмертные мытарства. В письменных и изобразительных памятниках Средневековья распространено изображение посмертных кар грешников по принципу «подобным за подобное» (лгунов мучают за языки и т.п.), непосредственными участниками которых могут в отдельных случаях являться бесы, пытающие людей. Здесь важно отметить два аспекта: прежде всего, ад, как место посмертных мучений грешников до Страшного Суда, традиционно отделялся в древнерусских источниках от вечных страданий в геенне, ожидающей души после второго Пришествия⁴⁴ (ср.: Откр. 20:13–14). В соответствии с каноническими представлениями (Мф. 25:41), рефреном повторяющимися в источниках, геенские муки уготованы грешникам наравне с самими падшими ангелами. Мучения, принимаемые грешными душами от бесов, осмыслились, таким образом, как предшествующие Страшному Суду и геенскому огню⁴⁵. В то же время сами яркие образы мучений, всегда способствовавшие в христианском искусстве широкой и доступной проповеди идеи воздаяния, имели совершенно особую природу: как и греческие, и европейские авторы, древнерусские книжники зачастую прямо указывали на то, что образы не следует понимать буквально, так как видения загробного мира лишь выражают человеческим языком изначально неопишемую реальность инобытия⁴⁶. В Средние века

⁴³ БЛДР. Т.1. С.218.

⁴⁴ Характерное утверждение встречается уже в Повести временных лет: «Якоже грешници в аде суть, ждущее муки вечныя» (БЛДР. Т.1. С.218). Ср. в Житии Василия Нового (БЛДР. Т.8. СПб., 2003. С.512) и др. На материале источников XVII века см.: Опарина Т.А. Указ. соч. С.131 – 133, 159.

⁴⁵ См., напр., в Слове Кирилла Александрийского об исходе души от тела: Сборник из 71 слова. М., 1647. Л.111 – 113.

⁴⁶ Ср., напр., постоянные указания автора «Повестей отца Пафнутия» (входивших, в частности, в Волоколамский патерик и в Житие Пафнутия Боровского) на то, что

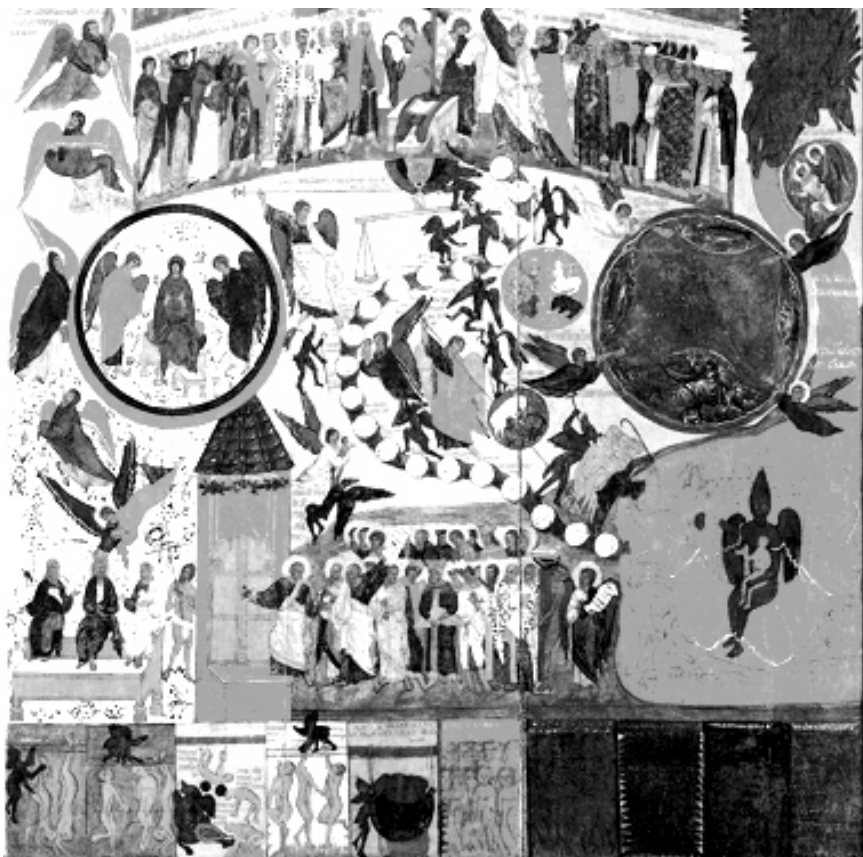
существовали разные трактовки природы визионерских образов иного мира⁴⁷, однако в контексте распространенных на Руси агиографических представлений о призрачной сущности духов тьмы и орудий их пыток подобная идея приобретала особое значение⁴⁸. Символическая природа описания или изображения не предполагает, что оно в полной мере, «зримо» отражает реальность преисподней, не позволяя в то же самое время отождествлять его с художественным образом, лишенным всякой бытийности. Язык видений дает возможность прикоснуться к инобытию, не отображая его с фотографической точностью, но особым образом свидетельствуя о том, что ждет грешников, перешагнувших черту земной жизни⁴⁹.

видения адских мучений и загробного мира особым образом отражают его реалии: «Можаше бо Бог и без моста перевести реку оную /огненную реку, которую необходимо перейти, чтобы попасть в рай/ ... Но наша ради пользы таковым образом показа осужденные грешных и спасение праведнаго»; «показа же Господь по человеческому обычаю», «и сия показана бысть человеческим обычаем» (Древнерусские патерики. М., 1999. С.97, 98. См. также: Пигин А.В. Видения потустороннего мира... С.178–179. Ср. в сочинениях Дионисия Ареопагита: БЛДР. Т.8. С.284, 286).

⁴⁷ *О западноевропейских богословских трактовках Видений см., напр.: Майзульс М.Р. Увидеть невидимое: визионер и теолог в Средние века // Россия XXI. 2006. №5. С.124 – 142. – Характерно, что «даже сторонники аллегорической интерпретации видений, такие как Гвиберт Ножанский и Гонорий Августодунский, не доходят до того, чтобы считать рассказы визионеров искусной риторической формой. Откровения говорят о невидимом на языке символов, но эти символы созданы не человеком, а Богом, не творцом, а Творцом» (Там же. С.142).*

⁴⁸ *Ср. описания геенны Аввакумом: «Горе нечестивым и грешным будет тогда, разведени будут по мукам вечным: овии в огонь, а инии в тартар, овии в скрежет зубом, а инии в черви, овии в жупел, а инии во тьму, овии во ад, а инии в смолу, горящую невещественным огнем. И вси муки невещественни...» (Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С.296). О невещественной природе геенского огня см. также: Св. Иоанн Дамаскин. Указ соч. С.344.*

⁴⁹ *Известные древнерусским авторам идеи о том, что загробные мучения грешной души определяются полнотой ее поработченности страстями и отторжения от Господа, и о том, что вечные муки принимаются грешниками в воскресших на Страшном Суде телах, не противоречат друг другу. Образ телесных мук более распространен в средневековых источниках, в то же время утверждалось, что телесные страдания лишь усиливают страдания души, отторгнувшейся от Бога (См., напр., в слове аввы Дорофея «О страхе будущего мучения»: ОР РГБ. Ф.304.1. №163 (1719). Дорофея аввы поучения (XIV в.). Л.122–123; Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения. М., 2005. С.216–217).*

Страшный Суд, икона XVI века (фрагмент).
На левых и центральных клеймах с изображениями адских мук (внизу иконы)
грешников пытаются бесы.

Власть бесов над падшими душами простирается, таким образом, лишь до второго Пришествия. По воле святого бесы могут отсылаться в уготовленное им геенское пламя еще до Суда⁵⁰. Известная полемика московских богословов середины XVII века с «Евангелием учительным» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого включала пространный сюжет об

⁵⁰ См. в *Житии Паисия Великого: Сборник Нила Сорского. Ч.1. С.441.*

участи демонов; описания Кириллом геенны, где действуют Вельзевул, «всякой твары страшнейший, брыдкий и лютейший», Левиафан, «велио рыба» огненного моря, огромный как тысяча гор, изрыгающий из пасти громы и огонь, из ушей дым, а из ноздрей «сапаня», раздувающие адский огонь и т.п.⁵¹, заставили русского книжника саркастично «пожалеть» их автора: «плача, бредил Кирил...»⁵². В ироничной полемике канонические идеи о природе сатаны утверждались на нескольких листах: «Лукавии само бо погибши и связаны во ад и огню предании на вечное мучение. Како другим умножати будут муки и мучители грешником бытии и геенною владети? <...> Божественное же Писание сказует, яко огонь вечный искони уготован диаволу и аггелом его, и связан имать бытии сатана со всеми бесы и предан вечному огню первее грешных. Рцы ми, трекоаянне Кирилле, сыне диаволов, паче всякой твари страшнейшии отец твои сатана по твоему мудрованию, почто от боящихся Бога побеждаем и попираем аспид злыи и василиск? Но и над свиньями не имый власть змий злыи, обманом губит, точию покаяющихся ему» и т.п.⁵³ По совокупности выявленных ересей «Евангелие учительное» было сожжено. Во второй половине XVII в. мысль о том, что сатана не имеет власти и над свиньями, а антихрист, несмотря на грозный вид, не способен обладать «нехотящими», повторял Аввакум⁵⁴.

В древнерусской культуре бытовали разные идеи о способах проявления сил зла в тварном мире: иконография⁵⁵, переводные и оригинальные сочинения могли представлять различные сюжеты, порой не сопровождавшиеся специальными разъяснениями. Тем не менее корпус устойчивых топосных идей определял общезначимые представления о нематериальности и немощи сатаны и обреченности отпавших ангелов на вечные муки.

⁵¹ Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. *Евангелие Учительное*. Рохманов, 1619. Л.24.

⁵² *Свиток укоризненный Кириллу Транквиллион-Ставровецкому*. Л.29 // Опарина Т.А. *Указ соч.* С.409. *О московских прениях по вопросу запрета литовских книг в 1620 – 1630 годах см.: Там же.* С.142 – 192; Бульчев А.А. *История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России*. М., 2004. С.12 – 37.

⁵³ *Свиток укоризненный Кириллу Транквиллион-Ставровецкому*. Л.24 об., 29 об. – 30.

⁵⁴ ПЛДР. XVII век. Кн.2. С.424.

⁵⁵ В иконографии Страшного Суда встречаются изображения демонов, не связанных, но спокойно пребывающих в геенне. В то же время бесы традиционно и в полном соответствии с каноническими представлениями окружают кольца мытарств в центре композиции и низвергаются в преисподнюю в правой верхней части иконы.

Последняя мысль, в свою очередь, оказывалась непосредственно связана с вопросом о покаянии бесов, стремящихся к спасению.

Раскаяние и плоть

Сюжет о кающемся бесе известен на Руси из византийской агиографии, сборника «Великое Зерцало», литературного Синодика и устных легенд. Не позднее XIV века на Руси распространяется повесть «О бесе Зерефере»⁵⁶, сюжет которой известен как в Византии, так и на Западе⁵⁷. Один из падших бесов решает узнать, может ли Господь простить его и вернуть на Небо, на утерянный ангельский престол: для этого нечистый дух является некоему праведнику в образе человека и говорит о себе как о великом грешнике, который стремится получить прощение. Божьим промыслом праведник не видит истинную сущность гостя и молит Бога о милости. Во время молитвы с небес является ангел и открывает правду. Праведник поражен, но ангел научает его, что сказать сатане: для того, чтобы получить прощение, дьявол должен три года стоять на одном месте, смиренно моля Господа о пощаде, называя себя древней злобой, мерзостью запустения и помраченной прелестью; тогда, мольбой и смиренным самоунижением, бес обретет прощение и «сопричтется со ангелы». Уходя, ангел предупреждает праведника, что изначальное зло *не способно* на покаяние и смирение; «грешник» является на следующий день и, услышав, что нужно делать для спасения, смеется, предпочитая призрачную власть над миром трудному возвращению на Небеса⁵⁸.

Как известно, идея апокастасиса, развитая Оригеном (и поддерживаемая Григорием Нисским), была осуждена Церковью на поместном Константинопольском соборе 543 года. Покаяние беса невозможно, так как искупить грехи можно лишь *во плоти*, которой по своей изначальной природе лишены духи. На этом основании невозможным признавалось и посмертное покаяние грешников: после кончины человека по-

⁵⁶ Три выявленные А.В.Пигиным редакции известны более чем в ста списках XIV – XIX вв.

⁵⁷ См.: Пигин А.В. Повесть о бесе Зерефере. Комментарий // БЛДР. Т.8. С.578; Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Избранные труды. Т.2. М.; СПб., 1999. С.361.

⁵⁸ Текст Сказания см.: Памятники старинной русской литературы издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып.1. С.203 – 204; БЛДР. Т.8. С.528 – 532.

каяние не имеет силу⁵⁹. Последняя идея претерпела существенную эволюцию в истории: на Западе возникает концепция Чистилища, в средневековой Руси идеи мытарств, ада как места мучений грешников до Суда, посмертного молитвенного заступничества Церкви также усложняют модель воздаяния, однако обреченность на вечные муки павших духов не подлежала сомнению. По словам Иоанна Дамаскина, падение стало для ангелов тем же, чем является смерть для людей: это порог, за которым невозможно покаяние⁶⁰. Каноническая идея хорошо известна русским книжникам: «Человеческо бо еже согрешати, рекше падати, и покаанием возстаати, аггельское же не падати, бесовское же не возстаати отчаятися», – утверждал в XV веке Вассиан Рыло⁶¹.

Помимо отсутствия плоти, покаянию бесов препятствует полнота гордыни, воплощаемая сатаной; эта идея характерно представлена как в Повести о бесе Зерефере, так и в иных сказаниях о «кающемся» бесе, бытовавших в западноевропейской литературе и распространившихся на Руси в XVII столетии. В некоторых из них демон может каяться, преклонив колени перед человеком, но не способен на спасительное покаяние перед Богом⁶², в других нечистый дух, напротив, не мыслит себе покаяние перед людьми – так или иначе, спасения беса не происходит.

Известный средневековый сюжет принципиально изменяется в Новое время, когда (в старообрядческих сочинениях XIX–XX вв.) сказания о кающемся бесе получают иную концовку. Через покаяние нечистый дух обретает утерянный ангельский облик и возвращается на Небеса, причем бес не стыдится смирения, «не яко же иногда Зерефер»⁶³. Харак-

⁵⁹ Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С. 46.

⁶⁰ Там же. С. 51.

⁶¹ Послание на Угру Вассиана Рыло // БЛДР. Т. 7. СПб., 2000. С. 394.

⁶² Покаяние, предлагаемое бесу, в ряде случаев оказывается достаточно простым, однако демон не способен на малейшее смирение перед Господом (Ср. в сочинении Цезария Гейстербахского (XII–XIII вв.) «Диалог о чудесах»: *Dialogus miraculorum*, III, XXVI. В электронных ресурсах: <http://www.uni-trier.de/uni/fb3/geschichte/cluse/cs/>). Благодарю М.Р. Майзульса за перевод и консультацию по ряду вопросов, касающихся западноевропейской демонологии.

⁶³ Пигин А.В. Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV – XX вв. (Повесть о бесе Зерефере, Повесть о видении Антония Галичанина, Повесть Типинариса Соловецкого о некоем иноке, Повесть о бесноватой жене Соломониш). Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1999. С. 12 – 15; Он же. Древнерусская легенда о «кающемся» бесе (к проблеме апокастасиса) // *Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 122

терно, что здесь происходит не просто художественная разработка, но прямая *полемика* с канонически верным средневековым сюжетом, имевшим широкое хождение на Руси. Для древнерусской культуры спасение беса настолько же невозможно, как его физическое рождение или смерть.

Природа ангелов: падение и покаяние

Конвенциональные представления

В источниках «переходной» эпохи содержатся весьма оригинальные объяснения, связанные с Небесными духами и характерно вписывающиеся в комплекс рассмотренных изменений. Чтобы понять суть эволюции, постараемся очертить типичные для древнерусской книжности представления об ангельской природе.

Святое Писание часто говорит о Божьих посланниках, действовавших в мире людей, упоминает разные чины Небесных сил, однако сообщает мало сведений об ангелах. В христианской экзегетике утверждались различные, однако сходные идеи о том, что Небесные духи, как и духи, павшие с Денницей, бесплотны (этот тезис понимался по-разному⁶⁴); о том, что они были созданы до творения мира или после создания первого неба⁶⁵; о том, что они прославляют Господа на Небесах и повсюду исполняют Его волю⁶⁶. В соответствии с концепцией

– 139.

⁶⁴ Речь могла идти о полной бестелесности ангелов либо о наличии у них особой, «тонкой» плоти, не материальной, как у людей, но ограничивающей духов в пространстве и образом подобной человеку. Идея о том, что ангелы и бесы имеют особую «тонкую» неведущую плоть, подобно тому, как имеет ее и человеческая душа, основывалась на представлении, что полная бестелесность тождественна вездесущности и, следовательно, присуща лишь Богу. К этим представлениям склонялись св. Иоанн Дамаскин, св. Макарий Великий, прп. Кассиан Римлянин. Утверждалось также, что душа человека подобна образом его телу, ангелы же своим образом подобны человеку (Ср.: Деян. 12:15). Идеи вызывали полемику у богословов (См.: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С. 45–46; Святитель Игнатий (Брянчанинов). Указ. соч. С. 381–387, 136–143. См. также ниже). Во второй половине XVII в. «пустозерский сиделец» Лазарь полемизировал со своим союзником дьяконом Федором, утверждая, что ангелы имеют плоть, а их изображения с человеческим телом и крыльями не символичны, но реалистичны (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. VI. М., 1881. С. 117–118).

⁶⁵ Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С. 49, 406, примечания.

⁶⁶ См. об этом, напр.: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 550, 928 –

Епифания Кипрского (IV в.), повторенной автором Повести временных лет, ангелы приставлены ко всем силам природы, ко всем творениям Бога: «ангел облаком и мъглам, и снегу, и граду, и мразу, ангел гласом и громом, ангел зимы, и зноевы, и осени, и весны, и лета, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть сокровенны под землею, и преисподний тьмы...»⁶⁷. Близкие мысли высказывал Григорий Назианзин⁶⁸ (ср. схожие образы в «Откровении» Иоанна Богослова). Точно так же Небесные духи приставлены ко всем землям и народам, будь они христианские, иноверные или языческие, помогая им, но, безусловно, всегда исполняя волю Всевышнего и лишь моля Его о милости, когда на людей Божиим промыслом посылаются разнообразие казни. Наконец, каждому рожденному сопутствует в его жизни ангел-хранитель, навещающий человека на благие помыслы, противоборствующий искушающим бесам и помогающий на путях выбора между добром и злом (природа дьявольских искушений получала глубокое раскрытие в богословии, что определялось необходимостью помочь людям бороться с искушениями, в то время как помощь ангела-хранителя описывалась значительно реже⁶⁹).

По мысли Иоанна Дамаскина, ангелы, обладая свободой воли, по природе способны и к совершенствованию, и ко греху, однако после отпадения сатаны и бесов судьбы духов были предreshены: в то время как для бесплотных и гордых демонов путь покаяния стал невозможен, ангелы, добровольно оставшиеся верными Творцу, по Божьей благодати не склоняются более ко злу, недвижно пребывая в добре⁷⁰ (ср. у Вассиана Рыло).

930, комментарии.

⁶⁷ БЛДР. Т.1. С.296. – В известных на Руси апокрифических памятниках («Откровение Авраама», «Откровение Варуха», «О всякой твари», «Книга Еноха» и др.) встречались пространные рассказы об ангелах-водителях небесных светил, а также об иных Небесных духах. Апокрифы оказывали влияние и на концепцию, созданную Епифанием (См.: Шестопнев Иоанна эвхарха Болгарского. С.929–930, комментарии).

⁶⁸ См. описание ангелов в «Слове об умных существах» и «Втором Слове о богословии».

⁶⁹ См., напр., рассказы об ангельской помощи людям в Повести временных лет (ангел вкладывает Мономаху «въ сердце» желание идти в поход на иноплеменников, а затем духи побеждают половцев, незримо для русских воинов сражаясь на их стороне (БЛДР. Т.1. С.300. Ср.: С.178); рассказ дьякона Федора о плаче его ангела-хранителя («песнотворец некако, и тонок и светел, а лица его не видех, понеже бесплотен есть»), наставившего Федора на покаяние (ПЛДР. XVII век. Кн.2. С.493).

⁷⁰ По мысли Иоанна Дамаскина, Небесные духи, обладая свободой воли, «трудно склоняе-

Учение об ангелах не было специально разработано на Руси: описывая Небесных духов, книжники ссылались на Библейские книги, раннехристианских авторов (Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского) и, безусловно, на популярные в Средние века творения псевдо-Дионисия Ареопагита.

Корпус сочинений неизвестного мыслителя конца V – начала VI в., скрывающегося под именем ученика апостола Павла, афинянина Дионисия, в VII веке был снабжен подробными комментариями (схолиями) Максима Исповедника⁷¹. *Corpus Areopagiticum* был переведен на славянский сербом Исайей в 1371 г., после чего быстро распространился на Балканах и Руси⁷². Одним из четырех трактатов, входящих в *Corpus*, является сочинение «О небесной иерархии», представляющее развернутое описание небожителей.

В начале трактата содержится важное рассуждение о способах изображения нематериальных существ: прежде всего, здесь возможно применять *неподобные образы*, чтобы через заведомо низменные уподобления животным спасти людей от искушения трактовать сказанное буквально. Человеческие слова не передадут непредставимого облика ангелов, а их описание с помощью прекрасных образов будет склонять простых людей к тому, что описанное верно отражает действительность; образы быков, львов и др. крылатых и земных животных, использованные в Библии, отвращают от мысли видеть в подобных описаниях реалистичное отображение неземных существ. В то же время допустимы иные способы изображения ангелов, в том числе в образе человека⁷³.

мы ко злу, хотя не непоколебимы», однако «теперь даже и непоколебимы, не по природе, а по благодати и привязанности к одному только благу». В главе «О предведении и предопределении» Дамаскин возвращается к этой мысли, утверждая, что дьявол после падения возымел неизменное и непоколебимое постоянство во зле, ангелы же после добровольного выбора добродетели и при содействии благодати – неподвижное пребывание в добре (См.: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С.48, 117). Григорий Богослов писал, что Божие естество неизменно, ангельское – «неудобопреклонно» ко греху, человеческое – удобопреклонно. (Алфавит духовный. Святитель Григорий Богослов. М., 2005. С.6).

⁷¹ Схолии не отделялись от текста Ареопагитик вплоть до эпохи Возрождения; в XIX веке, после определения ориентировочного времени создания памятника, автора стали называть псевдо-Дионисием.

⁷² Впрочем, сочинения, содержащие выдержки из Корпуса, были известны древнерусским книжникам с первых веков христианства (Последование Михаилу архангелу, Изборник Святослава 1073 и др. См. подробнее: Древнерусские Ареопагитики. М., 2002. С.9–34).

⁷³ Древнерусские Ареопагитики. С.90 – 98. – Ангелы могут также представать в образе, указывающем на совершаемое ими дело, в соответствии с их чином (Там же. С.147).

Небесные духи образуют в описании псевдо-Дионисия строгую иерархию из девяти чинов, разделенных на три группы⁷⁴, причем ангелами называются как наиболее близкие земному миру духи, так и иные чины: высшие имеют в себе «осияния и силы» низших, и, следовательно, сила и природа ангелов свойственна всем иерархиям. Ангелы, отпавшие с Сатанайлом, могли причисляться в источниках к *десятому чину*⁷⁵.

Небесные чины совершенствуются, освещаясь и развиваясь через постоянную причастность к Богу⁷⁶. По мысли Максима Исповедника, им присуща свобода воли, проявляющаяся в добровольном «простирации» к Господу высшей иерархии ангелов; если бы они были созданы совершенными и первыми, то не нуждались бы в постоянном очищении и просвещении в Боге. Первые чины более мудры и простерты к Всевышнему, благодаря их добровольному всеобъемлющему устремлению к Господу они оказываются ближе к Нему, чем кто-либо, и занимают высшую ступень; остальные ангелы также стремят-

Кроме этого, Небесные силы изображаются с помощью многих иных образов (огонь, человек и др.), т.к. это в определенной степени указывает на их свойства (Там же. С.183–201). Подобные символы помогают людям прозреть не облик, но сущность ангелов (Ср.: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С.47–48). В свою очередь, явления Бога праведным людям происходили через зримые видения, образы которых соответствовали сознанию и вере святых: «по мере каждо своею верь сподоблеашея некоего видения». (Древнерусские Археопастыри. С.115).

Первая иерархия состоит из серафимов, херувимов и престолов, вечно стремительно движущихся в непосредственной близости к Создателю; эти чины изливают открытую им божественную силу и очищающий свет всем иным ангелам. Серафимы воплощают очищающий и просветляющий все свет и жар, херувимы – божественную мудрость, престолы – высочайшую устремленность к Богу, чуждое всем пределам предстояние Всевышнему.

Следующая иерархия состоит из господств, сил и властей, воплощающих соответствующие качества: господства – свободное, непреклонное господство, стремящееся к уподоблению Господу, силы – неослабевающую силу возвышения, власти – учрежденность и полноту свободной надмирной власти. Третья иерархия, наиболее приближенная к людям, состоит из начал, архангелов и ангелов; начала воплощают владычествование, направляющее нижние чины, архангелы сообщают его ангелам.

⁷⁵ См. об этом в Повести временных лет (БЛДР. Т.1. С.134). Здесь же утверждается, что место Денницы, папшего предводителя ангелов, занимает архангел Михаил. Ср. то же в эсхатологическом памятнике «На собор архангела Михаила» и в Палее: Григорьев А.В. Указ. соч. С. 228, 265, 266.

⁷⁶ Древнерусские Археопастыри. С.133, 135.

ся к Создателю, совершенствуясь и осуществляя в этом свободу своей воли⁷⁷. В то же время ангелы лишены чувственного начала, которым человек наделен наравне с разумом и которое составляют существо животных: ангелы никогда не руководствуются чувствами, так как их разум неизмеримо превосходит человеческий⁷⁸.

Свет, мудрость и благодать от Бога через высшие иерархии распространяются на нижние, по иерархической цепочке передается воля Бога нижайшим духам, наиболее близким к земному миру и людям. Первая иерархия священноначальствует второй, вторая наставляет третью, третья же является наставником человеческих иерархий; через «лествицу» духов освящается иерархический порядок земных устройств: всякая власть происходит от Бога и восходит к нему через земные и Небесные чины⁷⁹.

Представление об иерархии Небес и обитающих на них ангелах было известно на Руси по многим переводным сочинениям, в том числе апокрифическим текстам, однако представленные там картины зачастую существенно отличались от модели псевдо-Дионисия Ареопагита⁸⁰. Отцы Церкви писали об одном (Иоанн Златоуст), двух (блаж. Феодорит), трех Небесах (Иоанн Дамаскин, Василий Великий) и по-разному говорили об ангельских чинах⁸¹. В то же время сложные иерархии Небес и Небесных духов не находились в центре внимания древнерусских книжников: летописцы и агиографы повествовали о конкретном действии Божьих посланников в современном им мире.

⁷⁷ Там же. С.160 – 162. Ср.: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С.46 – 47.

⁷⁸ Древнерусские Ареопагитики. С.189 – 190.

⁷⁹ Там же. С.150 и далее.

⁸⁰ В древней «книге Еноха» семь Небес не имеют превосходящей иерархии. Кроме этого, упоминаются новые, в том числе павшие во грех, чины ангелов: на втором («злоступницы Господни суть, не послушающая гласа Господня, но своею волею съевцавшие») и на пятом Небе (двести «григоров» – существ, подобных людям, с печальными лицами: эти духи сошли на землю и осквернились браком с человеческими женами (ср.: Быт 6:1-4, о трактовках библейского сюжета см. Григорьев А.В. Указ. соч. С. 191, 209–210); по совету Еноха они вновь начинают служить Господу). На шестом Небе, среди прочих, упоминаются семь «фуник» (фениксов), херувимов и «шестокрилец» (серафимов), на седьмом Небе Енох видит все небесное воинство, включающее архангелов, ангелов «и светлое стояние офанимское» (БЛДР. Т. 3. СПб., 2000. С. 192–212). Ср. видение Небес в Житии Андрея Цареградского, апокрифическом Видении Исаяи и др.

⁸¹ Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С.405, 407, примечания. Ср. рассуждения о количестве Небес у Козьмы Индикоплова: Григорьев А.В. Указ. соч. С.193.

Изображение Царствия Небесного, Небес, земного мира и преисподней.

На небесах – огненный херувим в окружении ангелов.

Миниатюра из Христианской Топографии Козьмы Индикоплова (рукопись XVIII в.)

В рассказах средневековых авторов бесплотные духи являют себя в виде огня, огненного столпа или человека, блистающего неземным светом; они приносят людям вести, участвуют в битвах, определяя их исход, спасают и наставляют праведников и иными способами исполняют волю Всевышнего, подобно тому, как это описано в книгах Священного Писания. Помимо прочего, ангелы, по воле Бога, пресекают жизнь грешника⁸². Ту же функцию могут выполнять бесы, а также персонифицированная Смерть, чей образ широко распространяет-

⁸² См., напр.: *Древнерусские патерики*. С.35.

ся к XVII веку (см., напр., изображения Смерти в Синодниках XVI–XVII вв.). В исследовательской литературе уже отмечалось, что в уста Смерти, пресекающей жизнь человека, вкладывались евангельские слова о Конце света, который «грядет как тать в ночи»⁸³. На закате русского Средневековья подобное использование библейского топоса могло свидетельствовать о переносе акцента с ожидания второго Пришествия на ожидание посмертного суда (подобные процессы наблюдаются на Западе в конце XIV – XVII в.). Примечательно, однако, что евангельские слова вкладывались в уста не только Смерти, но и ангела, пресекающего жизнь человека: «и вы будите готови всегда – в день и в ночь и на всяк час; яко тать приду и не умедлю, уже к тому не пощажу, и неготовых застану вас, тако лютее без милости разлучю душу от телеси вашего, яко хищник немилостивый»⁸⁴. Как ангелы, так и Смерть прерывают жизнь человека, назидая о тщете земных благ и памятомертии, в то время как убийство, совершаемое бесом, получает иные обоснования.

Из патристики и византийской агиографии на Руси распространились представления о постоянном незримом следовании Небесных и падших духов за человеком: ангелы записывают на хартии его добрые дела, подобно тому, как бесы заносят в свои хартии грехи; ангелы радуются его покаянию, смывающему бесовские записи, подобно тому, как бесы радуются грехопадению; после смерти человека ангелы и бесы спорят об участи усопшего, предъявляя свои записи для оправдания и осуждения его жизни; ангелы ведут душу, помогая ей пройти воздушные мытарства и противостоять осуждениям демонов⁸⁵.

⁸³ «Приидеть же день Господень, яко тать в нощи, в оньже небеса оубо съ шумомъ мимоидуть, стихия же съжегаемы разорятся, земля же и яже на неи дела съгорятъ» (2 Пет. 3:10. Ср.: 1 Фесс. 5:2, 5:4; Откр. 3:3, 16:15). В немецком «Прении живота и смерти» (переведенном на Руси в конце XV столетия и ставшем популярным в XVI–XVII вв.) Смерть утверждает, что ходит «аки тать во дни и в нощи», причем в некоторых редакциях она прямо применяет к себе слова евангельского пророчества о Страшном Суде (См. об этом: Майзульс М.Р. Древнерусский человек перед лицом смерти // Россия XXI. 2003. №6. С.129–131). Ср. использование топоса у митр. Иова (Иов, митрополит Новгородский. Ответ краткий на подметное письмо о рождении антихриста. М., 1707. Л.654).

⁸⁴ Демкова Н.С., Семякина З.П. «Повесть Об ангеле, послушавшемся Бога» (Из истории русской повести конца XVII – начала XVIII века) // Русская литература на рубеже двух эпох. М., 1971. С.153.

⁸⁵ См., напр.: Молдован А.М. Указ. соч. С.261 – 264, 291, 390 – 391; Древнерусские патери-

Смерть, ангелы и бесы с хартиями прижизненных грехов у постели умирающего; тяжба ангелов и бесов за душу. Миниатюра из «Григориева видения» (рукопись XIX в.)

Граница между человеком и ангелом огромна, но не непреходима. Если Богородица почитается и прославляется Церковью выше херувимов и серафимов, то праведный человек, по словам Иоанна, экзарха

ки. С.34, 103; Пигин А.В. Видения потустороннего мира... С.90–91, 96–97; «Слово святых отец о войне» из Измарагда // БЛДР. Т.10. СПб., 2004. С.113; Житие Василия Нового // БЛДР. Т.8. С.498–500, 506–508; Сахаров В.А. Указ. соч. С.185–186. См. также: Свяитель Игнатий (Брянчанинов). Указ. соч. С.184–200, 205–215, 258–304. – В источниках встречаются также утверждения о том, что за праведной душой приходят ангелы, а за грешной – бесы (См., напр.: Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Указ. соч. С.173–174).

Болгарского, обретает ангельское естество: «свершаяся человек на агельский чин възходит»⁸⁶ (ср. у патр. Фотия⁸⁷). В Видении Исайи ангел обещает пророку приобщение к духам высшего, седьмого Неба: «Егда ис плъти семо възвратишися хотениемъ Отчъмь, тьгда възприи-меша одежу свою и тьгда ты будешь равньъ ангелом, сущим в семемо небеси»⁸⁸. Святые при жизни становятся «ангелами на земле», «ангельским чином» почитается схимонашество.

Несколько особняком стоят древнерусские представления об архангеле Михаиле, архистратиге Небесного воинства, победителе сатаны. В ряде памятников он представлен помощником людей, молящимся за них перед Господом, в иных источниках это ангел, выполняющий самые страшные миссии и карающий людей⁸⁹. Карать грешников могут и иные Небесные духи⁹⁰, однако культ грозного архангела занимал особое место в культуре Московской Руси. Несмотря на то, что Михаил называется архангелом, что соответствует предпоследнему, близкому к Земле чину в иерархии псевдо-Дионисия, в памятниках архистратигу Небесного воинства часто отводится роль повелителя всех Небесных сил⁹¹. Благой

⁸⁶ Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. С.623. – Мысль о том, что человек способен стать как ангелом, так и зверем – не по естеству, но по произволению, обосновывалась в патристике (Иоанн Златоуст).

⁸⁷ «...и толико кресту сила, ибо и человеческое естество агельский преложи чин» (Фотий, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос. М., 2005. С.155).

⁸⁸ БЛДР. Т.3. С.196. Ср. об «ангельском чине» патриархов в Хождении Богородицы по мукам: Там же. С.312.

⁸⁹ См.: Добиаш-Рождественская О.А. Культ святого Михаила. Пг., 1917. С.46; Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Т.37. 1983. С.54 – 78; Малэк Э. Образы ангелов в древнерусской письменности (ангелы грозные, тихие и милостивые) // ТОДРЛ. Т.54. СПб., 2003. С.205 – 206.

⁹⁰ По утверждению Э.Малэк, на Западе примерно с XIII века образ карающего ангела сменяется бесом или озем, нисходящим с небес, в то время как в древнерусской книжности ангелы по-прежнему могут насыпать болезни и смерть (Малэк Э. Указ. соч. С.206). Изображения карающих ангелов, однако, известны в Европе и после XIII в.

⁹¹ См., напр., в апокрифах, описывающих Небеса и обитающих на них ангелов, – книге Еноха, Хождении Богородицы по мукам, где Михаил назван, в частности, «шестокрист-ву похвало», т.е. похвалой серафимов (БЛДР. Т.3. С.198, 306, 318). В патристике предполагалось, что Денница, место которого занял арх. Михаил, до падения был херувимом или принадлежал к иному из высших чинов; что он был архангелом; что он из числа низших ангелов и начальствовал «земному чину» или поднебесным духам; соответственно бесы обитают в воздухе, а ангелы в более высоких сферах (См.: Св. Иоанн Дамаскин. Указ. соч.

вестник, архангел Гавриил также нередко упоминается в памятниках; в некоторых источниках названы имена иных Духов.

Помимо ангелов, следовавших за Сатанаилом и превратившихся в бесов, в текстах, имевших хождение на Руси, можно встретить краткие упоминания иных отпавших духов (два чина ангелов, преступивших волю Создателя, упоминаются в книге Еноха). Тем не менее эти апокрифические описания не распространены в источниках: конвенциональными для древнерусских памятников являются канонические представления о благодатности Небесных духов, исполняющих волю Творца и противостоящих, до второго Пришествия, падшим ангелам, бесам.

Грехопадение и покаяние ангела

В книжности XVII в. известны сочинения, посвященные проблеме теодицеи и неисповедимости Господних путей. Действия ангела как слуги и проводника Божьей воли получают в них весьма характерное раскрытие: человека, усомнившегося в справедливости Божьего промысла, наставляет ангел, открывающий ему Высший смысл происходящего, сокрытый от людских глаз⁹². Подобное объяснение полностью соответствует общезначимым моделям древнерусской литературы⁹³. В свою очередь, роль ангела как слуги и могучего проводника Божьей воли получает в подобных сочинениях каноническое раскрытие. Однако в конце «переходной» эпохи создается произведение, нарушающее традиционные представления о природе Небесных духов. Речь идет о неизвестной «Повести об ангеле, послушавшемся Бога»⁹⁴.

Начало Повести рисует картину, нетипичную для древнерусской книжности: спасаясь от сарацин женщина рождает в лесу двух младенцев и кормит их грудью, «в то же время посла Господь с Небеси ангела своего, и повеле душу ея взятии ис телеси. Ангел же Господень прииде и стоя, размышляя и глаголя: Воля пославшаго мя, а не моя. Како аз

С.49, 40б, примечания; Святитель Игнатий (Брянчанинов). Указ. соч. С.411).

⁹² См., напр., «Приклад о великой справедливости Божией и яко судьбы его сокрыты суть» из переводного сборника «Римские Деяния» (ПЛДР. XVII век. Кн.2. С.164–165).

⁹³ Противоречие между земной логикой и «духовным зрением» праведников, чьи действия зачастую непонятны простым наблюдателям, характерно для агиографии – как переводной, так и русской.

⁹⁴ Сочинение сохранилось в списках XVIII – XIX вв., однако создано, по мнению исследователей, в конце XVII в. (См.: Демкова Н.С., Семякина З.П. Указ. соч. С.128–148; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.3. Ч.3. СПб., 1998. С.72–75).

разлучю душу от сея роженицы, понеже в пустыни сеи, а сия младенцы скверны и не крещены?»⁹⁵ Пока посланный Богом дух размышляет, сомневаясь в праведности повеления Всевышнего, является второй Небесный посланник и совершает предначертанное; младенцы, несмотря на сомнения «жалостливого» духа, обретают спасение благодаря ниспосланному чуду. Первый ангел оказывается заложником простой человеческой логики, не учитывающей Высшего промысла; если в поведеньях о неисповедимых путях Господних воля Бога остается сокрытой для людей и открывается им ангелами, то теперь функции несведущего и наивного человека приписываются самому духу, который согрешает неверием в благодать Всевышнего. Объяснения автора Повести нарушают важное представление о том, что ангельское естество «не падати, бесовское же не возстаети»: ангел совершает грех, подобно человеку. Вслед за грехопадением Небесный посланник лишается своего чина и становится монахом: дух оказывается «пеш и мних прост», уходит в монастырь и тридцать лет трудится, «яко плотен»⁹⁶. Годы аскетической жизни в монастыре приносят, в конечном итоге, прощение иноку-ангелу – ему возвращен утерянный чин, и дух возвращается на Небеса. Примечательно, что возвращению предшествует не самая смиренная молитва, обращенная провинившимся ангелом к Господу: «О како им, человеколюбче, терпиши, како щедриши окаянным сим человеком, нас бо, ангел своих, не пощаде! Толико едино согреших пред Тобою, Господи, яко умилхся младенец ради. Но ныне помилуй мя, служаща ти...»⁹⁷.

Суть греха, совершенного ангелом, – сомнение во всемогуществе и благодати Творца – характерна, по верному замечанию Э.Малэк, для возгордившихся людей, «поставивших себя по меньшей мере наравне с Богом»⁹⁸. Падение светлого духа, отказавшегося исполнять волю Господа, и возвращение его прежнего чина через смиренную жизнь среди людей – фантастическая картина, противоречащая распространенным на Руси представлениям о природе ангелов, но в ключевых моментах схожая с идеями, возникающими со второй половины XVII столетия. В сочинениях Нового времени духи – как бесы, так и ангелы – могут получать плоть, подобную человеческой; обладая свободой выбора, они оказываются способны как к бестелесному покаянию (бесы), так и к

⁹⁵ Демкова Н.С., Семякина З.П. Указ. соч. С.149.

⁹⁶ Там же. С.152.

⁹⁷ Там же. С.153.

⁹⁸ Малэк Э. Указ. соч. С.208.

новому грехопадению (ангелы), изменяющему их прежнюю природу. В то время как «материализованные» бесы способны противостоять присутствию Небесных сил и творить свою волю, ангелы могут не выполнять волю Всевышнего по собственному «неразумению».

Комплекс изменений, вторгшихся в конвенциональные модели древнерусской культуры с середины–конца XVII в., затрагивал многие представления о бесплотных духах, а вслед за этим и о самом Боге и о том, какие отношения возможно выстраивать с Господом. Весьма интересную картину представляют в этом ряду памятники, созданные во второй половине столетия, в том числе относящиеся к уникальному жанру «автобиографических» Житий. Изучение подобных источников выявляет многие примечательные моменты эволюции, происходившей в «переходную» эпоху. Рассмотрим некоторые примеры.

(Окончание следует)

**Разве в русском обществе наука и ум до последнего времени были в чести?..
Разве наша наука не была у нас жалким пересаженным растением?**

Иван Аксаков

**Никакие таланты не возвысят
человека в государстве без
угождения людям.**

Николай Карамзин

Владимир Бородулин,
Виктор Тополянский

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК. ДОКТОР
Г.И.СОКОЛЬСКИЙ
В МОСКВЕ СЕРЕДИНЫ XIX
ВЕКА¹

This part of the article is devoted to investigation of circumstances and reasons of G.I.Sokolski's unexpected discharge from the university, his life as a popular Moscow private practitioner and the dull final of his life which ended up in a quarter of century long desolation. Unraveling barely visible tangle of university plot in accordance with the detective stories' laws the authors come to the conclusion that not debacle of universities during "the Nicholas reaction", not the banishment of 'the spirit of materialism and freethinking' from universities but the restless mind, innovative and creative ambitions, a peevish, 'thorny' characters, that is the very personality of Sokolski made him an inconvenient, unwanted figure for the higher authorities and predetermined his premature resignation. According to the authors, Sokolski belonged to a peculiar psychological type of natural scientists that were in a permanent discordance with the surrounding ambient. These were the out-of-season people. Such persons belong to the Future but are unwanted by the Present.

¹ Окончание. Начало см. «Россия XXI». 2007. №2.

Кто такое есть практический врач в Москве?

Г.Сокольский. Отзыв на монографию Н.И.Пирогова

В 1836 году из Императорского Московского университета был отправлен в отставку профессор терапии И.Е.Дядьковский – «мощный талант русской медицины» (по словам историка медицины Л.Ф.Змеёва), властитель дум, кумир (его называли «сиреной») университетской молодежи. Спустя 12 лет история повторилась: в 1848 году уволили Сокольского, сорокалетнего профессора в расцвете сил, известного ученого. Эпоху было принято именовать «николаевской реакцией», и в советской историко-медицинской литературе в середине XX века сложилась клишированная оценка этих событий. А именно: во времена господства уваровской формулы «православие, самодержавие, народность» и погрома высших учебных заведений два блестящих профессора Московского университета, считавшихся гордостью его медицинского факультета, один за другим были изгнаны из него за свободомыслие и материалистические взгляды, несовместимые с официальной идеологией, объявившей войну «духу вольнодумства и лжемудрия». Такое «клише» было особенно удобно сторонникам концепции «единой русской врачебной школы», неизменно прогрессивной и материалистической², однако оно не позволяло избавиться от очевидных вопросов – по крайней мере, в отношении Сокольского.

Прежде всего, сама эта концепция, созданная в угоду идеологическим штампам советского периода, теперь утратила всякий смысл. Нет никаких оснований для объединения русских врачей – от Мудрова (а то и еще раньше – от С.Г.Зыбелина в XVIII в.) до Сокольского – в гипотетическую «единую школу»; в частности, ничего общего в мировоззрении, методологии и клинических интересах Дядьковского и Сокольского уже не разглядеть.

Материализм Дядьковского простирался до безусловного атеизма. На лекции он мог, например, раскрыть студентам естественнонаучное происхождение «нетленных мощей» (что сыграло свою роль в его увольнении из университета). Вопреки всем традициям и правилам «приличного поведения», безбожный материалист Дядьковский отказался от последнего причастия. Сокольский же прочно стоял на плат-

² См., например: Зиновьев И.А. *К истории высшего медицинского образования в России*. М., 1962; Лушников А.Г. *Григорий Иванович Сокольский //Многотомное руководство по внутренним болезням*. Т.10. М., 1963.

форме так называемого естественнонаучного материализма, который никому – от И.Ньютона до Р.Вирхова – не мешал ладить с Богом.

Свободомыслие и критический склад ума на фоне окружающего сонного царства выделяли и Дядьковского, и Сокольского. Однако первый был близок к декабристам, тогда как второго привлекали, по видимому, воззрения весьма умеренных либералов – западников³. В университете несомненное влияние на Сокольского оказал М.Я.Мудров; учителем Дядьковского называют другого классика отечественной медицины – Е.О.Мухина⁴. По своим научным интересам Дядьковский был клиницистом-физиологом, ранним «нервистом». Сокольский же доверял секционному ножу, а не робким экспериментам на нервной системе и туманным теоретическим рассуждениям; оставляя физиологию будущим поколениям исследователей, он – вслед за Мудровым – развивал клинико-анатомическое направление в лечебной медицине. Можно утверждать, что Дядьковский и Сокольский были учеными разного склада и шли в своей специальности разными путями; они не принадлежали и не могли принадлежать к общей клинической школе.

Примечательно, что ни один из исследователей не обнаружил ни в архивах, ни в литературных источниках каких-либо конкретных доказательств именно политических мотивов как причины отставки Сокольского; вообще все суждения по поводу его отставки основаны на впечатлениях современников, слухах, догадках. Так, Н.И.Пирогов вспоминал, что Сокольский в Москве «не ужился в университете и вышел в отставку до эмеритуры⁵, больно сострив на одном экзамене над попечителем Голохвастовым»⁶. В официальных документах причины увольнения обычно не фиксируются; соответственно, в университетском отчете за 1848/49 учебный год сказано предельно скупое: «Произошли следующие перемены в чиновниках и преподавателях... Уволены: ординарный профессор Сокольский, ассистенты...»⁷. Биографический словарь про-

³ *Со всеми, разумеется, поправками на особенности его личности и самобытность его взглядов, что не позволяет безоговорочно вписать его ни в какую карту политического пасьянса того времени.*

⁴ Лушников А.Г. *И.Е.Дядьковский и клиника внутренних болезней первой половины XIX века. М., 1953. С.16 и др.*

⁵ *От лат. emeritus (заслуженный). В данном случае речь идет о получении звания заслуженного профессора.*

⁶ Пирогов Н.И. *Вопросы жизни. Дневник старого врача. // Сочинения. Т.1. С.334.*

⁷ *Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1848–1849 академический и 1849 гражданский годы. М., 1849. С.2.*

фессоров Московского университета трактовал увольнение Сокольского как освобождение от должности «по прошению». Официальный историограф кафедры частной патологии и терапии вынужден был признать, что ничего не известно «о тех причинах, по которым он (Сокольский) так рано оставил университет», и невнятно комментировал: «Повидимому, вследствие неприятностей по службе»⁸. Но есть, может быть, какие-то документы, позволяющие хотя бы предположить, как сама «жертва репрессий» объясняла причины отставки?

Действительно сохранилось 10 писем Г.И.Сокольского (за 1840–1871 годы, на 16 листах) к издателю журнала «Москвитянин» М.П.Погодину – историку, писателю, академику⁹. В девятом и десятом письмах (датированных соответственно 30.07. и 14.12.1871), где обсуждаются интриги в высших эшелонах государственной власти, сказано: «А моя история в университете разве не была проделкою, и доселе мне непонятною?..». Из дальнейшего текста можно догадаться, что за этой «проделкою» он различает министра С.С.Уварова¹⁰ и своего однокашника по Дерптскому и коллеги по Московскому университетам Ф.И.Иноземцева¹¹.

Следует оставить на совести автора писем резкие и однобокие, а потому неточные характеристики: Уварова никто не относил к людям, верным слову, чести и достоинству, однако был он выдающимся государственным деятелем России; Иноземцев не был лишен слабостей «светского льва», но и коллеги, и студенты видели в нем нравственную личность, творчески мыслящего врача, выдающегося педагога и видного общественного деятеля. О какой же именно «проделке» идет здесь речь? О выдворении из университета или о назначении в 1842 г. на кафедру терапевтической клиники не Сокольского, а Овера? Так или иначе, но весьма откровенные письма с политически заостренным контекстом никаких других высказываний относительно причины внезапного увольнения не содержат.

Вряд ли сам Сокольский связывал причину своей отставки с обвинениями в материализме и оппозиционных общественно-политических взглядах. Да и погром университетов пришелся на конец первой, а не

⁸ Богданов Н.М. Указ. соч. С.76.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.231. Р.2. К.30. Д.82. Л.13–16.

¹⁰ («Отвратительно гордый характер. Везде я и я...»).

¹¹ («харьковского пройдохи», который втерся в доверие к министру, «завладел его душою» и «страшно баламутит дела нашего университета»).

второй четверти XIX века. На пике этого погрома главными жертвами стали Казанский и Петербургский университеты, тогда как Московского преследования коснулись менее всего. Это в Казанском университете по распоряжению попечителя – известного мракобеса М.Л.Магницкого – публично захоронили по православному обряду препараты анатомического музея. Ничего подобного в Московском университете не происходило. Не единая врачебная школа и не оппозиционные политические взгляды, а общая судьба объединила два крупных и разных таланта – Дядьковского и Сокольского: и тому, и другому было душно в затхлой факультетской атмосфере, и обоих эта рутинная среда выдавила из университета.

Если увольнение Дядьковского имело явную политико-идеологическую подоплеку, то приблизиться к пониманию мотивов скоропалительной отставки Сокольского помогает его психологический портрет. Кажется, нет такого его современника, который не отметил бы прямоту и резкость его суждений, наряду с бескомпромиссностью своенравного поведения. Показательны его язвительно меткие, афористичные высказывания – блестящий пример «несвоевременных мыслей»: о достойной жизни «без спеси к низшим и без подобострастия к высшим»; об эпохе – «век скучного многоглаголения»; о власти – «людей нельзя заставить кулаком почитать истину»; о коллегах-профессорах – желательно, «чтобы люди, горящие усердием к народной образованности и общественному здравью, не прежде соделывались учителями народа, как после достаточного собственного образования»; об авторах многотомных трудов – «толковать без пощады обо всякой мелочи значит показывать обидную недоверчивость к понятиям читателей и увеличивать число слов, не увеличивая мыслей»; о любителях ссылок на авторитеты – «как скоро разум удаляется от законов мышления, то никакие цитаты не в состоянии предохранить его от заблуждения».

«Человек, напитанный чужим умом, – полагал он, – есть навьюченное чужой тяжестью животное». О себе же говорил так: «Долгом считаю сказать, что все упоминаемые мною как патологические, так и анатомические положения многократно проверены собственными наблюдениями». Свое отношение к цензуре он выразил в письме (11.04.1842) к Погдину, на ком лежала тяжесть личной ответственности за все напечатанное в его журнале: «Милостивый господин Михаил Петрович! Посылаю вам свою статейку для напечатания, если удостоится, в Москвитяине <...> Я не подписал своего имени для того, что Цензор берет на себя право марать смело, как скоро видит мою подпись; а потому

прошу вас подписать под этой статьей мое имя, когда она выйдет из цензуры...»¹². Как тут не приобрести явных врагов и тайных недругов!

Неуживчивость Сокольского, его постоянные язвительные высказывания, нараставшие с годами желчность и раздражительность создавали вокруг него атмосферу недоброжелательства, изоляции, готовили почву для административных преследований. Наряду с этим беспокойный ум Сокольского и его творческие амбиции порой воспринимались коллегами-преподавателями как чуть ли не нарушение существующего порядка и даже угроза дестабилизации казавшихся незыблемыми медицинских устоев. Его исследовательские и педагогические устремления и приемы, целиком обращенные к духу работ Лаэннека, Шенлейна и других провозвестников европейской естественнонаучной медицины второй половины XIX века, были слишком новаторскими; они не находили, да и не могли еще найти, понимание у его сотрудников по университету. Там преобладали профессора-консерваторы, лечившие и учившие по старинке, как их самих учили, на основе знаний, закрепленных в руководствах их молодости, и собственного врачебного опыта, без перкуссии, аускультации и тому подобных новомодных приобретений. Чрезвычайно демонстративна в этом отношении фигура Топорова – личности самобытной и заметной; студенты и коллеги по университету дали ему выразительные, хотя и взаимоисключающие, характеристики и сделали его заметным персонажем историко-медицинской литературы.

Официальная биографическая справка гласила: «Топоров, Николай Силыч, доктор медицины и акушер, ординарный профессор частной патологии, терапии и психиатрии <...> статский советник, кавалер, имеющий знак отличия беспорочной службы за 20 лет, родился в Москве 1803 года ноября 27-го дня. По смерти отца своего, весьма бедного московского мещанина <...> в 1812 году, во внимание к крайней бедности, не достигнув еще 10-летнего возраста, принят был в число казеннокоштных воспитанников Московского коммерческого училища»¹³. О «маленьком Топорове» хлопотал перед директором училища Т.А.Каменецким сам Мудров: «Ежели что можно сделать лучшее для него, то сделайте сие благодеяние <...> Ибо брат его, податель сего письма, мой возлюбленный ученик и наперсник»¹⁴.

В 1827 г. Топоров окончил медицинский факультет Московского университета; совершенствовался в практической медицине в Москов-

¹² ОР РГБ. Ф.231, раздел 2, картон 30. Д. 82.

¹³ Биографический словарь профессоров... С.500.

¹⁴ ОР РГБ. Ф.406. К.1. Д.3. Л.95–95 об.

ском военном госпитале. Уже в качестве адьюнкта по кафедре патологической семиотики и терапевтической клиники (с 1836 г.) он завершил свое медицинское образование в европейских университетах и госпиталях, в том числе у Андраля и Буйо в Париже и у Шенлейна в Цюрихе; в Вене он изучал «стетоскопию» у Шкоды, а патологическую анатомию – у Рокитанского (1838–1839). По возвращении в Москву после такой солидной разносторонней подготовки на кафедрах самых высоких европейских авторитетов он продолжал работать в терапевтической клинике под руководством Бунге, а затем Овера и лишь в январе 1849 г. сменил Сокольского на кафедре.

У Топорова учились такие классики медицины, как И.М.Сеченов и С.П.Боткин. Вспоминая студенческие годы¹⁵, Сеченов писал: «С переходом на 3-й курс свихнулся в самом начале года в сторону от медицины <...>. Виной моей измене медицине было то, что я не нашел в ней, чего ожидал, – вместо теорий голый эмпиризм. Первым толчком к этому послужили лекции по частной патологии и терапии профессора Николая Силыча Топорова – лекции по предмету, казавшемуся мне самым главным. Он рекомендовал нам французский учебник Гризоля и на своих лекциях очень часто цитировал его словами "наш автор". Купив эту книгу, начинавшуюся, сколько помню, описанием горячечных болезней, читаю и изумляюсь – в книге нет ничего, кроме перечисления причин заболевания, симптомов болезни, ее исходов и способов лечения, а о том, как из причины развивается болезнь, в чем ее сущность и почему в болезни помогает то или иное лекарство, ни слова. Думаю: видно, Николай Силыч и Гризоль устарели <...> Нужно, впрочем, отдать справедливость лекциям Николая Силыча: для тех, кто не ожидал от него, как я, теории болезней, они могли быть даже поучительны, потому что, будучи большим практиком, он много говорил о виденных им интересных случаях».

Этот текст сопровождало важное примечание автора: «Впоследствии, когда мы с Боткиным вспоминали наше студенчество, он всегда отзывался о Николае Силыче как очень умном человеке и хорошем практике. Некоторую отсталость его он оправдывал словами якобы самого Николая Силыча: "Зачем нам термометры да микроскопы, была бы сметка, мы и без них нажили Топоровку"» (на Малой Молчановке были два дома Топорова, и эту улицу медики прозвали Топоровкой). Вместе с тем представитель захарьинской врачебной школы Н.Ф.Голубов с негодованием писал, что Топоров даже в 1850-е годы,

¹⁵ Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1952. С.85–86.

через 30 лет после смерти Лаэннека, вовсе отрицал методы перкуссии и аускультации, «называя их публично шарлатанскими приемами»¹⁶. Таковую же оценку преподавательской деятельности Топорова дал и Н.А.Белоголовый – сокурсник, друг и биограф Боткина¹⁷.

Итак, превосходная подготовка у европейских светил не помогла? Топоров и «Топоровка» приобрели символическое значение, олицетворяя косность в научных взглядах, сугубый эмпиризм и сребролюбие? Но вот еще одна характеристика Топорова – университетского преподавателя. В 1848 г. при выборах профессора кафедры патологической анатомии и патологической физиологии Овер обратил внимание членов Совета на следующие качества кандидата Топорова: «В профессоре этой кафедры <...> основательное теоретическое знание своего предмета должно быть соединено с опытностью, знанием химии, микроскопии и семиотики <...> все сии качества имеются в одном-единственном из членов сего факультета адъюнкте терапевтической клиники и патологической семиотики г[осподине] Топорове». Помимо того Овер особо отметил, что его кандидат отлично владеет методом микроскопии¹⁸.

Поверить, чтобы Овер, Сеченов и Боткин просто усложнили оценку Топорова, не разглядев в нем классический тип ретрограда, слишком трудно. Надо полагать, он был и неглупым человеком, и недурным практическим врачом, и компетентным преподавателем. В отличие от Сокольского, ученым он, конечно, не был, но не всем дано... Другое дело, что по складу характера и убеждениям Топоров принадлежал, безусловно, не к разряду новаторов, реформаторов, а к распространенному психологическому типу эмпириков и консерваторов. Не сразу и не очень охотно вводил он различные новшества в свою врачебную практику и в процесс университетского преподавания. Макро- и микроскопическую патологическую анатомию как важнейшую основу клинической медицины он признавал, а в возможности перкуссии и аускультации как преобразующих врачебную диагностику методов непосредственного исследования больного не поверил – впрочем, как и большинство современных ему врачей. И был он эмпириком не просто

¹⁶ Голубов Н.Ф. *О направлениях в русской клинической медицине (Москва и Петербург) // Клинические лекции проф. Г.А.Захарьина и труды факультетской терапевтической клиники Императорского Московского университета. Изд. 3-е. М., 1895. Вып.4. С.172.*

¹⁷ Белоголовый Н.А. *С.П.Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892. С.16.*

¹⁸ Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. *Патологическая анатомия... М., 1999. С.180 – 181.*

консервативным, но воинствующим. Его письма попечителю Московского университета Строганову и помощнику попечителя (затем попечителю) Голохвастову – бесстрастное и убедительное свидетельство этому.

В Государственном Историческом музее сохранилось написанное каллиграфическим почерком письмо Топорова, адресованное Голохвастову:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь! Милости, коими Вы изволили осыпать меня с первых дней вступления моего в службу под благодетельное начальство Ваше до дня выезда моего из Москвы за границу, обязывают меня всегдашнюю мою к Вам признательностью и вместе с сим дают смелость снова прибегнуть к Вашему Превосходительству с моею покорнейшею просьбою. Вчерашний день отправлен мною отчет о моих занятиях за границу как к Его Сиятельству Г[осподину] Попечителю, так и в Совет университета, и при оном особое письмо к Его Сиятельству, копию с коего имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству.

Не знаю, сделал ли я то, чего ожидало от меня начальство? По крайней мере я с своей стороны не щадил ни моего здоровья, ни моего состояния для того, чтобы сделаться полезным для службы и вне ее для больного человечества. Отчет мой, по известному мне ходу дел в факультете, поручится, без сомнения, рассмотрению одного из членов; мнение его (без рассмотрения другими членами) утвердится факультетом; следовательно, от голоса одного лица, может быть, неприязненно ко мне расположенного, будет зависеть приговор моего труда. Дабы избежать могущей произойти вследствие сего большой для меня неприятности, я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство, во-первых, о том, чтобы каждый член особо и притом письменно указал на недостатки его; я готов по возвращении моем защищать мои мнения не только перед лицом факультета, но даже перед лицом целой Европы <...> К сказанному мною о Шёнлейне в письме к Его Сиятельству я доложу Вашему Превосходительству еще и то, что адъюнкт Петербургской Медико-хирургической академии Шипулинский, живший здесь более пяти месяцев, вероятно, не откажется подтвердить справедливость фактов, собранных мною в клинике Шёнлейна, если Его Сиятельство признает возможным обнародование мною мнения моего об учении профессора Шёнлейна.

За сим, поручив себя снова в благосклонное внимание и покровительство Особы Вашей, имею честь с чувством искреннего уважения и совершенной преданности пребывать навсегда Вашего Превосходитель-

ства, Милостивого Государя покорнейшим слугою Николай Топоров. Цюрих 8 марта (25 февраля) 1839 года»¹⁹.

Однако чье возможное недоброжелательство имеет в виду автор письма, начиная многоходовую интригу, и что именно пишет он о Шёнлейне? Чтобы прояснить неясные места в приведенном письме, стоит сопоставить его с копией письма преподавателя медицинского факультета Московского университета, адресованного попечителю графу Строганову²⁰:

«...3. Вот уже три недели, как я в Цюрихе; в течение оногo времени ежедневно посещая клинику проф[ессора] Шёнлейна и слушая его лекции, я, конечно, мог бы теперь дать мнение мое и об учении этого человека, слава имени коего достигла и до Москвы; но я счел приличнейшим умолчать о сем до возвращения моего в Москву по следующим обстоятельствам: а). Сочинение под заглавием Dr. Schonlein Allgemeine und specielle Pathologie und Therapie служило Г[осподину] профессору Сокольскому основанием к составлению конспекта его лекций частной патологии и терапии. б). Шёнлейн, как мне известно, уважается немецкими учеными и многими врачами русскими. в). Я же с своей стороны нашел в нем только неимоверную леность, невнимательность к больным и в высшей степени шарлатанство, коим одним, кажется, он умеет приобретать уважение своих слушателей. Я осмеливаюсь утвердительно сказать, что он не только не имеет достоинств клинического профессора, но совершенно отстал от современного состояния медицинской образованности; в доказательство сих, по-видимому, дерзких изречений моих о таком великом человеке (так называли его мне в Москве) я имею факты, собранные в его клинике, состоящие из историй больных, использованных им при мне в его клинике, кои укажут на его невежество в диагностике и терапии. 4. Дабы официальным донесением о проф[ессоре] Шёнлейне не уменьшить в студентах доверенности к лекциям Г[осподина] проф[ессора] Сокольского и не возбудить противу себя негодования, я счел за лучшее довести о нем до сведения Вашего Сиятельства сим донесением, партикулярно адресованным к Особе Вашей...».

Письмо отправлено не декану, не ректору, а, минуя их, прямо попечителю – такой крутой разворот очень в духе самого Сокольского: в схватке сошлись два серьезных противника. Указанный в письме мар-

¹⁹ *ОПИ ГИМ. Ф.404. Д.82. Л.26 – 27.*

²⁰ *Эта копия без указания фамилии автора и даты находится в том же фонде Голохвастова (Там же. Д.26. Л.39–40).*

шрут (Париж – Цюрих – Милан – Падуа – Венеция – Вена) полностью соответствует перемещениям Топорова по Западной Европе в 1838 г., а содержание письма (по копии) прямо отвечает ссылке на него в предыдущем письме. Следовательно, оба письма – попечителю и его помощнику – принадлежат Топорову и нацелены на конкретные мишени. Одна из них – уважаемый немцами «профессор-шарлатан» Шёнлейн (потомки признают его одним из основоположников научной клиники внутренних болезней), а другая – его последователь в Московском университете профессор Сокольский, обучающий студентов по «невежественному» руководству Шёнлейна.

В качестве ординарного профессора кафедры частной патологии и терапии Сокольский жалованья получал профессорского 1 429 рублей 60 копеек из штатных сумм, да квартирных 142 рубля 95 копеек, Топорову же – адъюнкту терапевтической клиники и секретарю факультета – платили вдвое меньше – 714 рублей 80 копеек из штатных сумм, да квартирных 85 рублей 80 копеек²¹. Не меньшей была и разница в престижности этих должностей. Кроме того, Топоров был на пять лет старше Сокольского и содержал семейство, Сокольский же оставался холостым.

И все же не следует предполагать здесь одни лишь корыстные мотивы или мрачную зависть субъекта, почитающего себя недооцененным и поставившего себе задачей любым способом добиться некой социальной справедливости; ни событийная история Московского университета, ни воспоминания современников не дают достаточных оснований для подобных подозрений. Более вероятно идеологическое столкновение: Топоров с его заурядным умом негодовал против нововведений, предлагавшихся Сокольским и нарушавших привычный распорядок и покой рутинного преподавания, эмпирическая медицина первой половины XIX в. не собиралась уступать без боя свои позиции научной медицине второй половины века (история медицины полна подобных противостояний).

Но могло ли иметь значение для чиновного лица высокого ранга мнение всего лишь адъюнкта (доцента, выражаясь современным языком)? Тут надо принять во внимание два обстоятельства. Прежде всего, известно, что во второй половине 1840-х годов (может быть, и раньше) Голохвастов был связан с Топоровым личными отношениями и доверял

²¹ *Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1844–1845 академический и 1845 гражданский годы. М., 1846.*

ему как врачу; весомое подтверждение тому – еще одно, более позднее, чем первые два, письмо, отложившееся в фонде Голохвастова:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь Дмитрий Павлович! Кашель Ваш есть кашель гортанный, просто катаральный, и потому еще раз осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство избегать холодного воздуха и питья; никакие другие меры противу кашля Вашего не нужны. Мариенбадская вода освежит Вас вообще. При сем имею честь препроводить к Вашему Превосходительству пилюли для той больной, которая лежала в Факультетской клинике. Прикажите давать ей каждодневно утром и вечером по 2 или 3 пилюли, смотря по надобности: ибо необходимо, чтобы они послабляли ее раза два в сутки; диеты ей при них никакой держать не нужно; пускай лишь она не употребляет молока и никакой молочной пищи. С чувством глубочайшего уважения и всегдашней признательности моей к милостивому вниманию ко мне Вашего Превосходительства имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивого Государя покорнейшим слугою Николай Топоров. Августа 4-го 1849 г.»²².

Таким образом, в конце 1840-х годов Топоров выступает в роли лечащего врача самого Голохвастова и лиц из его окружения.

Вместе с тем Голохвастов, по отзывам современников, представлял собою совсем не стандартную личность. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, происходившему, по преданию, от выходцев из Литвы (в середине XIV в.)²³. Человек весьма состоятельный, «он в своем доме на Тверском бульваре имел прекрасную картинную галерею, но его страстью было коннозаводство, и у него был один из лучших конных заводов в России»²⁴. Он был автором статей в журнале «Москвитянин», выпустил в свет «Домострой» Сильвестра и «Акты о Голохвастовых»; наиболее известны его труды «Замечания об осаде Троицкой лавры» (1842) и «Голос в защиту русского языка» (1845).

Его продвижение по служебной лестнице было чрезвычайно успешным. С 1833 г., занимая должность помощника попечителя, он временно исполнял еще три обязанности²⁵, а 25 ноября 1847 г. сменил графа Строганова на посту попечителя Московского учебного округа. Дело-

²² ОПИ ГИМ. Ф.404. Д.82. Л.28, 28 а.

²³ Новый энциклопедический словарь (Брокгауз и Ефрон). Т.14. С.55.

²⁴ Князь Д.Д.Оболенский // Московский университет: 1755–1930. С.252.

²⁵ Президента Московской медико-хирургической академии, председателя московского цензурного комитета и председателя строительного комитета по возведению нового здания Московского университета.

вой образованный человек, опытный администратор, помощник Строганова; казалось, можно было надеяться на продолжение строгановского «золотого века» истории Московского университета. Но получилось иначе, и свидетельство беспристрастного очевидца раскрывает причину такой незадачи:

«В выпускном 1833–34 году на университет легла какая-то тень. В университете, сначала вне аудиторий, стала появляться новая личность. Это была статная прямая фигура довольно большого роста, высоко державшая голову, в вицмундире, с крестом на шее. Увидя его, так и хотелось сделать ему плюшкинский вопрос Чичикову: не служил ли он в военной службе? Так он держал себя осанисто и гордо, точно в строю. Может быть, он и служил там. Мы узнали, что его зовут Д.П. Голохвастов, что он назначен помощником попечителя. Он похаживал по обширным дворам университета, как будто осматривая здания. <...> Но вскоре стал заглядывать и в аудитории, садился, пока молча, около профессора, слушал лекции и внушительно, начальственно поглядывал на нас. <...> Затем он стал вмешиваться в лекции, спрашивал студентов, причем поглядывал на нас несколько надменно. Что означает сей сон? – спрашивали мы друг друга и недоумевали. <...> Он же опекал нас очень усердно и все более и более входил в свою роль опекуна. <...> На выпускных экзаменах он уже явился полным хозяином и распорядителем наших судеб; <...> декан при нем стушевался. Он вмешивался в вопросы, задавал свои, одобрял или порицал ответы, даже одного студента довольно грубо удалил из аудитории – и вместе из университета – за какой-то неумелый или непочтительный ответ на его замечание»²⁶.

Герцен, близко знавший своего двоюродного брата, рисует нам тот же портрет образованного, трудолюбивого, безупречного во всех отношениях, но и насквозь «казенного» и без всякой меры «важного» Голохвастова, незаметно для себя превысившего порог своей компетентности:

«Когда Дмитрий Павлович был назначен в университет, я думал <...> что это будет очень полезно для университета; вышло совсем напротив. Если бы Голохвастов тогда попал в губернаторы или в обер-прокуроры, весьма можно предположить, что он был бы лучше многих губернаторов и многих обер-прокуроров. Место в университете было совсем не по нему; свой холодный формализм, свое педанство он употребил на мелочное, пансионское управление студентами; такого вмеша-

²⁶ Гончаров И.А. Воспоминания: В университете // Полное собрание сочинений. Т.9. СПб., 1886. С.40–42.

тельства начальства в жизнь аудитории, такого педельства на большом размере не было при самом Писареве. <...> Формализм его и это вечное священнодействие <...> иногда вводили его в самые забавные истории, из которых, вечно занятый сохранением достоинства и постоянно довольный собой, он не умел никогда ловко вывернуться»²⁷.

Упустить такой «подарок» острослов Сокольский, конечно, не мог, а его недоброжелатели наверняка довели какую-нибудь злую остроту до сведения самого попечителя Голохвастова. Донос попал в удобренную (в частности, Топоровым) почву, а защищать Сокольского было, в сущности, некому... Вот и вся интрига, свободная от героической легенды о либеральных и материалистических взглядах как непосредственной причины изгнания Сокольского из университета.

Участь его была, пожалуй, предрешена сызмальства, поскольку угрозило его родиться в бескрайней «империи насилия», где, по выражению маркиза де Кюстина, «все шпионят, пусть даже по-любительски и безвозмездно», и где только страх, «пышно именуемый осторожностью и умеренностью, – единственная заслуга, которая никогда не остается незамеченной»²⁸. Однако, появившись он на свет где-нибудь в Западной Европе, вряд ли его жизненный путь был бы гладким и безмятежным, ибо особая одаренность не только случайная награда, но и по сути неизбежное наказание: за бесстрашный ум и верность своему призванию избраннику судьбы почти всегда приходится так или иначе расплачиваться.

Как подметили еще античные авторы, характер человека – его судьба; поэтому Сокольскому, непрестанно продуцирующему оригинальные идеи, рано или поздно, но неминуемо предстояло обрести у некомпетентного начальства репутацию особы ненадежной, неудобной, а посему и ненужной. Судьба же Топорова во многом предопределила его характер, и в стране, где «все умы затянuty в одинаковый мундир», по словам маркиза де Кюстина, он, антипод Сокольского, выглядел персонажем весьма полезной, ибо усердно охранял и укреплял давешние устои.

Политический подтекст если и присутствовал в отставке Сокольского, то в качестве способствующего, но не определяющего фона. В связи с революционной ситуацией 1848 г. в Европе по Москве бродили слухи о предстоящем закрытии университетов. Но сначала власти издали но-

²⁷ Герцен А.И. *Былое и думы*. Л., 1946. С.236, 308–321. – Упоминаемый автором А.А.Писарев (1780–1848) – попечитель Московского учебного округа в 1825 – 1830 гг., затем сенатор и академик.

²⁸ Кюстин А. де. *Россия в 1839 году*. Т.2. М., 1996. С.23, 97, 159.

вые инструкции о порядке преподавания и усилении надзора за учащимися и повысили плату за посещение лекций; с 1849 г. профессуре вменили в обязанность предоставлять подробные программы лекций для предварительного рассмотрения администрацией. В такой обстановке преимущества всецело преданного начальству Топорова перед независимым, неудобным, европейски ориентированным Сокольским были очевидны.

Оставив университет и не имея других служебных обязанностей, Сокольский занялся частной практикой. На этом поприще он приобрел имя и достаточную клиентуру. Известную пикантность сложившейся ситуации придавало принципиальное отношение профессора Сокольского к самому феномену частной практики. Своими взглядами на вопрос о том, как соотносится передовая университетская медицина с лечебной деятельностью городских врачей, он подробно поделился с читателями журнала «Москвитянин» еще в 1841 г., воспользовавшись не самым подходящим поводом, – в рецензии на публикацию приоритетного труда Пирогова²⁹. Изъясняясь, как всегда, прямо и резко, совсем не в академических традициях рецензирования, в своем письме в редакцию (а именно об этом жанре правильнее здесь говорить) он подверг резкой критике устои городской врачебной частной практики:

«Наконец, после глубокого, мертвенного молчания в области русской медицины, является у нас отличная монография об одной из новейших операций, исполненная глубокого знания анатомии, хирургии и преимущественно здравого смысла, – монография, которую можно смело поставить наряду с оригинальными заграничными произведениями, а у нас причислить к начаткам врачебного самомыслия. Прочитавши это прекрасное творение, невольно подумал я сам с собою: когда же мы увидим в Москве, если не подобное, по крайней мере похожее на это, доказательство ума и знания наших московских, называющих себя практическими, врачей? Неужели это пышное ремесло только в том и будет состоять у нас, чтобы, приводя непрестанно в движение ноги и колеса, оставлять голову в полной неподвижности?.. Жалкая головная болезнь! В Москве, кажется, эпидемическая. Взглянем беспристрастно на ее этиологию.

Кто такое есть практический врач в Москве? <...> Все лечение городское, сколько я мог постигнуть его здесь в течение 5 лет, состоит частью в забаве больных, частью в разъездах, поставляющих ум везомого в

²⁹ *Отзыв Г.И.Сокольского на монографию Н.И.Пирогова «О перерезывании ахиллесова сухожилия» // Москвитянин. 1841. №5. С.195–197.*

состояние полного бездействия, и, наконец, самую малую часть в припадочном лечении. Ничтожность такого занятия увеличивается по мере известности врача и находится всегда в прямом содержании к ней; известность получивший врач ищет случая быть только на консультациях, которые и прибыльнее и легче для него; самое же лечение, настоящий долг и труд врача, он предоставляет другим, малоизвестным врачам, которые по сущей правде работают в Москве наподобие волов. Правда, что консультации – дело важное, высокое; однако, разобрав то, что они по предрассудку назначаются не в начале болезни, когда еще можно определить план лечения, но обыкновенно в конце ее, где часто ничего сделать нельзя, я заключаю, что эта важная должность есть только забавная игра или такой обряд, без которого неприлично в Москве умереть достаточному человеку. <...> При таком занятии придет ли в голову наука? Достанет ли терпения рыться в трупах? Заглянуть в летописи медицины из любопытства, как думали и думают, как действовали и действуют другие? Даже, по моему заключению, не только уничтожается врачебная любознательность, но еще поселяется сильное отвращение к науке<...>. Великие представители медицины, например Шенлейн, в начале своего поприща никогда не стремились к городской практике и никогда не слыли практическими врачами; они долго изучали природу в тишине, в неизвестности... Да и вообще из истории медицины мы знаем, что врачи, занимавшиеся городовой практикою, меньше всего способствовали успехам и усовершенствованиям врачебной науки, и никогда – образованию своих слушателей»³⁰.

Таким образом, не только тяжелый характер, но и принципиальные взгляды Сокольского служили основанием для нелестных иногда отзывов о его врачебной деятельности. Происходивший из врачебной семьи Н.А.Малевский-Малевиц так, например, вспоминал о консультации Сокольского, приглашенного к его больной матери: «Профессор Сокольский, которого отец пригласил к больной в конце ее болезни, нашел у нее скоротечную чахотку и с обычной своей резкостью сказал отцу: "Что вы за мной посылаете? Посылайте за гробовщиком". К несчастью, моя мать, лежавшая в соседней комнате, услышала, несмотря на лихо-

³⁰ Тут полемический задор явно подвел автора письма. Так, он не мог не знать, что лондонский врач Т.Сиденгам никогда не состоял профессором какого-нибудь университета, но стал одним из основоположников клинической медицины. Многие известные европейские врачи называли себя его учениками, а Герман Бургаве – «всей Европы учитель» – неизменно снимал профессорскую шапочку при упоминании его (Сиденгама) имени с кафедры Лейденского университета.

рабочее состояние, жесткий приговор врачебной знаменитости. С ней сделался сильнейший истерический припадок, а когда она успокоилась, то стали замечать по временам потемнение ее рассудка»³¹.

С 1836 г. профессор Сокольский состоял действительным членом Физико-медицинского общества при Московском университете. Однако каких-либо сведений о его выступлениях в обществе не осталось. По отчету Физико-медицинского общества, на одном из его заседаний в 1849 г. было заслушано «рассуждение» действительного члена общества Сокольского «О распознавании помешательства ума»³². Надо полагать, однако, что это «рассуждение» принадлежало не Григорию Сокольскому, а его младшему брату Ивану Сокольскому – психиатру Преображенской больницы, действительному члену общества с того же 1849 года³³ и автору трудов «О мании» (1840), «О распознавании помешательства ума» (1849), «Сочувственное помешательство» (1859)³⁴.

4.

*На душе спокойно; сердце
Не бушует уж давно...
Раны ль сердца исцелились –
Или умерло оно??*

А.Комаров. Городок

Достоверных сведений о внешнем облике молодого профессора Сокольского нет. Единственный групповой портрет с гипотетическим его изображением хранится в Музее В.А.Тропинина и московских художников его времени³⁵. Но при ближайшем рассмотрении библиографических ссылок и иных аргументов сторонников этого

³¹ Н.А.Малевский-Малевич. Воспоминания // Русский архив. 1909. № 5. С.128–129.

³² Отчет Физико-медицинского общества. С.3 // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1848–1849 академический и 1849 гражданский год.

³³ Тарасенков А. Историческая записка о составе и деятельности Физико-медицинского общества... М., 1856.

³⁴ Галкин В.А. Клиническое мировоззрение И.И.Сокольского (из истории Московской школы психиатров) // Вопросы экзогенных и органических нервно-психических расстройств. М., 1964. Вып.2. С.139–142.

³⁵ Речь идет о картине художника Н.И.Подключникова «На квартире профессора Филомафитского в Антисьевом переулке», где запечатлены хозяин дома и четыре его гостя, включая Н.И.Пирогова. Высказывается предположение, что стройный молодой человек с привлекательной внешностью, стоящий у окна, – Сокольский. Это возможно, поскольку Со-

предположения выясняется, что доказательная база здесь полностью отсутствует. Как выглядел Сокольский в старости, известно из словесного портрета, составленного Н.А.Малевским-Малевичем, отец которого учился у Сокольского:

«В то время в московском медицинском мире гремело два имени: Ф.И.Иноземцева и Г.И.Сокольского. Блестящие лекции этих профессоров сразу увлекли молодого студента. Он сделался усердным слушателем и почитателем обоих <...>

Сокольский пленил отца моего не только своей известной "фармакопеей", но и оригинальностью мышления и своеобразностью обращения. Он не искал популярности у студентов, был требователен, резок и беспощаден в своей критике, но невольно внушал к себе уважение ученостью, остроумием и блеском изложения. Григорий Иванович имел в Москве большую практику и вышел из моды только в конце пятидесятых годов. Он доживал свой век, почти всеми забытый, в Москве, в Кривоникольском переулке, на Арбате, в собственном доме. Отец мой продолжал навещать его изредка и раз взял меня с собой, когда я был уже студентом 1-го курса Московского университета. Мы позвонили у крыльца деревянного двухэтажного домика и по скрипучей крашеной лестнице поднялись во второй этаж. Высокая светлая передняя была вся заставлена шкапами и книгами. В следующей комнате, просторной, с окнами на две стороны и почти без мебели, на середине, в кожаном кресле с низкой спинкой сидел Сокольский. На нем были валяные сапоги, шуба и меховая шапка, хотя в комнате было хорошо натоплено. Перед стариком стояло рядом два сдвинутых стола, заваленных книгами и бумагами. На краю столов, на подоконниках и на книгах там и сям лежали кучки сигарного пепла. Сокольский, когда мы вошли, читал, держа перед собой лупу, какую-то пожелтевшую, мне показалось латинскую, рукопись. Он не встал нам навстречу, а только снял меховую шапку и вынул изо рта окурок сигары. Меня поразило его лицо своим сходством с Вольтером, как его изобразил Гудон в знаменитой статуе, сидящим в креслах. Худое, бритое, обтянутое кожей лицо, нависшие брови, пронизательные строгие глаза, тонкие насмешливые губы. Сходство с Вольтером Гудона усиливалось тем, что сухая маленькая голова Сокольского держалась на тонкой старческой шее, выходявшей из открытого

кольский, Филомафитский и Пирогов были хорошо знакомы еще по Дерптскому университету, а картина писалась в 1835 году, когда Сокольский проездом был в Москве. Однако идентифицировать эту персону и выйти из области предположений невозможно.

ворота сорочки. <...> Он стал расспрашивать меня о моих университетских занятиях и очень похвалил, что я пошел по юридической, а не по медицинской части.

<...> Я впоследствии навещал его еще несколько раз уже один. Разговоры наши преимущественно касались философских вопросов: Сокольский был поклонником Гегеля и немецкой школы <...> Чтобы поощрить мою склонность к отвлеченному мышлению, Сокольский подарил мне немецкий перевод известного сочинения Локка «О человеческом разуме». Сокольский был большим любителем часового мастерства. Во всех комнатах его квартиры на столах и окнах стояли часовые механизмы в более или менее разобранным виде. Семья Григория Ивановича³⁶ помещалась внизу, и он сам занимал верхний этаж и жил один, олимпийцем. Без его зова никто не смел подняться в его покои, а сам он спускался только изредка. Врачебным делом он, по-видимому, уже мало интересовался в последние годы своей жизни. По крайней мере, при мне никогда не говорил о медицинских предметах. Раз как-то, когда мой отец жаловался ему на недомоганье и просил совета, он сказал только: "Надо побольше есть соленого, икры или селедки, да при езде подкладывать под себя подушку; от тряски по мостовым большой вред для нервов". На этом разговор и кончился. Своеобразный, умный старик умер в начале восьмидесятых годов, в глубокой старости»³⁷.

Завершив ученую и врачебную карьеру, Сокольский не потерял самого себя – сохранил ясность остро критичного, пронизательного ума, неординарность взглядов и неукротимость духа, меткость и афористичность речи. Об этом свидетельствовало единственное его печатное выступление в 1860-х годах – отклик на смерть коллеги – профессора Овера³⁸. Не исключено, что постоянно тлевшее в Сокольском чувство протеста против консерватизма и косноязычия побудило его взяться за написание этой статьи после того, как в конце декабря 1864 г. газета «Московские Ведомости» напечатала совершенно бесцветный некролог об Овере, подготовленный по заданию медицинского факультета орди-

³⁶ Собственным семейством отставной профессор Сокольский так и не обзавелся и свой век доживал, по всей вероятности, среди домочадцев младшего брата Ивана Ивановича – штаб-лекаря, начальству угодного и посему награжденного орденом Святого Станислава 3-й степени. Других близких родственников у Сокольского-старшего, по-видимому, не было.

³⁷ Малевский-Малевиц Н.А. Указ. соч. С.124–126.

³⁸ Сокольский Г. Еще о покойном Овере // Московские Ведомости. 1865. 9 февраля.

нарным профессором А.И.Полуниным. Эта «лебединая песня» Сокольского (как врач-писатель он после нее навсегда замолчал) бросала свет на картину нравов казенной медицины России и давала яркое изображение не только Овера, но и личности самого автора статьи. Вот ее текст полностью.

«Чины, ордена или должности, заимствованные из формуляра и исчисляемые на могиле усопших, едва ли могут быть мерилем их достоинств. Итак, помимо официальных документов, скажу, что покойный Овер от самой природы своей имел отменные качества. Физическое благообразие, открытая физиономия, прямая речь, приятная модуляция голоса без всякой натяжки, – одни эти качества уже давали ему предпочтение со стороны больных и действовали на них обаяющим образом. Но то же обаяние покойного простиралось и на здоровых, скажу более – на самых начальников его (теперь уже покойных), которые, при желании встать в уровень с ним, никогда ему не противоречили и требования его по службе удовлетворяли беспрекословно. То же действие было и на врачей, собратий по ремеслу, которые при появлении Овера к больному отступали на второй план. Некоторые из них, может быть, не менее опытные и знающие, но удрученные со времен бурсы тяжелою ношей мудрости, не могли ни мыслить, ни действовать в подобие Оверу. Вот она – сила воспитания и школы, не покидающая нас до седых волос, о которой недавно столько толковали и порешили ни на чем. Школой для покойного были не заведения, а домашнее влияние Фишера и Гильдебранта, двух весьма замечательных, классически образованных мужей, о жизни которых также переданы потомству одни послужные списки³⁹. Давно умерший Дятковский⁴⁰, враг всего иноземного, проникнутый весь русским духом, еще в молодости Овера⁴¹ предсказывал, что он видит в нем *ex ungue leonem*⁴².

³⁹ Фишер – Г.И.Фишер фон Вальдгейм (1771–1853), профессор Московского университета, вице-президент Московского отделения Петербургской медико-хирургической академии (МХА); был близко знаком с И.В.Гете, Ф.Шиллером, А.Гумбольдтом.

Гильдебрант – Ф.А.Гильтебрандт (1773–1845), профессор университета и Медико-хирургической академии, знаменитый хирург; был известен своими гуманистическими взглядами и независимостью характера.

⁴⁰ Профессор Московского университета и Медико-хирургической академии И.Е.Дядьковский.

⁴¹ Овер происходил из семьи французских эмигрантов.

⁴² «По когтям узнают льва» (лат.).

Покойный не рожден был, по-видимому, ни для профессуры, ни для литературных трудов, требующих усидчивости⁴³. Истинный талант его проявлялся при постели больных. Быстрый, сметливый взгляд на болезнь, без особенных мудрствований, и поэтому большею частию успешность лечения при весьма несложных лекарствах и даже совершенно никаких; обхождение с больными столь же простое и чрезвычайно натуральное, без спеси к низшим и без подобострастия к высшим, – вот редкие в наше время качества, которых я многократно был свидетелем! Не казаться только, а быть совершенно в согласии со своей натуральностью, соблюсть безыскусственность и неизысканность в словах и обхождении, без тени шарлатанства, – это, бесспорно, составляет признак сильной по природе души. Правда, что при независимом положении всякий удобнее размахивается; правда и то, что иной труженик, забитый школой, учившийся на медные деньги, добившийся местечка по протекции, еле существующий своим трудом посильным, принужден на каждом шагу озираться из опасения попасть в опалу у больных, иногда *proh dolor*⁴⁴ прихвастнуть и приврать; однако ж мне случалось видеть покойного на съездах с врачебными старшинами, с крестоносцами и звездоносцами, достигшими, по-видимому, степеней известных, но которые также в его присутствии или терялись, или отходили на второй план. Вот она – сила простоты мысли и слова! И вот она, непрочность хождения на ходулях!

При наплыве к нам с Запада стольких врачебных теорий, покойный Овер не показал пристрастия ни к одной; он не блистал мудростью из прочитанной вчера книжки, не поддавался мечтаниям неопытных. Даже особенно любимые, преимущественные способы лечения трудно было заметить у покойного. Пусть это называют эклектизмом; в сущности оно показывает ум, не ослепляющийся новизной школ и не доверяющий každодневным их публикациям. К врачам, призывавшим его на совещание, покойный всегда был почтителен и радушен, что также способствовало обширной его известности в столице, решительно во всех ее направлениях и во всех слоях общества. Кажется, не было улицы, дома, где бы он не побывал; и сколько еще оставалось больных, его желавших и не получавших! Покойный не любил только врачей-пигмеев, поднимавшихся на цыпочки; но и эта борьба ограничивалась одними сарказ-

⁴³ Автор явно упустил из вида опубликованный Овером в 1847–1852 гг. клико-анатомический атлас в четырех томах, отмеченный наградами в ряде европейских стран.

⁴⁴ «К сожалению» (лат.).

мами, еще чаще молчанием. Наконец я от своего лица скажу, что на врачебных совещаниях советы его я постоянно находил наиболее удобоисполнимыми и наиболее с пользой применимыми. Умолчать о потере такого деятеля и не почтить память его благодарным словом значило бы, по словам Тацита, умышленно не признавать доблестей покойного».

В 1870–1880-е годы Сокольский был полностью забыт. В справочном издании «Вся Москва» его фамилия отсутствовала, так как он не был домовладельцем, не занимался частной практикой и не состоял на государственной службе. Можно, конечно, предполагать, что недвижимость или какие-то другие остатки былой собственности были записаны на родственников, с которыми он жил, но это мало меняло ситуацию: в социальном смысле он давно сошел со сцены. Только здесь можно искать ответ на последнюю загадку его жизни – точная дата его смерти вызывает вопросы. Большая Советская Энциклопедия называла 28 февраля (12 марта) 1886 года. Но по сообщению, опубликованному в журнале «Врач», он «скончался в Москве в апреле 1886»⁴⁵. Физико-медицинское общество, собравшееся на очередное заседание 24 марта, не знало о кончине своего почетного члена, и только в Протоколе пятого очередного заседания общества⁴⁶, состоявшегося 7 апреля, зафиксирован факт его смерти.

Председательствующий И.А.Зборовский обратился к присутствующим со следующей речью:

«Милостивые господа! Физико-медицинское общество понесло снова горестную утрату: на этот раз в лице достойнейшего из ветеранов отечественной медицины, почетного члена Общества Григория Ивановича Сокольского. Покойный Григорий Иванович принадлежал к той плеяде русских ученых, которым предназначено было в 30-х годах изменить строй наших медицинских факультетов, или, лучше сказать, превратить их из школ схоластики в действительные школы естественных и медицинских наук. <...> Он первый в стенах Московского университета читал психиатрию – предмет, который за ним снова долгое время не читался вплоть до назначения проф. Кожевникова⁴⁷. <...> Кро-

⁴⁵ *Врач. 1886. № 18. С.352.*

⁴⁶ *Труды Физико-медицинского общества, учрежденного при Императорском Московском университете в 1804 году. 1886 год. М., 1887.*

⁴⁷ *Здесь ошибка. Сменивший Сокольского Топоров тоже читал психиатрию; с А.Я.Кожевникова начинается преподавание неврологии и психиатрии на самостоятельной, то есть выделенной из «терапии», кафедре.*

ме перевода носографии Шёнлейна и других мелких литературных трудов, он оставил капитальный оригинальный труд, это «Физическое исследование грудных болезней», руководство, единственное в то время на русском языке, на котором воспиталось несколько поколений врачей, руководство, доставившее ему славу и обширную консультативную практику по грудным болезням.

Чтения его отличались ясностью изложения, отношения к студентам – теплотой. Пробыв только 13 лет профессором, он в 1848 году вышел в отставку по прошению. С 1848 года он проживал в Москве на покое, ведя почти затворническую жизнь. Несмотря, однако, на замкнутый образ жизни старого холостяка, сердце его оставалось открытым для научных и коллегальных интересов; так, в 1869 году, в ответ на присылку ему протоколов нашего Общества за этот год, он прислал со своей стороны 100-рублевый билет внутреннего займа на расходы по изданиям Общества и в том же году сделал более значительное денежное пожертвование в только что возникшее Медико-филантропическое общество, учрежденное для пособия недостаточным врачам и их семьям, которого он даже не состоял членом. Григорий Иванович умер в глубокой старости, пережив почти всех своих товарищей. Мир праху твоему, честный русский деятель на поприще отечественной медицины».

Эта же речь была опубликована в виде единственного развернутого некролога⁴⁸. Московский университет промолчал... Григория Ивановича без торжественных проводов захоронили на Дорогомиловском кладбище.

Выдающийся французский врач первой трети XIX в. Рене Лаэннек постоянно служил Сокольскому путеводной звездой. За без малого полвека прожитой Лаэннеком жизни, полной нужды и болезни, он успел создать основы объективной диагностики легочной патологии и существенно продвинуть патологическую анатомию по пути к превращению ее в теоретический фундамент клинической медицины. Но особого успеха у коллег и широкой общественности не получил и не удостоился ни академического звания, ни даже академической премии, которых добивался.

Подобные Лаэннеку врачи-естествоиспытатели, беззаветно преданные своему делу, готовые без колебаний принести ему в жертву и благоустроенность, и карьере, и даже собственное здоровье, встречаются довольно редко. Исключительная целеустремленность и настойчивость

⁴⁸ *Московские Ведомости. 1886. 12 апреля 1886.*

в решении научных проблем, критический склад ума и зачастую бескомпромиссность таких ученых создают у окружающих впечатление людей «трудных», порой неуживчивых и просто неприятных. У самих же подвижников возникает подчас гнетущее чувство полного разлада с реальностью, поскольку их личная жизнь складывается удачно или хотя бы терпимо лишь в единичных случаях, а безусловно заслуженная прижизненная слава обычно обходит их стороной.

Сокольский был несомненным представителем этого своеобразного «лаэннековского» типа ученых – странной для обывателей категории людей несвоевременных и в рамках конкретного периода (иногда даже эпохи) почти неуместных. Извечный конфликт между врожденной творческой потребностью личности, щедро одаренной от природы, и социальной средой, окаменевшей в условиях традиционного существования, сделал его человеком лишним, ненужным настоящему, но принадлежащим будущему. И все-таки ему повезло: он успел состояться как личность, врач и новатор, хотя и заплатил за это по чрезвычайно высокой цене – 25 лет забвения и затворничества.

Наши авторы

Гринеvский Олег Алексеевич

доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный
посол

в отставке, руководитель Центра Европа–США,
институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО

Марьяна Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института славяноведения РАН

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории и теории культуры
Российского государственного гуманитарного университета

Антонов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук,
преподаватель Института русской истории
Российского государственного гуманитарного университета

Our authors

Grinevsky Oleg Alekseevich

D. Sci., historian, Professor of Russian State University
for the Humanities and Moscow State Institute of International
Relations (University), Ambassador Extraordinary and Plenipoten-
tiary,

Director of the Center «Europe–USA», Institute of Europe, RAS

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor,
head specialist of Slavic Studies RAS

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor,
Chair of history and theory of culture
of Russian State University for the Humanities

Antonov Dmitriy Igorevich

Ph.D., historian, the teacher of Institute of Russian History,
Russian State University for the Humanities

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2007

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 14.06.2007. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12,25 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

3.2007 may-june

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Organizational Weapon-2.
Dialectics of the Natural and the Artificial
in Forthcoming «Final Destruction» of Russia ___ 4

Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

The Cold War: the Sources and the Lessons.
Towards the Interpretation of the Origins
of «Containment» (the end) _____ 30

Oleg Grinevsky

How Germany Unification had Started _____ 62

Pages of History

Valentina Mar'ina

Georgi Dimitrov as a Soviet Citizen: 1943–1945
(Based on G.Dimitrov's Diaries) _____ 96

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Karavashkin

The Austere Creativity:
On Alexander Aizenstat's Painting
and Graphic Works _____ 120

Labels and Myths

Dmitriy Antonov

«Images of no Image»: To the
Evolution of Medieval Russian Ideas
of Angels and Demons in the 17th
Century _____ 134

Resources of Nation

Vladimir Borodulin, Victor Topolyanskiy
A Superfluous Man: Doctor
G.I.Sokolski in the Mid-19th
Century Moscow (the end) _____ 170